

~~15274.~~

~~ТХ, 906.~~

Ри́жскій

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГІИ

Годъ V.

Л. 1892 Февраль

Содержаніе

1. Эстетическія тождованія на Илиаду Гомера. Е. Каммер. Перев. С. Николаевъ.
2. Вѣроученіе Гомера. Fr. Nägelsbach. §§ 58 - 72.
3. Въ англійскихъ гимназіяхъ. V. Н. Raydt.
4. Учебные планы австрійскихъ гимназій. - IV. Географія.
5. *Критика*: Оды Горачія. Объяснилъ А. Горбатовъ. А. Маленинъ.
6. *Varia*.

Приложеніе.

7. Цицеронъ. О природѣ боговъ. I. Перев. С. Б.

Въ мартовской книгѣ, въ память 300 лѣтняго юбилея Я. А. КОМЕНСКАГО, будетъ напечатанъ, въ первый разъ на русскомъ языкѣ, трудъ Коменскаго:

„JANUA LINGUARUM.“

Сотрудники „Гимназиі“

- Ахтырна. М. Лисицынъ (прог.).
Балтійскій-Портъ. Свящ. І. Регема.
Болградъ. А. Кондрацкій (г.).
— К. Гергеръ (прог.).
Борисоглѣбскъ. Б. Гедрихъ (прог.).
— Л. Горкевичъ.
Бѣла. Р. Киричинскій (гимн.).
Бѣлый. К. Бродскій (прог.).
Варшава. Л. Демченко.
— І. Канскій (дир. гимн.).
Вильно. Ф. Моношко (ж. г.).
Вязьма. И. Виноградовъ (Алекс. г.).
Глуховъ. М. Демковъ (учит. инст.).
Гомель. М. Окиншевичъ (прог.).
Екатеринбургъ. Г. Бергъ (р. уч.).
Елецъ. П. Первовъ (гимн.).
Елисаветградъ. Л. Косовскій (ж. г.).
— Н. Марковъ (р.-уч.).
— В. Рклицкій (р. уч.).
Замостье. Е. Киричинскій (прог.).
Ив.-Вознесенскъ. М. Лакомте (б. дир. г.).
Казань. Д. Нагуевскій (проф. ун.).
— В. Латышевъ.
Калуга. Ф. Штифтаръ (гимн.).
Каменецъ-Подольскъ. М. Грицчакъ (г.).
Камышинъ. А. Рождественскій (дух. уч.).
Карачевъ. А. Лещинскій (уч. сем.).
Кіевъ. И. Анненскій (дир. К. П. Г.).
— И. Корольковъ (проф. дух. ак.).
— С. Воскресенскій (гимн.).
— А. Юревичъ (б. уч. гимн.).
Краснослободскъ. К. Трейманъ (прог.).
Курскъ. М. Буклинъ (гимн.).
Лодзь. А. Шумейко (гимн.).
Митава. С. Рожанконскій (дир. гимн.).
Мозырь. П. Изенфламъ (прог.).
Москва. В. Аппельротъ (гимн.).
— Л. Поливановъ (дир. гимн.).
— В. Шенрокъ (гимн.).
— И. Семеновъ.
Новгородъ. И. Можайской (инсп. н. уч.).
Н.-Новгородъ. И. Шенрокъ (гимн.).
— А. Кролюцкій (гимн.).
Новочернаскъ. И. Автократовъ (гимн.).
— И. Шамонинъ (р. уч.).
Новый Бугъ. И. Успенскій (уч. с.).
Нѣжинъ. А. Кузнецовъ (инст.).
Одесса. П. Ладновъ (прог.).
— П. Брактенгеймеръ (гимн.).
— М. Цоцруженко (пр.-д. ун.).
Омскъ. К. Ельницкій (кад. к.).
Полтава. М. Андриашевъ (гимн.).
Полангенъ. В. Зайцъ (прог.).
Ревель. Е. Ветнекъ (г.).
— В. Жемчужинъ (р. уч.).
— Н. Кораблевъ (гимн.).
— А. Миллеръ (ж. г.).
— С. Николаевъ (гимн.).
— П. Пользинскій (г.).
— А. Реде (ж. г.).
— М. Тимофеевъ (б. уч. г.).
— Е. Шмидтъ ф.-д.-Лауницъ (г.).
— Г. Яичевскій (дир. г.).
Рига. Свящ. А. Аристовъ.
— И. Желтовъ (б. уч. г.).
— М. Крыгинъ (г.).
— С. Шарова (ж. г.).
Рыбинскъ. Н. Веригинъ (прог.).
Смоленскъ. Г. Лобовиковъ (р. уч.).
— М. Дроздовъ (дух. сем.).
— С. Блажеевскій (г.).
С.-Петербургъ. М. Андреевнъ (гимн.).
— С. Гинтовъ (г.).
— А. Желобовскій (г.).
— П. Киприановичъ (г.).
— М. Лянченко.
— А. Малейнъ.
— В. Межовъ.
— М. Нагорскій (г.).
— Н. Невзоровъ (г.).
— А. Образцовъ (г.).
— Н. Сандуевскій (г.).
— А. Филоновъ (б. дир. г.).
Ставрополь. Н. Кузнецовъ (г.).
Стародубъ. Е. Курчинскій (дух. уч.).
Таганрогъ. А. Громачевскій (дир. г.).
Тверь. Н. Овсянниковъ (б. дир. г.).
Тифлисъ. А. Приселковъ (гимн.).
— Е. Богословскій (гимн.).
Тула. Прот. А. Ивановъ (гимн.).
Урюпино. Н. Чекановъ (р. уч.).
Усть-Медвѣдица. Н. Боголюбовъ (г.).
Харьковъ. А. Мадяренко.
Холмъ. Е. Гомеровъ (гимн.).
— В. Ипатовъ (гимн.).
Хортица. А. Нейфельдъ (центр. уч.).
Царское-село. С. Цыбульскій (гимн.).
Черниговъ. А. Тиховъ (гимн.).
— Я. Мищенко (гимн.).
Зривань. В. Романовскій (гимн.).
Феодосія. И. Бутовъ (уч. инст.).
— А. Солоникю (гимн.).

Г И Ж И Ё З І А

ЖУРНАЛЪ

ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

In primis, ut tenerae mentes tracturaeque altius, quicquid rudibus et omnium ignaris insederit, non modo, quae diserta, sed vel magis, quae honesta sunt, discant. Ceteris, quae ad eruditionem modo pertinent, longa aetas spatium dabit. Quint. inst. or. I, 8.

ГОДЪ V

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

L

1892

Ревель

Печатня Г. Матизена. Никольская ул., д. № 23

1892

Л. И. Ш. И. И. И.

КАРНАЛЪ

Ф. И. Ш. И. И. И.

Дозволено цензурою. — Ревель, 27 Февраля 1892 г.

1892

Ed. Kammer

Директоръ гимназіи въ Ликѣ.

ЭСТЕТИЧЕСКІЯ ТОЛКОВАНІЯ

на

ИЛЛАДУ ГОМЕРА

Переводъ

С. Николаева.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ГИМНАЗІЯ“

Ревель

Печатня Г. Матизена. Никольская ул. д. № 23

1892

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Первоначальная Иліада.

1. Введеніе. 2. Обманчивый сонъ. 3. Первый актъ: первое сраженіе безъ Ахиллеса.
4. Второй актъ: неудавшаяся попытка примиренія. 5. Третій актъ: второе сраженіе безъ Ахиллеса. 6. Развязка. 7. Окончаніе.

II. Люди Гомера по первоначальной Иліадѣ.

1. Отношеніе ихъ къ силамъ природы. Небесныя силы.
Небо. Свѣтъ. Солнце. Туча. Ночь, луна, звѣзды.
Времена года.
Земля. Море. Буря.
2. Царство животныхъ.
Левъ. Шакаль. Пантера. Волкъ. Дикая свинья. Лошадь. Собака. Овца. Осель.
Муль. Олень. Орель. Ястребъ. Соколы. Гуси. Журавли. Лебеди. Скворцы.
Галки. Голуби. Рыбы. Дельфины. Змѣя. Саранча.
Живое участіе человѣка къ животнымъ.
3. Сравненія Гомера.
4. Отношеніе человѣка къ природѣ.
Его художественно-пластическое созерцаніе природы.
5. Человѣкъ Гомера.
Художественно-пластическій образъ истинной человѣческой природы.
6. Формы человѣческой природы.
Семья. Дитя. Юноша. *Антилохъ*.
Дѣвушка. Женщина-домоправительница. Супружеская жизнь: *Зевсъ и Гера*.
Супружеская любовь: *Гекторъ и Андромаха*.
Родительская любовь: *Приамъ и Гекуба*.
Материнская любовь: *Фетида*. — *Елена*.
7. Мужскія занятія.
Мореходство. Земледѣліе. Скотоводство. Военныя игры. Война. Совѣщанія. Царская власть. Демагоги. Фертить.
8. Типы героевъ.
Діомедъ. Аяксъ. Гекторъ. Агамемнонь. — Ахиллесъ.
9. Старческий возрастъ.
Фениксъ. Несторъ.

10. Духовный образъ народа.

Мудрость и благоразуміе. Разсудительность. Человѣчность. Состраданіе. Уваженіе.

Чувство прекраснаго. Свѣтлая жизнерадостность. Ослѣпленіе. Молитвы раскаянія. Болѣзнь и смерть. Адъ.

Дѣтски-довѣрчивое благочестіе. Мэра.

Мірѣ божествъ. Зевсъ. — Значеніе стиховъ Гомера. Языкъ и изложеніе Гомера.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Добавленія, внесенныя въ первоначальную Иліаду.

Предисловіе.

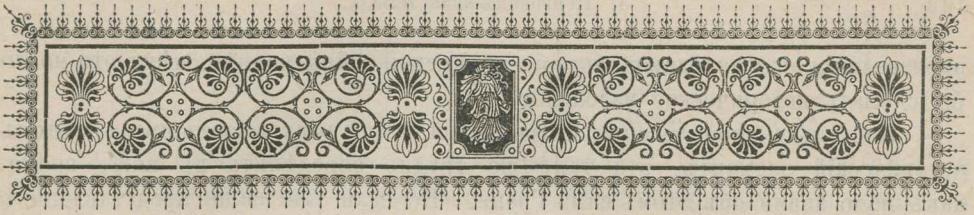
Великолѣпная картина древней жизни, переходившая въ теченіе столѣтій изъ рукъ въ руки, къ свѣдущимъ и несвѣдущимъ людямъ, и неоднократно поддержавшаяся существеннымъ измѣненіямъ, какъ въ внѣшней своей формѣ, такъ и въ духовномъ пониманіи и характеристикѣ, требуетъ отъ позднѣйшаго реставратора, чтобы онъ всецѣло отдался своей работѣ: проникъ въ техническій способъ изложенія и въ кругъ идей того времени, къ которому относится эта картина. Къ тому-же, въ слѣдствіе продолжительной устной передачи, къ стихамъ Гомера присоединились всевозможныя вставки и добавленія, которыя тѣмъ труднѣе отдѣлать отъ первоначальнаго текста, что у насъ кромѣ двухъ поэмъ Гомера нѣтъ другихъ памятниковъ этой эпохи, такъ что понять эти произведенія мы можемъ только при серьезномъ изученіи, основанномъ на добросовѣстности и любви къ самимъ поэмамъ.

Цѣль этой книги не составляетъ отдѣленіе оригинальныхъ выраженій отъ заимствованныхъ. Цѣль этой книги — ввести читателя, преимущественно, въ другую область дѣятельности поэта — раскрыть художественную сторону *Иліады*, какъ литературнаго произведенія, ознакомить съ планомъ эпоса и дать возможность прослѣдить отдѣльныя нити, соединяющія ткань произведенія. При такомъ изслѣдованіи особенно выдѣлилось то явленіе, что вездѣ, гдѣ нити порываются, гдѣ входятъ чуждые, произвольные мотивы и разрывается первоначальный стихъ, тамъ и самыя выраженія оказываются чуждыми, заимствованными и

употребленными какъ бы механически; такимъ образомъ изслѣдованіе слога стало фундаментомъ для изслѣдованія художественнаго.

Авторъ надѣется, что ему удалось очистить первоначальную Илиаду отъ множества присоединившихся къ ней чрезъ устную передачу добавленій, исказившихъ въ иныхъ мѣстахъ совершенно духъ произведенія и возмущающихъ современныхъ читателей. Во всякомъ случаѣ, авторъ убѣжденъ, что изъ того, что онъ предлагаетъ здѣсь, какъ первоначальную Илиаду, не отнять ни одинъ изъ тѣхъ драгоценныхъ камней, которые могло дать народное преданіе. Въ наше время, когда еще не вполнѣ затихъ вопросъ о переутомленіи, имѣвшій свою, какъ хорошую, такъ и дурную сторону, не слѣдовало бы увеличивать педантичности, хотя бы, напр., тѣмъ, что обыкновенно, вслѣдствіе чрезмѣрной добросовѣстности, доходящей до мелочности, всѣ пѣсни Гомера читаются одинаково, между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ отличаются замѣчательною художественностію, а другія лишены ея; все же прекрасное и возвышенное нужно преподавать юношеству въ сжатой формѣ.

Прежде всего, авторъ обращается къ учительскому сословію, на долю котораго выпала счастливая задача ввести юношество въ міръ древней жизни. Потомъ онъ обращается и ко всей учащейся молодежи, предлагая ей, въ простотѣ, правдѣ и красотѣ произведеній Гомера, давшихъ благородство формы и искренность чувства уже двумъ классическимъ эпохамъ процвѣтанія европейской литературы, одно изъ лучшихъ средствъ къ исправленію своихъ собственныхъ чувствъ. Наконецъ, авторъ обращается ко всѣмъ тѣмъ, кто въ наше время сохранилъ влеченіе къ вѣчнымъ и прекраснымъ образамъ поэтической фантазіи. Живѣйшее желаніе автора состоитъ въ томъ, чтобы эта книга нашла снисходительныхъ читателей и критиковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„Гомеровскія поэмы еще и въ наше время имѣютъ силу освободить насъ, по крайней мѣрѣ на нѣсколько мгновений, отъ той страшной тяжести, которую даютъ насъ преданія многихъ тысячелѣтій.“

Гете. Изр. № 461.

I. Первоначальная Илиада.

Въ поэмѣ Гомера „Илиада“ не описывается годъ за годомъ вся троянская война, съ самаго начала до взятія и разрушенія города; этотъ чисто-историческій матеріалъ, съ его пестрой перемѣной отдѣльныхъ дѣйствій и разнообразіемъ враждующихъ лицъ, лишень единства, общаго центра, безъ чего невысказано литературное произведеніе. При томъ, и самыя важныя сраженія, опредѣляющія судьбу людей и народовъ, еще не становятся вслѣдствіе этого поэтичными и сами по себѣ не пригодны для художественной обработки; они могутъ только тогда вступить въ область истиннаго искусства, когда геній поэта представитъ ихъ, какъ человѣческую скорбь, постигающую людей или вслѣдствіе высшаго предопредѣленія, или вслѣдствіе нашей умственной близорукости. Человѣческое сердце съ его любовью и ненавистью, радостями или страданіями, согрѣтое удачею или ожесточенное злымъ рокомъ, есть и будетъ, пока существуютъ люди, вѣчнымъ источникомъ истинной поэзіи; поэтому поэзія, къ какой бы она эпохѣ ни принадлежала, рождаясь всегда отъ одной первоначальной и неизмѣнной причины, должна быть способна возвысить человѣческое сердце до чистой радости или низвести до мрачной печали.

Для автора Илиады преданія о троянской войнѣ только сосудъ, для котораго онъ силой своего творчества создаетъ новое содержаніе. Авторъ искусно переноситъ свой рассказъ къ концу троянской войны, такъ что является необходимость обращаться къ прошлымъ событіямъ, служащимъ какъ бы указаніемъ предстоящаго паденія города. Благодаря искусству поэта,

произведения его передают историю троянской войны полнѣе, чѣмъ это могло бы сдѣлать историческое изложение.

Насколько ясно легенда о троянской войнѣ раскрываетъ предъ поэтомъ историческій элементъ, это такъ же трудно опредѣлить въ наше время, какъ мало знали объ этомъ сами Греки. Но если уже наше представление о безграничной творческой силѣ, которую мы вправѣ предполагать у всякаго поэтическаго гения, противорѣчитъ тому мнѣнію, будто Гомеръ далъ только форму народной легендѣ, уже разработанной до мельчайшихъ подробностей, то сохранившаяся до нашего времени Илиада сама по себѣ служитъ достаточно опроверженіемъ этого взгляда. При изобилии героевъ, сражавшихся, какъ мы видимъ въ поэмѣ, на сторонѣ ахейцевъ, становится невозможнымъ, чтобы война длилась десять лѣтъ; уже одинъ поэтический образъ Ахиллеса противорѣчитъ вполнѣ образовавшейся легендѣ о десятилѣтней войнѣ. Даже не будь Ахиллеса, всетаки бурная храбрость отдѣльныхъ греческихъ героевъ должна была бы заставить автора сократить въ своемъ произведеніи продолжительность борьбы, если бы Зевсъ по особымъ причинамъ отдалялъ паденіе города. Илиада, по своему существу, есть новое твореніе самого поэта. Для греческаго народа, жившаго отдѣльными племенами и государствами, легенда о троянской войнѣ была идеальнымъ изображеніемъ величественнаго національнаго предпріятія, соединившаго подъ однимъ знаменемъ всѣхъ царей того времени съ тою цѣлью, чтобы отомстить азіатскому владыкѣ, непримиримому врагу грековъ, за оскорбленіе, нанесенное одному изъ греческихъ царей. Имена героевъ и отдѣльные подвиги взяты поэтомъ изъ народнаго преданія, которое, переходя изъ рода въ родъ, приписываетъ троянскому походу десятилѣтнюю продолжительность съ цѣлю прославить его. Но вотъ явился поэтический гений и вызвалъ изъ влажной почвы бурный потокъ, породившій разнообразную, полную движенія жизнь.

Преданіе говоритъ, что многіе самостоятельные, могущественные владетели и цари, выступая въ походъ противъ Трои, подчинились предводительству одного царя, прежде стоявшаго съ ними наравнѣ. Здѣсь поэтъ, вновь оплодотворяя своимъ искусствомъ зерно народнаго преданія, ставитъ вопросъ: а что, если предводитель владѣлъ этимъ достоинствомъ только съ вѣшной стороны; если онъ не обнаруживалъ, что оно присуще ему вслѣдствіе его личныхъ качествъ, нравственнаго превосходства и храбрости; если онъ, злоупотребляя ввѣренной ему властью, оскорбилъ царя, превосходившаго всѣхъ своимъ мужествомъ и благородствомъ; если онъ, оскорбленный, по молодости лѣтъ и страстному темпераменту, не сумѣлъ удержать своего сердца, быстро запылавшаго гнѣвомъ при видѣ низкихъ поступковъ? Это описаніе личной вражды двухъ героевъ, Агамемнона и Ахиллеса, даетъ новое освѣщеніе народному преданію; теперь битвы между троянцами и ахейцами являются какъ бы слѣдствіемъ несчастной вражды между двумя героями; разгнѣванный молодой герой отказывается участвовать въ сраженіяхъ, надѣясь, что пораженіе грековъ восстановитъ его честь. Въ XVI-ой пѣснѣ (ст. 52) въ слѣдующихъ выраженіяхъ излагаетъ онъ причину своего гнѣва:

... жестокий мнѣ гнѣвъ наполняетъ и сердце, и душу,
 Если я вижу, что равный равнаго хочетъ ограбить,
 Хочетъ награды лишить, потому лишь, что властью онъ силенъ!

Если оскорбленіе, нанесенное Агамемнономъ Ахиллесу, есть виѣшній поводъ, служащій началомъ дѣйствій, то гнѣвъ за причиненную обиду, съ его несчастными послѣдствіями, составляетъ предметъ пѣсней, въ которыхъ поэтъ, искушенный жизненнымъ опытомъ, показываетъ намъ, какъ часто судьба идетъ въ разрѣзъ со всѣми людскими предположеніями и расчетами. Содержаніе Иліады разлагается слѣдующимъ образомъ.

1. Введеніе.

Въ 10-ый годъ войны приходитъ въ ахейскій лагерь съ священными знаками своего достоинства жрецъ Аполлона Хризь, чтобы мольбами и богатымъ выкупомъ освободить свою дочь, бывшую плѣнницей предводителя. Но Агамемнонъ, исполненный любви къ дѣвицѣ, отвѣчаетъ на просьбы старца лишь неуваженіемъ въ немъ священническаго сана, дерзкой и гнѣвною рѣчью. Въ страхѣ покинувъ лагерь грековъ, старецъ отправляется на берегъ неумолчно шумящей пучины и молить Аполлона отомстить ахейцамъ за оскорбленіе, нанесенное его жрецу. Чернѣе ночи, нисходитъ разгнѣванный богъ съ вершины Олимпа, и своими стрѣлами посылаетъ на ахейскій лагерь моровую язву. Множество звѣрей и людей дѣлаются жертвой этой страшной болѣзни, и въ станѣ непрестанно возжигаются костры для сожженія труповъ. Наконецъ, на 10-ый день, по внушенію богини Геры, супруги Зевса, скорбѣвшей о гибели ахейцевъ и желавшей положить конецъ ихъ бѣдствіямъ, Ахиллесъ созываетъ народное собраніе, на которомъ описываетъ бѣдствія и, предполагая, что Аполлонъ гнѣвается за невыполненные обѣты, приглашаетъ всѣхъ умиловитивъ бога жертвами и дарами. Но Калхасъ, верховный птицегада-тель ахейцевъ, ясно высказываетъ, что язва постигла войско не вслѣдствіе невыполненныхъ обѣтовъ, и обѣщаетъ открыть истинную причину несчастія, если Ахиллесъ поклянется взять его подъ свою защиту. Въ благородномъ порывѣ чувствъ, полный любви къ своему народу, обреченному на гибель, Ахиллесъ обѣщаетъ старцу свою защиту, если онъ будетъ въ ней нуждаться:

... хотя бы назвалъ самого ты Атрида,
 Властію нынѣ гордящагося въ станѣ ахеянъ ...

Уже этими словами, которыя должны были возбудить въ легкооскорблявшемся предводителѣ недовѣріе къ могущественному герою Ахиллесу, былъ брошенъ первый вызовъ открытой вражды между двумя царями. Подобно бурнымъ морскимъ волнамъ, съ стихійною силою вырвалась наружу въ страстныхъ рѣчахъ обоюдная ненависть, съ давнихъ поръ развившаяся въ сердцахъ двухъ столь различныхъ личностей.

Съ одной стороны — верховная власть, соединенная съ мелочнымъ эгоизмомъ, отталкивающимъ высокомѣріемъ и лишеніемъ прежде дарованной добычи, съ другой — царственное сердце, отзывчивое на все высокое и пре-

красное, неустрашимо ненавидящее гнусную алчность, сердце, которое при видѣ низкихъ поступковъ охватывается пламенемъ юношеской силы и страсти и переступаетъ границы закона и авторитета. Въ самый разгаръ мора, когда Агамемнонь, для прекращенія общаго бѣдствія, соглашается возвратить Хризу его дочь, но требуетъ взамѣнь ея Бризеиду, полученную Ахиллесомъ отъ ахейцвъ въ награду за подвиги, молодой герой, чувствуя себя оскорбленнымъ, хватается за мечъ, чтобы поразить своего противника, ненавистнаго и низкаго соперника; но эта ярость сама собой проходитъ, снова уступая мѣсто разсудку; въ тотъ же моментъ къ Ахиллесу приближается богиня Афина, посланная Герой, уже во второй разъ принимающей участіе въ дѣлѣ ахейцевъ. Ласковое и ободряющее слово богини, очевидно признававшей поведеніе Агамемнона недостойнымъ, и, въ заключеніе, энергичное напоминаніе о покорности — „смирись и намъ повинуйся“ возвращаютъ возбужденному герою его самообладаніе:

... покорность полезнѣе будетъ:

Кто безсмертнымъ покоренъ, тому и безсмертныя внемлютъ....

Успокоившійся, но все еще негодующій Ахиллесъ, даетъ понять всему собранію, что онъ не намѣренъ болѣе участвовать въ битвахъ:

... безсиленъ ты будешь

Помощь подать, какъ толпы ихъ отъ Гектора мужеубійцы

Свергнутся въ прахъ, и душой ты истерзаешься, бѣшенъ

Самъ на себя, что ахейца славнѣйшаго обезславилъ ...

Вслѣдствіе отказа Ахиллеса личная вражда обоихъ героев принимаетъ роковой оборотъ уже для всѣхъ ахейцевъ. Тогда встаетъ съ своего мѣста сладкорѣчивый витязь Пилосскій Несторъ, пытающійся ради блага войска помирить поссорившихся героевъ. Выдаваясь среди всѣхъ своею опытностію, онъ всегда призывался на помощь въ затруднительныхъ положеніяхъ; поэтому и теперь онъ счелъ своею обязанностію стать посредникомъ между Ахиллесомъ и Агамемнономъ. Въ прекрасныхъ и простыхъ выраженіяхъ онъ старается повліять на обоихъ противниковъ соответствующимъ образомъ: одному напоминаетъ о покорности предъ верховною властію, другого проситъ оставить вражду и не спорить съ лучшимъ героемъ. Но все напрасно: Агамемнонь, вмѣсто того, чтобы всѣмъ сердцемъ отозваться на его увѣщанія, объясняетъ ихъ еще въ свою пользу и не обнаруживаетъ поэтому ни малѣйшаго желанія примириться, — что уже вконецъ ожесточаетъ Ахиллеса.

Такъ оканчивается народное собраніе, которое возбудило пагубную для всѣхъ ахейцевъ вражду героевъ. Одиссей, царь Итаки, получаетъ отъ Агамемнона порученіе возвратить Хризу его дочь и принести Аполлону искупительную жертву; въ то же время народъ очищаетъ себя омовеніемъ.

Но Агамемнонь не забылъ своей угрозы: непримиримый духомъ, онъ посылаетъ двухъ своихъ глашатаевъ, Талейбія и Эврибата, съ неприятымъ порученіемъ — привести Бризеиду изъ палатки Ахиллеса; герольды въ страхѣ остановились предъ Ахиллесомъ, но онъ, обнаруживая великодушный образъ мыслей, ласково привѣтствуетъ ихъ и повелѣваетъ своему другу Патроклу

передать Бризеиду царскимъ посланцамъ. Но когда угроза была приведена въ исполненіе, когда честь героя была оскорблена, онъ удалился отъ своихъ товарищей на морской берегъ и, обративъ свой взглядъ къ безграничному морю, повѣдалъ скорбь свою нѣжной матери, богинѣ Ѳетидѣ. Подобно легкому облаку поднявшись изъ глубины моря, богиня появилась на поверхности водъ и, лаская рукою горящаго сына, такъ говорила ему:

Что ты, о сынъ мой, рыдаешь? Какая печаль посѣтила
Сердце твое? Не скрывайся, повѣдай, да оба мы знаемъ!

Тогда Ахиллесъ раскрываетъ предъ любящей матерью свое сердце, облегчаетъ его длинною рѣчью и проситъ богиню умолить Зевса, чтобы онъ, помогая троянцамъ, нанесъ пораженіе ахейцамъ, чтобы и ахейцы поняли, каковъ ихъ верховный владыка, и самъ Агамемнонъ созналъ свою вину. Ѳетида обѣщаетъ исполнить просьбу сына, который, обреченный на скорую смерть, уже потерпѣлъ тяжелую обиду. На другой день она отправляется къ Зевсу и, припавъ къ его колѣнамъ, проситъ его взять троянцевъ подъ свою защиту, пока ахейцы не вознаградятъ ея сына сторицей за обиду. Великій громовержецъ, обсудивъ дѣло, соглашается, въ виду прежнихъ заслугъ богини, исполнить ея просьбу; амброзійные волосы сотряслись окрестъ главы громовержца и дрогнулъ великій Олимпъ.

Но отъ ревниваго взора Геры не ускользнуло посѣщеніе Ѳетиды; какъ разумная жена и богиня, она поняла смыслъ его; и вотъ уже въ свѣтлыхъ чертогахъ Олимпа готовился вспыхнуть раздоръ въ видѣ ссоры между супругами, которая повергла бы всѣхъ боговъ въ мрачное и угнетенное состояніе; но счастливый юморъ поэта возстановляетъ посредствомъ сыновней любви Гефеста миръ и согласіе между бессмертными богами, въ противоположность несчастнымъ людямъ. (I пѣснь: ст. 1—264; 266—422; 428; 429; 497—611).

2. Обманчивый сонъ.

Ночь. Агамемнонъ объять сладкимъ сномъ. Зевсъ посылаетъ къ нему бога сновидѣній, который, навѣвая на душу самыя радостныя и свѣтлыя мечты, повелѣваетъ предводителю собрать на утро всю рать: боги рѣшили, что въ этотъ день онъ завоюетъ Трою.

Едва утренняя заря загорѣлась на Олимпѣ, чтобы озарить боговъ и людей, какъ уже пробудившійся владыка приказалъ громкоголосымъ глашатаямъ немедленно созывать ахейцевъ на собраніе. Какъ пчелы гроздообразнымъ роємъ вылетаютъ изъ улья, чтобы тамъ и сямъ спуститься на цвѣтокъ, такъ и ахейцы стекались толпами изъ своихъ палатокъ и кораблей на мѣсто собранія, гдѣ другіе герольды поддерживали порядокъ. Первымъ встаетъ съ своего мѣста повелитель народовъ Агамемнонъ, чтобы намѣренно лживою рѣчью испытать духъ войска. Въ противорѣчій съ своими надеждами, возбужденными сномъ минувшей ночи, онъ начинаетъ жестоко упрекать самого Зевса, что онъ, не исполнивъ своихъ прежнихъ обѣщаній, по-

велѣваетъ ему безславно возвратиться на родину. Уйти, не завоевавъ Трои, для грековъ тѣмъ постыднѣе, что они даже числомъ далеко превосходятъ троянцевъ; однако уже истлѣли мачты и веревки на корабляхъ, а дома съ нетерпѣніемъ ждутъ жены и малыя дѣти возвращенія мужей и отцовъ:

Должно бѣжать, возвратиться въ драгое отечество наше,
Намъ не разрушить Трои, съ широкими стогнами града!

Но преднамѣренная ложъ произвела неожиданное впечатлѣніе; всѣ бросились къ кораблямъ, чтобы приготовиться къ немедленному отъѣзду. Богиня Гера снова принимаетъ участіе въ ахейцахъ, она посылаетъ Аѳину къ быстроходнымъ кораблямъ, чтобы предотвратить безумный поступокъ. Одиссей, подобный по мудрости Зевсу, еще не прикоснулся къ своимъ кораблямъ, стыдъ и негодованіе закипѣли въ его сердцѣ; вотъ къ нему-то и приблизилась богиня, повелѣвая разумными словами отклонить ахейцевъ отъ безразсуднаго намѣренія. Со скипетромъ въ рукѣ, который служилъ символомъ власти его, спѣшитъ Одиссей отъ одного предводителя къ другому, объясняя всѣмъ, что Агамемнонъ хотѣлъ только испытать ихъ, а теперь накажетъ всякаго дерзкаго ослушника.

Чтобы разладъ не проникалъ далѣе въ войско, Одиссей каждому напоминаетъ объ уваженіи къ власти верховнаго предводителя и требовалъ повиновенія. Ахейцы, подобно морскимъ волнамъ, съ ревомъ ударяющимся о берегъ, снова стремительно ринулись къ мѣсту собранія. Лишь Фертитъ, презрѣннѣйшій изъ ахейцевъ, пытался еще разъ грубыми рѣчами возстановить народъ противъ Агамемнона и тутъ же получилъ достойное возмездіе, которое всѣ признаютъ вполне заслуженнымъ. Тогда только обращается Одиссей къ народу и столь воспламеняетъ его своими рѣчами, что все войско радостными криками одобренія единодушно высказываетъ полное согласіе продолжать осаду Трои. Послѣ него начинаетъ говорить Несторъ, который своими энергичными и пламенными рѣчами снова укрѣпляетъ ликующій народъ въ повиновеніи; онъ ободряетъ также Агамемнона и даетъ ему совѣты относительно предстоящихъ сраженій. Ободренный такимъ образомъ, встаетъ, наконецъ, и Агамемнонъ; воздавая похвалу необыкновенному краснорѣчію Нестора, онъ распускаетъ народъ, чтобы всякій успѣлъ подкрѣпиться и приготовиться къ битвѣ, которую прервать можетъ только наступленіе ночи.

Въ то время, какъ воины спѣшили обѣдать и принести жертвы богамъ, Агамемнонъ собралъ у себя знатнѣйшихъ предводителей на совѣтъ: Нестора, Идомея, обоихъ Аяксовъ, Одиссея и своего брата Менелая, чтобы вмѣстѣ совершить жертвоприношеніе богамъ. Самъ верховный владыка обратился къ Зевсу съ горячей мольбою, чтобы онъ помогъ ему сегодня разрушить Трою и умертвить Гектора; затѣмъ, по совѣту Нестора, онъ посылаетъ глашатаевъ съ приказомъ собрать войско на битву. Подобно пламени огня, вспыхнувшему среди лѣса на вершинѣ горы, блестящіе доспѣхи двигавшагося войска, и, какъ берега рѣки Каистра оглашаются криками летающихъ туда гусей, журавлей и лебедей, такъ стонала земля подъ ногами пѣшихъ и конныхъ. Въ то время, какъ предводители, подобно пастуху, собираю-

щему свое стадо, строятъ къ битвѣ свои войска, въ троянскій лагерь является вѣстница Зевса Ирида въ образѣ шпиона и, сообщая о движеніи ахейскихъ войскъ, побуждаетъ Гектора выступить со всѣми союзниками противъ ахейцевъ. Троянцы, подъ начальствомъ своихъ вождей, располагаются на равнинѣ противъ ахейцевъ. Агамемнонъ обходитъ войско, ободряя и воспламеняя сердца къ предстоящему бою, воздавая похвалу храбрымъ и порицая трусливыхъ; тутъ мы знакомимся съ главными героями: Идоме-неемъ, Несторомъ, Менелаемъ, Менесеемъ, вождемъ аонянъ, Одиссеемъ, Діомедомъ, сыномъ Тидея, и его другомъ Сѣнеломъ.

3. Первый актъ: первое сраженіе безъ Ахиллеса.

Бой начинается. Какъ волна за волной бьетъ о морской берегъ, такъ двигалось, отрядъ за отрядомъ, ахейское войско, исполнявшее приказаніе вождей. Троянцы, напротивъ, стремились съ шумомъ и гамомъ, какъ стадо блеющихъ овецъ; въ ихъ войскѣ царствовали пестрота и смѣсь языковъ, такъ какъ многіе изъ союзниковъ принадлежали къ чуждымъ племенамъ, говорившимъ разными нарѣчіями. Наконецъ, столкнулись оба войска; щитъ ударяется о щитъ, перекрещиваются мечи и копыя; здѣсь слышны стоны раненыхъ, тамъ — клики ликующихъ побѣдителей, и земля кругомъ обогрилась кровью. Подобно оглушительному шуму горныхъ потоковъ, несущихъ весной свои воды въ долину, носились въ воздухѣ боевые крики воиновъ, начавшихъ кровавую работу. Но изъ всѣхъ героевъ особенно выдѣляется своею храбростію Діомедъ, сынъ Тидея, которому Аѣина вложила въ сердце неустрашимое мужество, чтобы онъ пожалъ неувядаемую славу. Подобно тому, какъ потокъ, дождями надутый, сноситъ мосты, срываетъ плотины и, разливаясь по полямъ и долинамъ, вездѣ разрушаетъ труды человѣка, такъ бушевалъ Діомедъ по бранному полю, поражая смертью троянцевъ. Они были уже отброшены къ городскимъ стѣнамъ. Но вотъ ихъ лучший птицегадатель Геленъ, сынъ Пріама, обращаясь къ Гектору и Энею, проситъ ихъ возстановить равновѣсіе на полѣ битвы; онъ совѣтуетъ Гектору, отправившись въ городъ, послать женщинъ молиться въ храмѣ Аѣины о спасеніи отъ неистовствующаго Діомеда. Гекторъ тотчасъ своими рѣчами останавливаетъ обратившихся въ бѣгство троянцевъ. Они бросаются снова на ахейцевъ, которые, пораженные неожиданнымъ нападениемъ, отступаютъ назадъ, думая, что кто нибудь изъ безсмертныхъ боговъ сошелъ съ неба на помощь троянцамъ. Такимъ образомъ Гекторъ получаетъ возможность исполнить совѣтъ Гелена и отправляется въ городъ, поэтъ же пользуется благопріятнымъ случаемъ прервать описаніе кровопролитій и развертываетъ предъ нами ласкающія сердце картины.

Въ началѣ поэмы Гомеръ далъ намъ подробное описаніе ахейскаго лагеря и его героевъ; теперь онъ вводитъ насъ въ осажденный городъ, знакомитъ съ важнѣйшими лицами Трои, повѣствуетъ объ отношеніи народа къ Парису, виновнику войны, который, недовольный непріязнью къ нему

народа, сидить дома и не участвуетъ въ битвѣ. Но Гектору было суждено послѣдній разъ быть въ Троѣ. Быстро проходятъ предъ нашими глазами пріятныя и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко трогательныя картины: встрѣча Гектора съ его матерью Гекубой, шествіе троянскихъ женъ на молитву въ храмъ Афины, молитва жрицы Феоано, посѣщеніе Гекторомъ легкомысленнаго Париса и несчастной Елены и, наконецъ, его трогательное прощаніе съ Андромахой и сыномъ Астіанаксомъ. Уже здѣсь поэтъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ подготавливаетъ насъ къ предстоящей гибели героя и возбуждаетъ самое искреннее сочувствіе къ нему. Въ то время, когда Гекторъ уже намѣренъ оставить городъ, къ нему присоединяется, соотвѣтственно обѣщанію, вооруженный Парисъ, который спѣшитъ за нимъ, подобно породистому коню, застоявшемуся въ конюшнѣ у яслей.

Братья во время подоспѣли на поле битвы. Какъ изнуренные гребцы радостно встрѣчаютъ послѣ долгаго затишья попутный вѣтеръ, такъ обрадовалось и троянское войско появленію новыхъ героевъ. Также и Зевсъ помогаетъ троянцамъ, посылая имъ знаменіе побѣды — молнію съ правой стороны. Ободренные троянцы тѣсятъ ахейцевъ, охваченныхъ слѣпымъ страхомъ; подобно неутомимой собакѣ, гонящейся за дикимъ вепремъ, бѣжитъ Гекторъ, преслѣдуя грековъ, а они въ ужасѣ стремятся все далѣе и далѣе за рвы кораблей. Солнце межъ тѣмъ скрыло свой свѣтлый ликъ въ холодныхъ волнахъ океана и на землю спустилась темная ночь, которая и прекращаетъ бой, окончившійся иначе, чѣмъ ожидалъ благородный Агамемнонъ.

Непосредственно за тѣмъ Гекторъ, одержавшій побѣду, обращается къ троянцамъ съ слѣдующею рѣчью:

... Тьма сохранила

Рать аргивянь и суда ихъ на берегу шумнаго моря.

Други! и мы покоримся настигнувшей сумрачной ночи,

Вечерю здѣсь учредимъ ...

Завтра же съ свѣтлой зарей ополчяся оружіемъ браннымъ,

Мы предъ судами ахейнъ воздвигнемъ свирѣпую жесточь,

Тамъ я увижу, меня-ль Діомедъ, воеватель могучій,

Боемъ къ стѣнамъ отъ судовъ отразить, или

Я, Діомеда мѣдью убивъ, въ Иліонъ возвращуся съ корястью кровавой ...

Въ первый разъ, благодаря отсутствію Ахиллеса и покровительству Зевса, троянцы расположились внѣ городскихъ стѣнъ, противъ ахейцевъ, и сторожевые огни ихъ горѣли, какъ звѣзды на темномъ сводѣ неба.

(II пѣснь: ст. 1—52; 87—143; 147—193; 196—205; 207—240; 243—250; 254—374; 381—468; 474—476; 786—815.

IV пѣснь: ст. 223—231; 251—268; 272—373; 399—456.

V пѣснь: ст. 1—26; 37—94.

VI пѣснь: ст. 73—118; 237—242; 251—339½; 340—529.

VII пѣснь: ст. 1—12.

VIII пѣснь: ст. 75—77; 335—344; 485—509; 530—534; 542; 545—547; 553—556; 559—561).

4. Второй актъ: неудавшаяся попытка примиренія.

Участіе Зевса въ горѣ Ахиллеса и его вмѣшательство въ ходъ сраженія сказалось уже въ первый день битвы чувствительнымъ образомъ для ахейскаго войска, которое прежде спокойно и равнодушно отнеслось къ поруганной чести лучшаго героя. Какъ сѣверный и западный вѣтры, дующіе изъ Оракіи, волнуютъ до дна многорыбное море и вздымаютъ на поверхности его черныя волны, такъ скорбь и стыдъ терзали ахейцевъ. Больше всѣхъ страдалъ Агамемнонъ. По его приказанію глашатаи быстро созвали всѣхъ на собраніе; со слезами на глазахъ и тяжело вздыхая, обращается Агамемнонъ къ народу съ тою же рѣчью, которую онъ говорилъ утромъ въ день сраженія: указывая на то, что Зевсъ покинулъ ихъ, предлагаетъ вернуться домой. Какая однако разница между его прежними и теперешними словами! Тогда онъ хотѣлъ только испытать духъ своего войска; нынѣ же, благодаря злой насмѣлкѣ судьбы, онъ произноситъ тѣ же слова уже въ ихъ подлинномъ, серьезномъ смыслѣ, обнаруживая совершенное неумѣіе владѣть собой и полное отчаяніе.

Никакое художественное описаніе не могло бы дать намъ болѣе потрясающей картины перехода верховнаго владыки отъ безграничной надежды и самоувѣренности утромъ, къ полнѣйшему отчаянію вечеромъ. Глубокое молчаніе, послѣдовавшее за словами Агамемнона было, наконецъ, прервано Діомедомъ. Онъ, герой дня, отраженный троянцами только благодаря вмѣшательству Зевса, ссылаясь на оскорбительный поступокъ Агамемнона съ Ахиллесомъ, упрекаетъ его въ малодушіи и высказываетъ надежду, что никто изъ ахейцевъ не послѣдуетъ за нимъ; въ противномъ случаѣ онъ, Діомедъ, готовъ одинъ остаться подъ Троей съ другомъ Сөөенеломъ, пока не раззоритъ ея. Мужественная отвѣдь Діомеда на малодушное предложеніе Агамемнона грозитъ новой распрей; и вотъ здѣсь то снова является примирителемъ Несторъ. Обсуждая рѣчь Діомеда, онъ умѣло соединяетъ похвалу и порицаніе и высказываетъ свое мнѣніе, что имъ можетъ помочь одно только средство, о которомъ онъ сообщитъ при болѣе удобномъ случаѣ, чтобы народъ не былъ свидѣтелемъ униженія верховнаго владыки. Онъ совѣтуетъ Агамемнону принять предохранительныя мѣры на ночь и, распустивъ собраніе, пригласить къ себѣ вождей на совѣщаніе; тогда можно будетъ подробно обсудить положеніе дѣла, такъ какъ эта ночь должна рѣшить судьбу ахейцевъ. Каждый понялъ мысль Нестора и почему онъ былъ такъ сдержанъ въ собраніи. Вскорѣ послѣ этого мы находимъ всѣхъ героевъ въ палаткѣ главнаго вождя. Здѣсь снова обнаруживается достойная удивленія мудрость Нестора, умѣющаго уладить самое щекотливое дѣло. Старикъ высказываетъ предъ Агамемнономъ свое почтеніе, какъ предводителемъ грековъ; несмотря на то, что рѣчь его дышетъ правдою и откровенностію, онъ касается отношеній Агамемнона къ Ахиллесу, не обижая ни того, ни другого; онъ даже требуетъ, чтобы Агамемнонъ вознаградилъ Ахиллеса за обиду достойнымъ образомъ, и словомъ, и дѣломъ. Находясь въ столь затрудни-

тельныхъ обстоятельствахъ, Агамемнонъ соглашается сдѣлать первый шагъ къ примиренію; уже первая неудача произвела на него самое тягостное впечатлѣніе, что высказывается даже въ тонѣ его рѣчи. Но, по мѣрѣ того, какъ онъ перечисляетъ подарки, которые ожидаютъ Ахиллеса, ему кажется, что воскресаетъ его собственная власть во всемъ величіи; такъ что свою рѣчь онъ оканчиваетъ совершенно въ иномъ духѣ, чѣмъ началъ: онъ требуетъ теперь покорности со стороны Ахиллеса на томъ основаніи, что послѣдній, младшій лѣтами, уступаетъ ему и по значенію.

Несторъ отлично понималъ, какъ мало могло тронуть сердце Ахиллеса все то, что обѣщалъ ему верховный владыка; прозорливый старецъ видѣлъ, что настроеніе Агамемнона совсѣмъ не оправдывало его надеждъ; что царь не могъ присоединить къ подаркамъ теплой и ласковой рѣчи; но, глубоко уважая верховную власть, онъ не выразилъ этихъ мыслей Агамемнону, а удовлетворился его предложеніемъ. Послами къ Ахиллесу были выбраны Одиссей и Аяксъ, къ нимъ присоединили двухъ глашатаевъ и старца Феникса, бывшаго воспитателемъ Ахиллеса. Слѣдующая за симъ сцена въ палаткѣ Ахиллеса замѣчательна своею художественностію и можетъ считаться образцомъ высшаго ораторскаго искусства. Три героя говорятъ одинъ за другимъ: сперва Одиссей, потомъ Фениксъ и, наконецъ, Аяксъ; каждый старается тронуть чуткое сердце Ахиллеса; ихъ рѣчи раскрываютъ предъ нами индивидуальный характеръ cadaго изъ нихъ. Но, несмотря на все это, попытки склонить Ахиллеса къ участію въ сраженіяхъ остаются тщетными. И хотя герой встрѣтилъ гостей при входѣ въ палатку съ искреннею радостію, но, какъ только рѣчь заходитъ о цѣли посѣщенія и онъ узнаетъ о подаркахъ, ему предназначенныхъ, сердце его сжимается отъ боли: одни подарки не въ состояніи загладить оскорбленія, нанесеннаго при всѣхъ ахейцахъ; онъ требуетъ большаго для полнаго искупленія вины; поэтому, несмотря на свое расположеніе лично къ посламъ, несмотря на то, что подъ вліяніемъ ихъ рѣчей, онъ, увлекаемый впечатлительностію и благородствомъ мыслей, смягчилъ свой рѣзкій отвѣтъ, однако, въ главныхъ пунктахъ, взгляды его остались непоколебимыми; онъ подастъ помощь только тогда, когда Гекторъ, сразивъ Агамемнона, подойдетъ къ самимъ кораблямъ мирмидонскимъ.

Не достигнувъ цѣли своего посѣщенія, Одиссей и Аяксъ возвращаются къ остальнымъ вождямъ, ожидавшимъ ихъ въ шатрѣ Агамемнона. Глубокое молчаніе было отвѣтомъ на ихъ печальное извѣстіе. Одинъ только неустрашимый Диомедъ сохранилъ присутствіе духа; онъ и раньше былъ недоволенъ, что пошли уговаривать Ахиллеса, а неудача только умножила его негодованіе. Совѣтуя надѣяться только на собственные свои силы, онъ требуетъ, чтобы Агамемнонъ рано поутру снова велъ въ бой пѣшихъ и конныхъ, служа для всѣхъ ободряющимъ примѣромъ личной отваги. Вожди еще разъ совершили возліаніе богамъ и предалися сну.

(IX пѣснь: ст. 1—347; 356—532; 550—558; 565—713).

5. Третій актъ: второй бой безъ Ахиллеса.

Уже изъ послѣднихъ словъ Діомеда можно было предвидѣть, чего слѣдуетъ ожидать на слѣдующій день: ахейцы, собравъ всѣ свои силы, должны показать, что они могутъ сдѣлать одни, безъ помощи Ахиллеса; въ особенности долженъ былъ показать себя главный вождь, виновникъ общаго бѣдствія. И точно: этотъ день сдѣлался днемъ торжества Агамемнона, который въ критическій моментъ превзошелъ самого себя и, отбросивъ обычную мелочность, обнаружилъ въ себѣ великаго героя, который по достоинству былъ почтенъ избраніемъ въ главные вожди грековъ.

Едва только загорѣлась утренняя заря, чтобы освѣтить людей и боговъ, какъ Зевсъ посылаетъ къ ахейскимъ кораблямъ вѣстницу Ириду для дальнѣйшаго выполненія своей воли; богиня, громко взывая, пробуждаетъ мужество и отвагу въ сердцахъ воиновъ.

Бой начинается. Какъ опустошительный огонь, неудержимо гонимый вѣтромъ, охватываетъ кругомъ густой лѣсъ, и деревья съ трескомъ падаютъ на землю, такъ Агамемнонъ Атридъ врubaлся въ толпы троянцевъ, поражая смертью всякаго на своемъ пути. Какъ левъ, нападая на логовище оленя, разрываетъ своими страшными зубами его дѣтенышей, а самка, сознавая свою беспомощность исчезаетъ въ лѣсной чащѣ, такъ стремительно бѣжали троянцы отъ смертоноснаго Агамемнона; ихъ боевыя колесницы, никѣмъ не управляемыя, неслись по полю сраженія безцѣльно, по волѣ коней. Противъ Агамемнона выступаетъ тогда Ифидамъ, покинувшій ради боевой славы свою молодую жену, но и онъ падаетъ отъ руки предводителя грековъ; мстителемъ за смерть его выступаетъ братъ Коонъ, который ранитъ Атрида въ руку; но Агамемнонъ продолжаетъ еще сражаться и лишь нестерпимая боль отъ засыхающей раны заставляеть его вернуться въ греческій станъ.

Тогда на ахейцевъ ополчился Гекторъ, увѣренный въ успѣхѣ, благодаря вчерашней удачѣ и покровительству Зевса. Какъ иногда на зеркальную поверхность моря налетаетъ вихрь, такъ бросился Гекторъ на враговъ, оставляя за собою кровавый слѣдъ безчисленныхъ жертвъ. Всѣ ахейцы бросились бѣжать, но еще во время остановлены были Одиссеемъ и Діомедомъ, которые, подобно двумъ страшнымъ вепрямъ, бросающимся на свору собакъ, устояли противъ напора троянцевъ и продолжали кровавую схватку. Къ несчастію, Діомеда поражаетъ въ ногу стрѣла Париса и онъ покидаетъ поле битвы. Одиссей остается одинъ, окруженный толпою враговъ; однако, несмотря на численное превосходство ихъ, онъ продолжаетъ бороться, пока и его не ранитъ Сокъ, мстя за брата своего Харона, недавно предъ тѣмъ убитаго Одиссеемъ. Онъ собираетъ всѣ свои силы, чтобы отомстить Соку, но боль въ ранѣ увеличивается и онъ три раза взываетъ къ ахейцамъ о помощи. Менелай, братъ верховнаго вождя, спѣшитъ на его зовъ и подъ защитой Аякса уводитъ героя съ поля битвы.

Съ этого момента Аякъ становится главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и единственной опорой ахейцевъ. Какъ горный потокъ, раздутый дождями,

разливается по долинѣ, увлекая своимъ теченіемъ низвергнутые съ корнями дубы и сосны, такъ и Аяксъ разилъ враговъ; между тѣмъ на лѣвомъ крылѣ, гдѣ сражался Гекторъ, Парисъ ранитъ главнаго врача грековъ Махаона, котораго, въ виду безчисленныхъ заслугъ, самъ Несторъ уводитъ съ поля битвы. Гекторъ, замѣтивъ, что Аяксъ побѣждаетъ троянцевъ, спѣшитъ къ нимъ на помощь чрезъ поле, усѣянное такимъ множествомъ труповъ, что даже сидѣнье его колесницы забрызгивалось кровью. Гекторъ разстраиваетъ ряды враговъ и даже самъ Аяксъ, по волѣ высоко-троннаго Зевса, принужденъ отступить. Какъ голодный левъ, гонимый со двора собаками и людьми, неохотно покидаетъ ожидаемую добычу, такъ и Аяксъ противъ воли отступаетъ шагъ за шагомъ, не переставая сражаться, подобно ослу, который, пользуясь слабостію ведущаго его мальчика, зашелъ въ засѣянное поле и не выходитъ оттуда, несмотря на сыплющіяся на него удары. Аяксъ становится такимъ образомъ мишенью для вражескихъ стрѣлъ, которыя онъ ловко подхватываетъ своимъ щитомъ и, не обращая на нихъ вниманія, продолжаетъ сражаться.

Но вскорѣ герой убѣждается въ необходимости отступленія. Оттѣсненный отъ своихъ толпою враговъ, онъ находитъ нѣкоторое время поддержку въ лицѣ героя Еврипила, но и этотъ вскорѣ падаетъ, пораженный въ бедро стрѣлою Париса.

Между тѣмъ Ахиллесъ съ своихъ высокихъ кораблей напряженно слѣдилъ за ходомъ сраженія. Онъ видѣлъ, какъ Несторъ везъ на колесницѣ къ кораблямъ какого-то героя; ему казалось, что это былъ Махаонъ, но, чтобы вполнѣ убѣдиться въ своемъ предположеніи, онъ посылаетъ своего друга Патрокла къ Нестору. Едва Патроклъ вошелъ въ палатку Нестора и увидѣлъ предъ собой распростертаго Махаона, онъ поспѣшилъ обратно къ Ахиллесу. Но старецъ удержалъ его: уже при видѣ входящаго въ палатку Патрокла, въ головѣ его зародилась надежда спасти народъ ахейскій; теперь онъ сталъ въ трогательныхъ выраженіяхъ описывать Патроклу бѣдственное положеніе ахейцевъ, жестоко упрекая Ахиллеса. Его слова производятъ глубокое впечатлѣніе на юную душу, и Патроклъ обѣщаетъ употребить все свое стараніе, чтобы уговорить Ахиллеса участвовать въ сраженіяхъ, и если это не удастся ему, то онъ самъ надѣнетъ боевой нарядъ Ахиллеса и поможетъ тѣснымъ соотечественникамъ. Душа его была глубоко потрясена разговоромъ старца и онъ спѣшитъ къ своему другу, чтобы исполнить порученіе Нестора. По дорогѣ Патроклъ встрѣчаетъ Еврипила, который хромая возвращается въ свою палатку. Раненный обращается къ нему съ просьбою о помощи. Сомнѣнія борются въ душѣ Патрокла: забота объ ахейцахъ, заставляющая его немедленно спѣшитъ къ Ахиллесу, борется съ необходимостію помочь товарищу. Наконецъ, состраданіе къ страждущему беретъ верхъ надъ чувствомъ долга; онъ отводитъ Еврипила въ его палатку и, какъ искусный врачъ, перевязываетъ ему рану.

Между тѣмъ бой на равнинѣ прекратился; ахейцы, преслѣдуемые троянцами, оттѣснены за ровъ и стѣны; впереди всѣхъ преслѣдуетъ бѣгу-

щихъ Гекторъ, наводя ужасъ на ахейцевъ. Въ то время, какъ троянцы, повинаясь его приказанію, пытаются взобраться на стѣны, онъ самъ схватываетъ огромный камень и съ страшною силою бросаетъ его въ ворота. Подъ тяжестью удара соскакиваютъ запоры съ крючковъ, и Гекторъ торжествуя врывается чрезъ ворота внутрь стѣны; за нимъ троянцы; ахейцы въ страхѣ бѣгутъ къ кораблямъ. Приближающійся шумъ нападающихъ и бѣгущихъ, достигаетъ до ушей Патрокла, ухаживающаго въ тотъ моментъ за раненымъ Еврипиломъ. Видя, что ахейцы оттѣснены отъ стѣны Трои до самыхъ кораблей, онъ покидаетъ раненнаго, спѣшитъ къ Ахиллесу и умоляетъ спасти грековъ.

Но троянцы, подъ покровительствомъ Зевса, который особенно воодушевляетъ Гектора, подобно голоднымъ лвамъ, все болѣе и болѣе тѣснятъ ахейцевъ. Какъ левъ, врываясь въ средину плохо охраняемаго стада рогатыхъ быковъ, схватываетъ одно изъ животныхъ, а другихъ обращаетъ въ дикое бѣгство, такъ точно и Гекторъ разгонялъ ахейцевъ и находился уже вблизи кораблей. Положеніе ахейцевъ было ужасно; но среди общаго смятенія одинъ Аяксъ не потерялъ присутствія духа, во второй разъ подавая своимъ руку помощи въ самый критическій моментъ. Вооруженный длиннымъ копьемъ онъ перескакиваетъ съ корабля на корабль и появляется всюду, гдѣ атака троянцевъ сильнѣе, уподобляясь искусному наѣзднику, который пригоняетъ во время на мѣсто назначенія четверку лошадей и на пути ловко перескакиваетъ съ одной лошади на другую. Но Гектору удается завладѣть однимъ изъ кораблей и онъ приказываетъ своимъ воинамъ принести горящія головни. Аяксъ не въ состояніи отразить напора соединенныхъ силъ троянцевъ: онъ отступаетъ, заботясь только о томъ, какъ бы сохранить корабль отъ пожара. Пламенною рѣчью онъ старается возбудить мужество своихъ воиновъ, доказывая имъ, что на чужбинѣ ихъ спасеніе зависитъ единственно отъ нихъ самихъ. Но его подвиги производятъ еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ слова: одного за другимъ герой убиваетъ двѣнадцать троянцевъ, принесшихъ горящія головни.

Въ такомъ положеніи находятся дѣла, когда Патроклъ, проливая горячія слезы, подобно глубокому горному потоку, несущему обильныя волны въ долину, входитъ къ Ахиллесу и въ яркихъ краскахъ описываетъ ему бѣдствіе соотечественниковъ. При этомъ Патроклъ жестоко упрекаетъ своего друга, что онъ не оставляетъ вражды и спокойно смотритъ на гибель народа.

Немилосердный! Родитель твой былъ не Пелей благодушный,
 Мать — не Оетида; но синее море, угрюмя скалы
 Міру тебя породили, суроваго сердцемъ, какъ сами!
 Если тебя устрашаетъ какой либо грозный оракулъ,
 Въ бой отпусти ты меня и ввѣрь мнѣ своихъ мирмидонянъ;
 Дай рамена облачить мнѣ твоимъ оружіемъ славнымъ;
 Можетъ быть, въ брани меня за тебя почитаю, троянцы
 Бой прекратятъ; а данайскіе воины въ полѣ отдохнутъ!

Слѣпой безумецъ! Онъ не зналъ, чего просилъ: смерти и гибели просилъ онъ у друга.

Хотя гнѣвъ еще глубоко волноваль душу Ахиллеса, но благородное сердце его отозвалось на общую скорбь.

Было бы мнѣ неприлично, говорить онъ, гнѣвъ безконечный
 Въ сердцѣ питать, но давно объявилъ я и всѣмъ то извѣстно:
 Гнѣвъ мой не прежде смягчу, какъ уже передъ собственнымъ станомъ,
 Здѣсь, предъ судами моими, раздастся тревога и битва. —
 Ты, соглашаюсь, моимъ облекися оружіемъ славнымъ,
 Будь воеводой моихъ мирмидонянъ, пылающихъ боемъ.
 Но, повинуюсь тебѣ, я завѣтъ полагаю на сердце:
 Брань отъ судовъ отвори и назадъ, Менетидъ, возвращайся;
 Ты безъ меня не рѣшайся никакъ поражать совершенно
 Храбрыхъ троянъ, да и болѣе чести моей не унижить.
 Радуясь мужествомъ духа и славой побѣднаго боя,
 Трои сыновъ истребляй, но полковъ не веди къ Илиону,
 Чтoby отъ Олимпа противу тебя кто нибудь изъ безсмертныхъ
 Въ брань за троянъ не предсталъ: Аполлонъ безиредѣльно ихъ любить.

При этихъ словахъ вспыхнуло пламя: въ одинъ корабль былъ брошенъ зажженный факель и огонь быстро охватилъ оснастку корабля. При видѣ новаго бѣдствія ахейцевъ сердце Ахиллеса переполняется скорбью: онъ торопитъ своего друга вооружаться. Мирмидоняне, давно тяготившіеся своею бездѣятельностію, радостно надѣваются свои боевые доспѣхи и собираются къ Ахиллесу, подобно тому, какъ хищные волки послѣ сытнаго обѣда дико бѣгутъ съ окровавленными мордами къ источнику утолить свою жажду. Ахиллесъ отпускаетъ ихъ послѣ краткой, но сильной рѣчи, въ которой приглашаетъ своихъ воиновъ на дѣлѣ показать, что они тяготились бездѣятельностію. Сплотившись въ рядъ, щитъ съ щитомъ, шлемъ съ шлемомъ, и образовавъ такимъ образомъ живую стѣну, ахейцы двинулись, съ Патрокломъ во главѣ, на троянцевъ, счастливыхъ побѣдой. Эти, увидѣвъ его въ доспѣхахъ Ахиллеса, охваченные паническимъ страхомъ, отступаютъ назадъ, а пламя на кораблѣ было тотчасъ потушено, и разсѣялись густыя облака дыма. Какъ Зевсъ разгоняетъ темную тучу, собравшуюся на вершинѣ горы, и сквозь разорванныя облака, сіяющій блескомъ, радостно смотритъ на залитыя свѣтомъ долины и горы, такъ радостно вздохнули ахейцы, получивъ неожиданное подкрѣпленіе въ минуту опасности. Между тѣмъ троянцы бѣжали, объятые страхомъ, и пыль столбомъ поднималась отъ пѣшихъ и конныхъ. Всякій, кто былъ въ силахъ бѣжать, бросился къ городу, за стѣны. Патроклъ съ ахейцами преслѣдовалъ бѣжавшихъ до самыхъ городскихъ стѣнъ и попытался даже проникнуть въ городъ, но тутъ къ нему въ первый разъ явился Аполлонъ и предостерегъ увлекшагося героя братья за то, что выполнить надлежало другому. Какъ ему, такъ и Ахиллесу не суждено разрушить стѣны Трои. Изумленный появленіемъ и словами бога, Патроклъ отступаетъ отъ стѣнъ, но, жаждая битвы, не покидаетъ поля сраженія и смѣло идетъ на встрѣчу своей гибели.

Между тѣмъ Гекторъ, не будучи въ состояніи противостоять общему бѣгству, былъ увлеченъ толпою къ Скейскимъ воротамъ и тамъ размышлялъ, что ему дѣлать. Воспламененный Аполлономъ къ битвѣ, онъ помчался на

колесницѣ, управляемой Небріономъ къ тому мѣсту, гдѣ неистовствовала Патроклъ. Едва только этотъ завидѣлъ Гектора, какъ, соскочивъ съ колесницы, поднялъ съ земли огромный камень и пустилъ его въ возницу Гектора; возница, подобно быстро нырнувшему въ море водолазу, упалъ съ колесницы на землю. Тогда соскочилъ на землю и Гекторъ, чтобы заслонить собою трупъ друга. Подобно двумъ львамъ, отнимающимъ другъ у друга зарѣзаннаго оленя, сошлись два героя у трупа Небріона. Бой сдѣлался общимъ: какъ восточный и сѣверный вѣтры, ворвавшись въ ущелье, съ яростію бросаются другъ на друга, вырывая съ корнемъ деревья, такъ бросились другъ на друга троянцы и ахейцы. По всѣмъ направленіямъ летали стрѣлы, копья, камни, а посреди этого шума и грома недвижно лежалъ распростертый Небріонъ, неспособный уже болѣе управлять конями. Но и Патрокловъ конецъ былъ недалекъ. Три раза герой бросался на троянъ, поражая ихъ смертію, но въ четвертый разъ снова явился ему богъ Аполлонъ, окруженный облакомъ, и ударилъ его сзади по спинѣ и плечамъ. У Патрокла потемнѣло въ глазахъ, онъ лишился сознанія, члены его потеряли гибкость и силу. Гекторъ пронзилъ его въ это время копьемъ, и вотъ, гремя оружіемъ, палъ сраженный герой на сырую землю. Ужасъ охватываетъ теперь, въ свою очередь, всѣхъ ахейцевъ. Гекторъ похищаетъ жизнь Патрокла, сына Менетидова, подобно тому, какъ левъ убиваетъ вепря, встрѣченнаго имъ у лѣснаго источника. Умирая Патроклъ возвѣщаетъ лигующему врагу, что близокъ и его конецъ, что онъ приметъ смерть отъ руки Ахиллеса. Затѣмъ душа Патрокла отлетаетъ въ Адъ, сѣтуя на преждевременную смерть во цвѣтъ лѣтъ и силъ. Между тѣмъ Гекторъ, гордо наступивъ на трупъ, вытаскиваетъ изъ него свое копье и снимаетъ оружіе съ убитаго. Въ тотъ моментъ, когда онъ уже намѣревается отсѣчь голову и унести самый трупъ, является Аяксъ. На минуту оттѣсненный, Гекторъ приводитъ съ собою новыя толпы троянцевъ, и снова завязывается страшный бой за трупъ Патрокла. При этомъ особенно отличается Аяксъ. Въ то время, пока продолжается кровавая битва, кони Ахиллеса неподвижно стоятъ въ сторонѣ, оплакивая гибель своего доблестнаго возничаго — Патрокла. Зевсъ, полный сочувствія къ умершему, сжаливается надъ ними, даетъ имъ новыя силы, и кони невредимо помчались посреди сражающихся. А послѣ этого Зевсъ радугой, громомъ и молніей возвѣщаетъ троянцамъ побѣду и обращаетъ тѣмъ въ бѣгство ахейцевъ. По совѣту Аякса, Менелай немедленно посылаетъ лучшаго гонца и друга Пелида — Антилоха, сына Нестора, съ печальнымъ извѣстіемъ къ Ахиллесу. Затѣмъ Менелай и Меріонъ поднимаютъ на плечи тѣло Патрокла и медленно приближаются къ стану подъ прикрытіемъ двухъ Аяксовъ. Какъ два яремные мула съ трудомъ подвигаются по узкой, горной тропинкѣ, неся тяжелую ношу, такъ Менелай и Меріонъ стибались подъ тяжестію трупа; сзади защищали ихъ отъ троянцевъ оба Аякса, подобно лѣсистымъ холмамъ, которые, возвышаясь среди долины, задерживаютъ напоръ водъ при разливѣ. Но, когда Гекторъ и Эней бросились сообща на ахейцевъ, они всѣ обратились въ бѣгство, подобно стаѣ скворцовъ или галокъ, разлетающихся при приближеніи ястреба.

XI пѣснь: ст. 1—12; 15—73; 84—162; 218—335; 338—342; 369—539; 544—661; 663—668^{2/3}; 762^{1/3}—848.

XII пѣснь: ст. 1—4; 36—40; 439—448; 451—471.

XV пѣснь: ст. 390—405; 592—596; 633; 630—637; 653—658; 674—692; 693—704; 716—719; 726—746.

XVI пѣснь: ст. 1—96; 101—139; 145—151; 155—167; 200—217; 276—285; 287—293; 297—302; 372—396; 398—418; 698—730; 732—736^{1/2}; 737^{1/2}—751; 755—776; 783—792; 805; 820—845; 847—849; 851—863.

XVII пѣснь: ст. 125—139; 262—268^{1/2}; 355^{1/2}—361; 424—452; 456—459; 593—596; 626—627; 651—656; 674—723^{1/2}; 736^{1/2}; 742—761.

6. Развязка.

Стоя на своихъ остроносыхъ корабляхъ, Ахиллесъ видитъ, въ какомъ ужасномъ положеніи очутились ахейцы; видитъ, какъ они въ безпорядкѣ бѣгутъ къ укрѣпленіямъ, и вдругъ ему становится яснымъ, что случилось.

О! не совершили ли боги несчастій ужаснѣйшихъ сердцу,

Кои мнѣ мать давно предвѣщала. Она говорила:

„Въ Троѣ, прежде тебя, мирмидонянинъ, въ брани храбрѣйшій,

Долженъ подъ дланью троянской разстаться съ солнечнымъ свѣтомъ.“

Боги безсмертные! Умеръ Менетіевъ сынъ благородный!

Едва герой успѣлъ подумать это, какъ злое предчувствіе стало уже дѣйствительностію. Уже входитъ быстроногій Антилохъ и, проливая горячія слезы, въ краткихъ словахъ сообщаетъ Ахиллесу о смерти Патрокла. Какъ буря дико бушуетъ на морѣ, такъ и Ахиллесъ неудержимо и страстно предается своему горю. Сраженный скорбію, онъ падаетъ на землю, рветъ волосы на головѣ; сердце его сжимается отъ невыразимой печали; такъ что Антилохъ принужденъ былъ держать его за обѣ руки, изъ опасенія, что онъ нанесетъ себѣ вредъ. Плѣнницы Ахиллеса, видя его скорбь, подняли громкій плачь. Оетида услышала голосъ милаго сына, который взросъ для нея подобно высокому, сильному дереву среди благословенной равнины, удивляя всѣхъ ростомъ. Богиня, окруженная своими нимфами, покидаетъ морское дно и волной выносятся на берегъ. Съ глубокою печалью она обнимаетъ возлюбленнаго сына, старается утѣшить его скорбь и слышитъ, какъ Ахиллесъ горитъ нетерпѣніемъ совершить кровавую месть тому, кто нанесъ его сердцу никогда неизлѣчимую рану. Съ затаенною болью напоминаетъ ему мать, что вскорѣ послѣ Гектора умереть и онъ самъ; но благородное сердце божественнаго сына жаждетъ мести; уже давно мучается онъ сознаниемъ, что вслѣдствіе его гнѣва, подобно сладкой отравѣ наполнившему его сердце, погибло столько ахейцевъ. Теперь у него одно только желанье — скорѣе сразиться съ врагами, искупить вину и покорно подчиниться тому, что назначилъ ему Зевсъ и другіе безсмертные боги. Отлично понимая, что дружба возлагаетъ также и извѣстныя обязанности, богиня превозмогаетъ себя и не противорѣчить сыну, но проситъ только отсрочить бой, пока не принесетъ взаимнѣ потеряннаго вооруженія новое, выкованное богомъ Гефестомъ.

Затѣмъ она тотчасъ отиравается въ мастерскую Гефеста, а nereиды спускаются на дно морское къ своему отцу Нерею. Ахиллесъ же, не отваживаясь безоружнымъ вступать въ битву, выходитъ къ ахейцамъ. Аѳина окружаетъ голову героя огненнымъ сіяніемъ, и онъ три раза голосомъ, подобнымъ звуку трубы, вызываетъ къ сражающимся соплеменникамъ и три раза отступаютъ троянцы, пораженные голосомъ и видомъ героя, такъ что въ толпѣ было задавлено двѣнадцать троянцевъ. Пользуясь смятеніемъ враговъ, ахейцы схватили трупъ Патрокла и понесли его къ Ахиллесу, который скорбя и плача шелъ за другомъ въ палатку. Испуганные троянцы тутъ же на полѣ сраженія созвали совѣтъ. Пораженный тѣмъ, что убитый будто бы Ахиллесъ воскресъ, Полидамъ, другъ Гектора, родившійся съ нимъ въ одну ночь, совѣтуетъ прекратить сраженіе и сосредоточить главное вниманіе на защитѣ самого города. Но Гекторъ, упоенный блестящимъ успѣхомъ предшествовавшихъ сраженій, настаиваетъ на томъ, чтобы ночь провести внѣ стѣнъ Трои, а на завтра, чуть свѣтъ, возобновить бой у кораблей. Этотъ роковой планъ, который ему внушила Аѳина, помрачивъ разумъ героя, былъ всѣми одобренъ, а благоразумный совѣтъ Полидама остался безъ вниманія.

Между тѣмъ Ахиллесъ продолжалъ предаваться неудержимой печали и скорби. Положивъ свои смертоносныя руки на грудь друга, Ахиллесъ опустился на колѣна предъ его одромъ и стоналъ, какъ львица, которая тщетно отыскиваетъ слѣды охотника, похитившаго ея дѣтей. Тяжелыя думы бродили въ его головѣ: какъ Зевсъ устраиваетъ судьбу людей противъ ихъ желаній, ожиданій и предположеній; какъ онъ, Ахиллесъ, обѣщаль отцу Патрокла возвратитъ сына съ богатою добычей и славой, а теперь и самъ не увидитъ родного дома, не увидитъ отца и матери и ляжетъ костями здѣсь, на чужбинѣ, вмѣстѣ съ другомъ. Если что еще и привязываетъ его къ жизни, такъ это единственно жажда отомстить Гектору за убитаго друга, на кострѣ котораго онъ рѣшилъ сжечь двѣнадцать троянцевъ. Горюя такимъ образомъ, Ахиллесъ всю ночь не сомкнулъ глазъ, а съ нимъ вмѣстѣ бодрствовали его вѣрные мирмидоняне.

Тѣмъ временемъ Ѳетида вступаетъ въ мастерскую Гефеста, женой котораго была прекрасная Харита. Гефестъ и его супруга съ участіемъ выслушиваютъ жалобы Ѳетиды на несчастную судьбу ея сына. Искусный въ мастерствѣ Гефестъ, желая угодить бѣдной матери, садится къ наковальнѣ, раздуваетъ мѣхи, выковываетъ вооруженіе, которое, будучи сдѣлано самимъ богомъ, несравненно превосходитъ всякое другое, сдѣланное руками человѣка.

Но вотъ наступаетъ день, который долженъ рѣшить участь героевъ. Рано поутру богиня Ѳетида приноситъ въ палатку сына dospѣхи и находитъ его еще распростертымъ въ горѣ предъ трупомъ Патрокла.

Видъ чуднаго оружія воскрешаетъ въ Ахиллесѣ силы, глаза загораются блескомъ. По приказанію матери онъ созываетъ собраніе, чтобы при всѣхъ отречься отъ своего гнѣва и вражды. На зовъ Ахиллеса явились всѣ безъ исключенія; даже многіе, никогда не посѣщавшіе собраній, пришли теперь, узнавъ, кто созываетъ народы. Пришли также раненные и еще хромавшіе

герои — Одиссей и Диомедъ и послѣ всѣхъ, наконецъ, Агамемнонъ. Тогда только поднимается съ своего мѣста Ахиллесъ. Проклиная свой гнѣвъ, принесшій пользу только врагамъ и погубившій столько мужей благородныхъ, онъ открыто, безъ обиняковъ, какъ это и свойственно его натурѣ, отрекается отъ своей вражды и требуетъ битвы. Но, несмотря на великодушіе Ахиллеса, Агамемнонъ не сознаетъ, съ своей стороны, вины и сваливаетъ все на Зевса и на богиню Обиду, которая затмила его разумъ въ день перваго собранія. Но теперь онъ готовъ покончить съ этимъ дѣломъ и проситъ Ахиллеса принять тѣ подарки, которые были предназначены ему раньше и о которыхъ говорилъ ему въ свое время Одиссей. Ахиллесъ, стремясь всей душой въ битву, сначала предоставляет на усмотрѣніе Агамемнона дать или не дать обѣщанное вознагражденіе. Но глубокий знатокъ души человѣческой — Одиссей уговариваетъ героя принять дары, чтобы еще болѣе расположить къ себѣ войско. Послѣ этого Агамемнонъ распускаетъ собраніе, чтобы дать воинамъ время подкрѣпитися къ предстоящему бою.

Въ то время, какъ остальные ахейцы готовятъ себѣ пищу, печаль и скорбь свѣдаютъ по прежнему душу Ахиллеса. Возвращенная ему Бризеида, припавъ къ трупу Патрокла, оплакиваетъ въ немъ нѣжнаго и добраго друга, и ея скорбь еще увеличиваетъ горе Ахиллеса. Но когда войско стало вооружаться, онъ тотчасъ надѣлъ свой новый боевой нарядъ, поднимавшій его подобно крыльямъ. Въмѣсто Патрокла конями его управляетъ Автомедонъ. Ахиллесъ стремится на поле сраженія, гдѣ уже стоятъ вооруженные троянцы. Герой совершаетъ великіе подвиги, убиваетъ сына Приама, Полидора, и множество простыхъ воиновъ. Какъ опустошительный огонь неудержимо свирѣпствуетъ въ лѣсистой лощинѣ, такъ и Ахиллесъ, врубившись въ средину враговъ, поражаетъ ихъ смертью. Троянцы въ испугѣ обращаются въ бѣгство и кидаются въ волны Скамандра, какъ иногда рой саранчи, спасаясь отъ огня, бросается въ воду. Но рѣка не удерживаетъ героя: онъ бросается также въ воду и преслѣдуетъ бѣгущихъ враговъ, которые при его приближеніи разсыпаются въ разныя стороны, какъ мелкія рыбки при видѣ дельфина, въ морской глубинѣ. Свѣтлыя волны рѣки обогряются кровью; руки героя устаютъ убивать. Онъ беретъ тогда въ плѣнъ двѣнадцать троянцевъ, чтобы, согласно обѣщанію, сжечь ихъ у костра Патрокла. Потомъ онъ снова бросается на сына Приама, Ликаона, который разъ уже былъ въ плѣну у Ахиллеса; тогда онъ отпущенъ на волю за выкупъ, а нынѣ не помогли ни мольбы, ни стоны несчастнаго юноши. Ахиллесъ умерщвляетъ его и, схвативъ за ногу, бросаетъ въ рѣку, на съѣденіе рыбамъ.

Васъ не спасетъ могучій потокъ, серебристо пучинный
Ксанъ! Посвящайте ему, какъ и прежде, воловъ несчетныхъ;
Въ волны бросайте ему живыхъ, какъ и прежде, коней звуконогихъ;
Всѣ вы погибнете смертію лютой; заплатите вы мнѣ
Друга Патрокла за смерть и ахейскихъ сыновъ за убійство,
Кои хъ у черныхъ судовъ безъ меня вы избили доселѣ.

И все дальше и дальше стремится Ахиллесъ, гонимый жаждою мести, страдая за смерть любезнаго друга и соотечественниковъ. Разгнѣванный

надменными словами героя, Ксанонъ высылаетъ противъ него Астеропея, сына Аксія, рѣчного бога, но и тотъ погибаетъ, не будучи въ силахъ устоять противъ Пелида, который, разгорячась кровавою работою, становится неустойчивымъ. Вторичная обида, нанесенная такимъ образомъ Ахиллесомъ рѣчному богу, побуждаетъ послѣдняго сразиться съ героемъ. Сначала льстивою рѣчью онъ убѣждаетъ Ахиллеса броситься въ его волны. Упоенный побѣдою, Ахиллесъ поддается обману и доверчиво идетъ въ разставленные сѣти; онъ, правда, надѣется вырваться изъ холодныхъ объятій врага: по стволу вяза, вырваннаго съ корнемъ изъ земли и перекинутаго черезъ рѣку въ видѣ моста, онъ пытается пробраться къ берегу, рассчитываетъ съ помощью быстрыхъ ногъ своихъ спастись на равнинѣ отъ страшнаго врага. Но разъяренный богъ не намѣренъ выпустить изъ рукъ своей жертвы. Рѣка выходитъ изъ береговъ и черныя волны преслѣдуютъ Ахиллеса, который, хотъ и летитъ такъ же быстро, какъ мощный орелъ, но все же не можетъ избавиться отъ ревущаго за нимъ потока. Волны подкашиваютъ его ноги и обмываютъ плечи. Такъ иногда человѣку удается благополучно провести каналъ чрезъ сады и поля, и, когда уже работа окончена, когда онъ поставить послѣднюю плотину, вдругъ изъ земли вырывается свирѣпый потокъ и въ своемъ быстромъ теченіи уноситъ бѣднаго труженика. Тутъ Ахиллесъ, бѣдствуя, понялъ, сколь сильнѣе боги, чѣмъ люди. Онъ поднялъ глаза къ безпредѣльному своду небесъ и молилъ Зевса спасти его отъ власти потока. Онъ готовъ скорѣе принять смерть отъ рукъ Гектора; ибо тутъ, по крайней мѣрѣ, храбрый человѣкъ убиваетъ храбраго, а теперь приходится умереть задушеннымъ въ холодныхъ объятіяхъ рѣки, подобно какому нибудь свинопасу, который тонетъ, когда переходитъ вздувшійся потокъ. Уже багряныя волны поднялись съ страшною силой, чтобы сбить съ ногъ Ахиллеса, какъ Гера, услышавъ мольбу героя, посылаетъ Гефеста съ приказаніемъ осушить пламенемъ равнину и остановить пагубныя волны. Какъ осенній вѣтеръ быстро осушаетъ напоенное дождями поле, радуя тѣмъ сердце земледѣльца, такъ же быстро огонь согналъ воды съ долины, добрался до самой рѣки, и запылали росшія на берегу ивы, вязы, лотосъ и душистый киперъ. Томясь отъ нестерпимой жары, рыбы метались въ разныя стороны; прекрасныя волны клочкотали и пѣнились, какъ клочочетъ вода въ котлѣ подъ сильнымъ огнемъ, растопляя сало жирнаго вепря. Пожаръ, воздвигнутый Гефестомъ, встревожилъ самого Зевеса: обезпokoенный громовержецъ обращается къ своей супругѣ и объявляетъ, что не можетъ долѣе помогать троянцамъ, если она не отзоветъ Гефеста и не прекратитъ пожара. Богиня, уступая волѣ супруга, приказываетъ Гефесту затушить огонь.

Между тѣмъ Ахиллесъ, избѣжавъ опасности, снова преслѣдуетъ троянцевъ. Когда бѣгушіе приблизились къ городу, Пріамъ, съ безпокойствомъ со стѣнъ наблюдавшій за Ахиллесомъ, повелѣваетъ раскрыть городскія ворота, чтобы впустить войско. Ахиллесъ неумолимо преслѣдовалъ враговъ по пятамъ; дикая страсть мести гнала его все дальше и дальше чрезъ равнину. Чтобы облегчить троянцамъ отступленіе, Аполлонъ выслалъ противъ

него Агенора, могучаго сына Антенора. Подобно тому, какъ пантера, выскочивъ изъ лѣсной чащи на охотника, не обращаетъ вниманія на собакъ и смѣло бѣжитъ впередъ, такъ и Агеноръ отважно шелъ на встрѣчу Ахиллесу и, приблизившись, бросилъ въ него копье, но ударъ, благодаря крѣпкому панцирю, не принесъ герою ни малѣйшаго вреда. И не избѣжать бы Агенору смерти, еслибы его не спасъ Аполлонъ: принявъ образъ Агенора, онъ побѣжалъ вдоль Скамандра прочь отъ Трои. Тѣмъ временемъ троянцы спасаются въ городъ. Тогда Аполлонъ раскрываетъ глаза Ахиллесу, и онъ, негодуя на обманъ, но и страшась въ тоже время бога, отступаетъ къ городу.

Послѣдній актъ начинается поединкомъ между Гекторомъ и Ахиллесомъ, какъ это уже давно можно было предвидѣть, судя по ходу предыдущихъ событій. Гекторъ одинъ остался въ стѣнѣ, ожидая приближающагося героя Ахиллеса. На стѣнѣ стояли мать и отецъ, въ трогательныхъ выраженіяхъ умолявшіе его войти въ городъ и не сражаться съ безсердечнымъ противникомъ. Они просили его не лишать городъ единственной защиты, а родителей — единственной отрады въ жизни. Но все было напрасно. Какъ ядовитая змѣя съ дико сверкающими глазами, свернувшись въ клубокъ, подкарауливаетъ прохожаго, такъ жаждалъ битвы и Гекторъ. Кромѣ того и его совѣсть сопротивлялась возвращенію въ городъ: его глубоко мучило сознание, что его вчерашній безразсудный совѣтъ принесъ троянцамъ столько бѣдствій. Какъ могъ онъ теперь предстать предъ очи согражданъ? Нѣтъ, лучше смерть отъ руки Ахиллеса. Теперь поединокъ долженъ рѣшить все, потому что, если даже Гекторъ и сложитъ оружіе и будетъ просить противника о мирѣ, то и тогда всетаки онъ не минуетъ смерти: такъ лучше же сразиться, чтобы узнать, кому изъ нихъ Зевсъ даруетъ побѣду и славу.

Въ то время, какъ подобныя мысли пробѣгали въ головѣ Гектора, когда чувство чести и долга боролось съ любовью къ жизни, Ахиллесъ все приближался къ нему, походя своимъ видомъ на бога войны. Блескъ его оружія былъ подобенъ пламени огня или лучамъ восходящаго солнца. Даже самъ Гекторъ, несмотря на свое неустрашимое мужество, не могъ устоять противъ такого грознаго вида и побѣжалъ отъ ужаснаго мужа. Ахиллесъ послѣдовалъ за нимъ, рассчитывая на быстроту ногъ, подобно ястребу, устремившемуся на беззащитнаго голубя. Противники побѣжали вокругъ стѣнъ и достигли источниковъ рѣки Скамандра, гдѣ въ мирное время троянки мыли бѣлье въ большомъ водоемѣ. Но Гекторъ продолжалъ бѣжать, ибо теперь дѣло шло не только о чести, но и о жизни героя. Подобно двумъ конямъ, которые за большой призъ состязаются въ бѣгѣ на играхъ, устраиваемыхъ въ честь какаго нибудь героя, бѣжали они три раза вокругъ Трои.

Даже боги напряженно слѣдятъ за бѣгомъ, и Зевсъ, полный состраданія къ Гектору, обращается къ прочимъ богамъ съ просьбою обсудить вопросъ, нельзя ли еще всетаки спасти героя отъ смерти. Но свѣтлоокая богиня Афина возражаетъ на это отцу, что ни одинъ человѣкъ не можетъ

избавиться отъ предназначенной смерти и что часть Гектора пробилъ. Тогда Зевсъ предоставляет дочери исполнить все, какъ предрѣшено.

Межъ тѣмъ Ахиллесъ все еще преслѣдуетъ Гектора, подобно тому, какъ охотничья собака неумоимо гонится за оленемъ, но разстояніе между обоими героями было все еще то же, потому что Аполлонъ поддерживалъ силы Гектора. Подобно тому, какъ во снѣ преслѣдующій не можетъ догнать бѣгущаго, а этотъ послѣдній не можетъ укрыться, такъ и Ахиллесъ не въ силахъ былъ настигнуть Гектора. Они уже начали описывать четвертый кругъ около города, но снова состраданіе овладѣваетъ душою Зевса: онъ кладетъ на золотые вѣсы жребій жизни обоихъ героевъ, но жребій Гектора опускается внизъ, въ знакъ рокового рѣшенія его судьбы. Аполлонъ покидаетъ его, и съ этого момента Гекторъ преданъ въ руки Ахиллеса и Аѳины. Въ образѣ Дейфоба, котораго Гекторъ любилъ болѣе всѣхъ братьевъ, Аѳина подходитъ къ герою и уговариваетъ его сразиться съ Ахиллесомъ. Рассчитывая на помощь брата, Гекторъ слѣдуетъ предательскому совѣту и возвращается, чтобы начать окончательный бой, которому предшествуетъ короткій разговоръ, завязанный Гекторомъ; но Ахиллесъ рѣзко прерываетъ его словами:

Гекторъ, врагъ ненавистный, не мнѣ предлагай договоры!
 Такъ и межъ насъ невозможна любовь, никакихъ договоровъ
 Быть между нами не можетъ, доколѣ одинъ, распростертый,
 Кровью своей не насытитъ свирѣпаго бога Арея.
 Все ты искусство ратное вспомни! Сегодня ты долженъ
 Быть копьеборцемъ отличнѣмъ и воиномъ неустрашимымъ;
 Заплатишь ты разомъ за горе друзей моихъ, коихъ избилъ ты,
 Въ боѣ свирѣпствуя страшномъ.

Бой начинается. Ахиллесъ первый пускаетъ свою стрѣлу, но дѣлаетъ промахъ; Аѳина, невидимо для Гектора, поднимаетъ ее и возвращаетъ Ахиллесу. Тогда, въ свою очередь, и Гекторъ бросаетъ свое копье, которое, попавъ въ щитъ противника, отскакиваетъ назадъ. Гекторъ оборачивается, чтобы взять новое копье, которое ему долженъ подать его братъ, и, не видя сего послѣдняго, убѣждается, что это былъ лишь обманъ, что судьба его рѣшена; но, какъ герой, онъ хочетъ мужественно терпѣть ее. Вынувъ мечъ, подобно орлу, увидѣвшему кролика съ высоты воздушной, стремительно бросается онъ на Ахиллеса, который, прикрывшись широкимъ щитомъ, замѣчаетъ, что шея его противника не защищена панциремъ; пользуясь случаемъ, онъ вонзаетъ Гектору въ это открытое мѣсто копье. Гекторъ падаетъ. Когда Ахиллесъ наклоняется надъ павшимъ, удовлетворенный за убійство Патрокла и обрекая свою жертву на сѣденіе звѣрямъ и птицамъ, Гекторъ вдругъ приподнимается и начинаетъ умолять побѣдителя, чтобы онъ возвратилъ его тѣло троянцамъ. Эта трогательная просьба умирающаго героя, покорно приемлющаго судьбу свою, казалось, еще только увеличила свирѣпую дикость Ахиллеса. Судя по его отвѣту, можно предположить, что жажда мести и крови вытѣснила изъ его груди всѣ благородныя чувства.

Между тѣмъ какъ великая душа Гектора нисходитъ въ мрачный Адъ, ахейцы, приблизившись къ тѣлу Гектора, изумляются, видя распростертымъ и мертвымъ того, кто еще недавно наводилъ на нихъ такой ужасъ. Но Ахиллесъ повелѣваетъ имъ вернуться въ лагерь.

Мертвый лежитъ у судовъ, неоплаканный, непогребенный,
 Другъ мой Патроклъ! Не забуду его, не забуду, пока я
 Между живыми влачусь и стопами земли прикасаюсь!
 Если-жъ умершіе смертные память теряютъ въ Адѣ,
 Буду я помнить и тамъ моего благороднаго друга.
 Нынѣ побѣдныи пеанъ воспойте, ахейскіе мужи!
 Мы же поидемъ, влеча и его, къ кораблямъ быстролетнымъ.
 Добыли свѣтлой мы славы! Поверженъ божественный Гекторъ,
 Гекторъ, котораго Трой сыны величали, какъ бога!

Кроткія мысли, вызванныя воспоминаніемъ о другѣ, исчезаютъ при видѣ ненавистнаго врага, и снова увлекается Ахиллесъ гнѣвомъ. Онъ привязываетъ трупъ къ колесницѣ и гонитъ коней къ кораблямъ; пыль столбомъ крутится надъ головой влекомаго героя, и его черныя кудри треплются о землю. Мать Гектора, Гекуба, увидѣвъ въ такомъ ужасномъ положеніи своего сына, начала горько рыдать и рвать на головѣ свои сѣдые волосы. Пріамъ также оплакивалъ своего сына, народъ же, ихъ окружавшій, къ скорби родителей присоединилъ и свою: теперь Троя была какъ бы окончательно предана въ руки враговъ и обречена разрушенію и пожару.

Въ то время, какъ отецъ и мать въ трогательныхъ выраженіяхъ скорбятъ о томъ, что они все теряютъ со смертью любимаго сына, Андромаха, еще ничего не вѣдая, сидитъ предъ ткацкимъ станкомъ и искусной рукою ткеть разноцвѣтные узоры; она только что приказала служанкамъ принести для Гектора теплой воды и приготовить ванну, когда онъ возвратится съ боя. Но вотъ до слуха ея долетаютъ страшные вопли. Злое предчувствіе сжало ей сердце, ноги подкосились и ткацкій челнокъ выпалъ изъ рукъ. Какъ безумная, бросилась она въ сопровожденіи служанокъ къ троянскимъ стѣнамъ; но когда она воочію увидѣла, что кони Ахиллеса безжалостно влачатъ ея милаго супруга къ высокимъ кораблямъ, то въ глазахъ ея потемнѣло и она потеряла сознаніе. Заботливый уходъ родныхъ привелъ ее въ чувство, и она начала также оплакивать свою потерю, со страхомъ заглядывая материнскимъ сердцемъ въ суровую будущность своего сына.

XVIII пѣснь: ст. 1—38; 50—116; 126—130; 134—197; 203; 355; 369—395; 408—443; 457—589; 607—617.

XIX пѣснь: ст. 1—94; 137—174; 184—186; 192—195; 198—237; 238—249³/₄; 268 кон. 309; 314—325; 338—764; 369—398.

XX пѣснь: ст. 1—3; 4; 5; 381—388¹/₂; 393¹/₂—402; 407—417; 455; 456—494.

XXI пѣснь: ст. 1—135; 200; 203; 204; 136—138; 139—199; 205—212; 213—226; 233—283; 324—383³/₄; 520¹/₂—537; 540—611.

XXII пѣснь: ст. 1—322; 324—513; 515.

7. Окончаніе.

Тоска по другѣ не позволяетъ Ахиллесу воспользоваться плодами блестящей побѣды, которую онъ одержалъ, умертвивъ Гектора: его тянуло въ лагерь къ трупу Патрокла. Оказавъ вмѣстѣ съ своими мирмидонцами должную честь ему, Ахиллесъ безопасно предается сну на берегу моря; во снѣ является ему душа Патрокла, чтобы проститься съ нимъ предъ погребеніемъ трупа. На другой день Агамемнонъ приказываетъ воинамъ принести изъ лѣса дровъ для костра. Затѣмъ печальное шествіе двинулось къ мѣсту сожженія трупа. Всѣ мирмидонцы ѣхали на колесницахъ, посреди друзья убитаго несли гробъ, весь покрытый локонами, которые родные и знакомые въ знакъ своего горя, отрѣзали у себя и посвятили герою. Ахиллесъ шелъ позади гроба и поддерживалъ голову друга; онъ также обрѣзалъ свои локоны, которые должны были, согласно обѣту отца его, по возвращеніи изъ похода, быть посвящены рѣчному богу Сперхею. Воины сложили костеръ величиною въ сто футовъ квадратныхъ, закололи затѣмъ жертвенныхъ животныхъ и убили любимую лошадь и собаку Патрокла, а двѣнадцать убитыхъ троянцевъ положили на костеръ вокругъ трупа Патрокла. По мольбамъ Ахиллеса прилетаютъ вѣтры Борей и Зефиръ и раздуваютъ пламя, которое вздымается мощно къ самому небу. Въ продолженіе всей ночи Ахиллесъ изъ золотого кубка орошаетъ виномъ землю. Какъ отецъ неутѣшно оплакиваетъ взрослого сына, смерть котораго нанесла родительскому сердцу неизлечимую рану, такъ и Ахиллесъ скорбѣлъ безпредѣльно. Утренняя звѣзда, возвѣщающая скорое появленіе зари, уже загорѣлась на небѣ, и немного спустя взошла и сама заря надъ моремъ и землею въ розовомъ одѣяніи. Тогда огонь былъ потушенъ и утомленный Ахиллесъ предался на короткое время непреодолимому сну, изъ котораго его пробудили полководцы, собравшіеся около Агамемнона. По распоряженію Ахиллеса останки Патрокла собираютъ въ золотую урну, которая назначалась быть впослѣдствіи хранилищемъ и его собственнаго пепла; затѣмъ на время воздвигается для Патрокла небольшой могильный холмъ, пока впослѣдствіи не будетъ поставленъ уже для обоихъ друзей вмѣстѣ лучший саркофагъ. Послѣ этого Ахиллесъ приказываетъ принести изъ своей палатки богатые дары, предназначенные полководцамъ и народу въ знакъ благодарности за участіе въ играхъ, по обыкновенію устраиваемыхъ послѣ погребенія. На этихъ играхъ воины состязаются въ быстротѣ бѣга, кулачномъ бою, въ умѣннн ѣздить на колесницахъ, метать дискъ и копьа.

Наступаетъ ночь. Всѣ предались сладкому сну; одинъ Ахиллесъ не можетъ сомкнуть глазъ. Тоска не даетъ ему покоя и онъ выходитъ изъ шатра на берегъ неумолчно шумящаго моря и бродитъ тамъ, пока не взошла утренняя заря. Тогда онъ возвращается въ лагерь, запрягаетъ своихъ коней въ колесницу, привязываетъ къ ней трупъ Гектора и объѣзжаетъ такимъ образомъ три раза вокругъ могильнаго холма Патрокла. При видѣ этого зрѣлища, всѣ боги исполнились жалости къ Гектору: Зевсъ посылаетъ

Ириду къ Пріаму съ тѣмъ, чтобы она внушила ему отправиться къ Ахиллесе и выкупить тѣло героя. А Пріамъ между тѣмъ съ болью въ сердцѣ сидѣлъ среди своихъ дѣтей и около него стонали дочери и жены его сыновей, убитыхъ Ахиллесомъ. Богиня Ирида показалась видимой одному только Пріаму, который, узнавъ волю Зевса, сообщаетъ Гекубѣ, супругѣ своей, о своемъ намѣреніи ѣхать къ Ахиллесе и выкупить тѣло сына. Мольбы и увѣщанія Гекубы не могутъ поколебать его рѣшенія: если даже ему придется тамъ умереть, то онъ съ радостію въ сердцѣ встрѣтитъ смерть, лишь бы еще разъ обнять возлюбленного сына. Сыновья приносятъ драгоценности, предназначенныя для выкупа тѣла, и запрягаютъ двѣ колесницы, одну — для даровъ, другую — для Пріама. Первой колесницей править глашатай Идей. Трепеща за жизнь своего супруга, Гекуба выноситъ бокаль сладкаго вина и совѣтуетъ мужу совершить возліаніе Зевсу, чтобы великій громовержецъ послалъ счастливое предзнаменованіе. Старецъ слѣдуетъ благоразумному совѣту своей вѣрной супруги. Его молитва услышана: Зевсъ посылаетъ орла съ правой стороны. Тогда Пріамъ съ радостною надеждой отправляется въ опасный путь.

Когда онъ достигъ границъ города, то къ нему, въ видѣ сильнаго юноши, присоединился Гермесъ, посланный Зевсомъ. Старецъ ужасается его появленія, но Гермесъ искусно исполняетъ взятую на себя роль мирмидонца и пріобрѣтаетъ довѣріе Пріама, въ особенности, когда воздалъ должную честь доблести Гектора и сообщилъ, что боги, помня благочестіе Гектора, сохранили нетлѣннымъ его трупъ, который также свѣжъ и нетронутъ, какъ только что убитый голубъ. Такимъ образомъ Гермесъ проводитъ Пріама мимо ахейской стражи до палатки Ахиллеса и тогда, открывъ изумленному старцу свое дѣйствительное званіе, принимаетъ божественный видъ и исчезаетъ.

Войдя въ палатку, Пріамъ находитъ Ахиллеса за ужиномъ; онъ приближается къ герою, обнимаетъ колѣна и цѣлуетъ руки, убившіе его сыновей. Подобно тому, какъ бѣглець, умертвившій своего ближняго, ищетъ убѣжища, приходитъ въ чужой домъ и возбуждаетъ всеобщее изумленіе, такъ и Ахиллесъ былъ пораженъ неожиданнымъ появленіемъ Пріама; а этотъ между тѣмъ умоляетъ его именемъ стараго отца Пелея, чтобы онъ сжалился надъ его горемъ.

„Я испытываю, чего на землѣ не испытывалъ смертній: мужа, убійцы дѣтей моихъ, руки къ устамъ прижимаю!“ Воспоминанія объ отцѣ и далекой родинѣ размягчаютъ душу Ахиллеса и онъ смѣшиваетъ свои слезы со слезами Пріама. Облегчивъ свое сердце слезами, Ахиллесъ исполняется состраданіемъ къ несчастному отцу, склонившему предъ нимъ свою сѣдую голову, старается умѣрить его, напоминая, что ни одинъ изъ смертныхъ не проживаетъ свой вѣкъ безпечально; поэтому пусть онъ лучше прекратитъ свои жалобы: все равно онъ не могутъ воскресить его сына. Пріамъ проситъ тогда Ахиллеса, чтобы онъ возвратилъ ему сына. Ахиллесъ выходитъ изъ палатки, чтобы приказать приготовить трупъ Гектора; затѣмъ онъ снова возвращается въ шатеръ и объявляетъ Пріаму, что на завтра онъ можетъ

увезть своего сына; потомъ предлагаетъ ему подкрѣпиться пищей и питьемъ, приводя въ примѣръ саму Ніобею, которая, потерявъ разомъ шесть сыновей и шесть дочерей, не отвергала всетаки снѣди. Среди ночи готовится обильный ужинъ; Ахиллесъ долго бесѣдуетъ съ своимъ гостемъ и, наконецъ, предлагаетъ ему переночевать. Но Гермесъ пробуждаетъ ночью спящаго Пріама и повелѣваетъ возвратиться въ Трою, прежде чѣмъ Агамемнонь узнаетъ его присутствіи въ лагерѣ.

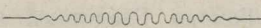
Едва только взошла утренняя заря, а Кассандра, сестра Гектора, уже стояла на валу, ожидая отца. Завидѣвъ его, она созвала всѣхъ троянцевъ и троянокъ и всѣ бросились на встрѣчу Пріаму. Во дворцѣ царя поднялся громкій плачь; больше же всѣхъ убивались: Андромаха, Гекуба и Елена. Въ десятый день трупъ былъ сожженъ, остатки были сложены въ золотой ковчегъ. На могилѣ героя насыпанъ высокій курганъ.

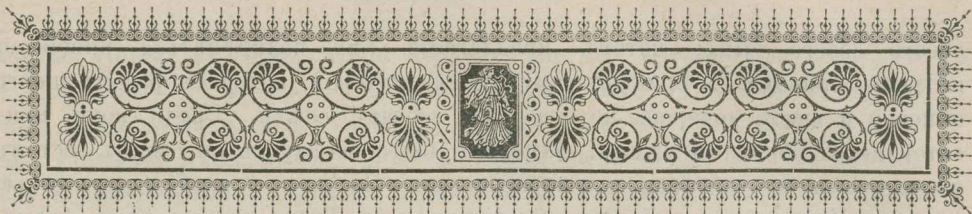
Здѣсь оканчивается поэма, воспѣвавшая гнѣвъ Ахиллеса и рассказавшая намъ одинъ изъ эпизодовъ троянской войны, которая, по опредѣленію судьбы, должна была еще продолжаться дольше.

XXIII пѣснь: ст. 1—70; 75—92; 99—198 $\frac{1}{2}$; 212 $\frac{1}{2}$ —797; 884—897.

XXIV пѣснь: ст. 1—6; 9—19; 22—23; 143—151; 155—180; 184—384; 386—413; 415—465; 468—513; 515—518; 522—555; 559—560; 568—613; 618—804.

(Продолженіе будетъ.)

K. NÄGELSBACH.

ВЪВРОУЧЕНІЕ ГОМЕРА.

Hom. Theologie.

[Продолж. См. „Гимн.“ кн. XLVI.]

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

Дѣленіе міра боговъ. Царство Олимпа.

A. Пандемоническое міровоззрѣніе.

1. Обоготворенная природа.

§ 58.

1. Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію гомеровскаго міра боговъ въ его частностяхъ, считаемъ необходимымъ напомнить о сказанномъ въ § 4 „Введенія.“ Одинъ весьма ревностный и во многихъ отношеніяхъ заслуженный изслѣдователь Гомера Гладстонъ въ своихъ *Studies of Homer and the Homeric Age* [vol. II и въ статьѣ *XIX Century, VI pg. 746—768 The Olympian System versus the Solar Theory*], идетъ совсѣмъ другою дорогою. Онъ находитъ, что солярная теорія, т. е. та форма религіи, въ которой солнце, свѣтъ, тьма, являются божествами, во первыхъ, несвойственна грекамъ, а, во вторыхъ, совершенно отлична отъ обожанія матеріальныхъ элементовъ, или видимыхъ силъ природы, каковы море, дождь, вѣтеръ, солнце, звѣзды, времена года. Гомеровскія божества, по его мнѣнію, не развились постепенно изъ олицетворенныхъ силъ природы. Скорѣе, напротивъ, здѣсь слѣдуетъ усматривать слѣды первоначальнаго откровенія, правда въ весьма слабомъ отраженіи, но того откровенія, чистѣйшая форма котораго раскрыта въ книгѣ Бытія Моисея. Противъ этой теоріи В. Кокеъ [*Homeric Mythology and Religion*], выставилъ то вѣрное положеніе, что въ гомеровскихъ божествахъ все неотразимо указываетъ намъ на олицетворенныя силы природы, хотя самъ народъ и утратилъ воспоминаніе о происхожденіи своей религіи, такъ что боги представлялись ему въ антропоморфической формѣ.

Всѣмъ извѣстно, что у древне-бактрійцевъ и персовъ вся религія основывалась на идеѣ борьбы между свѣтомъ и тьмою. Относительно другихъ

индогерманскихъ племень, см. Asmus ig. R. I p. 157 слѣд.; а что эта борьба играла большую роль также и у египтянъ, свидѣтельствуеъ Le Page Rénouf p. 167: и тамъ прежде всего почитались силы природы; см. ib. 115; 194. И здѣсь фантазія индогерманцевъ старалась перенести на землю небесныя явленія; см. Asmus p. 89.

§ 59.

2. Обращаясь къ самому гомеровскому міру боговъ, мы находимъ, что онъ не съ самаго начала управляетъ вселенной. До нихъ властвуютъ титаны⁴⁵), Кроносъ и его приверженцы (называемые у Гомера уже подземными, богами Тартара Ξ 274, или οἱ Τιτῆνες καλέονται ib. 279), которыхъ Зевсъ „подъ землю низвергъ и подъ волны безплоднаго моря“, ib. 204. Они обитаютъ теперь въ безднѣ, въ Тартарѣ, ὑπὸ Ταρτάρῳ (поэтому — ὑποταρτάριοι), въ пропасти подъ землею, начинающейся тамъ, гдѣ кончаются крайнія глубины моря и предѣлы земли Θ 478, „гдѣ подъ землей глубочайшая бездна, гдѣ и мѣдный помостъ и ворота желѣзные“, Θ 15; ни лучъ солнца, ни освѣжающее дуновеніе вѣтра не проникаютъ туда(480).

§ 60.

3. Въ „Послѣгомеровскомъ вѣроученіи“, т. II p. 99 слѣд. я разъяснилъ что это, послѣдовавшее за побѣдой Зевса, низверженіе титановъ знаменуетъ для грековъ паденіе первоначальной системы культа и боговъ, хотя въ произведеніяхъ Гомера мы не находимъ тому убѣдительныхъ доказательствъ. Равнымъ образомъ я согласенъ, что въ основѣ міѳа, въ видѣ историческаго ядра, лежитъ воспоминаніе о перемѣнѣ религіозныхъ вѣрованій и о прежней культурѣ. Но ни одинъ изслѣдователь, свободный отъ принужденій, налагаемыхъ системою, не будетъ утверждать, что титаны, называемые Гомеромъ, за исключеніемъ Кроноса и Япета, лишь вообще, а Гезіодомъ — отдѣльно, были дѣйствительно обожаемы въ Греціи до Олимпійцевъ. На самомъ дѣлѣ и древнѣйшая Греція могла вѣровать только въ сихъ послѣднихъ; а революція, посредствомъ которой, какъ при введеніи христіанства, были бы изгнаны прежніе боги и водворены новые, гдѣ-либо сложившіяся божества, кажется мнѣ немислимой. Поэтому, пусть согласно Велькеру и Герману въ міѳѣ о сверженіи титановъ выражается воспоминаніе о томъ, что нѣкогда міръ боговъ имѣлъ другой видъ, чѣмъ во время почитанія Олимпійцевъ, все-таки титаны, какъ ихъ приводитъ въ систему не Гомеръ, а Гезіодъ, не были никогда дѣйствительными богами Греціи до Олимпійцевъ, ибо для этого имъ недостаетъ прежде всего достаточно опредѣленнаго вида; даже Гезіодъ не приписываетъ имъ никакой дѣятельности, никакой власти, онъ знаетъ о нихъ только самое необходимое: ихъ размноженіе и паденіе, ихъ имена и родственныя отношенія. Во всей системѣ титановъ нѣтъ ни одного звена, которое не могло бы быть произведеніемъ, правда, еще грубо символической, но уже систематизирующей поэзіи и не могло бы возникнуть посредствомъ

заключеній по дѣтямъ обѣ отцахъ и, вѣроятно, заимствованій нѣкоторыхъ элементовъ съ востока (Кроносъ). Такъ объясняетъ и Дункеръ (G. d. A. V⁵ 307—9). Кроносъ почитался на Критѣ = Эль, который похищаетъ у Ваала Семина способность рожденія и приноситъ своего собственного сына въ жертву высшему богу, нетерпящему размноженія; Вааль-Молохъ умерщвляетъ сѣмена своихъ дѣтей; тогда Кроносъ, Сатурнъ надъ солнцемъ, низвергается въ область темныхъ духовъ. вмѣстѣ съ греками Зевсъ пришелъ въ Критъ и вытѣснилъ Эль-Вааль-Молоха. Поэтому греки никакъ не могли представить себѣ ясно образъ Кроноса. Согласно древне-арійскимъ воззрѣніямъ, сначала было самое счастливое время; тогда царствовалъ только Кроносъ; позднѣе же онъ долженъ былъ отправиться изъ Тартара къ Гесперидамъ на западъ, гдѣ, по арійскимъ вѣрованіямъ, находился загробный міръ δ 563: Ἠλοσίον πεδίον. Гомеровскіе Олимпейцы на первоначальной ступени своего развитія были несомнѣнно силами природы, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ мы можемъ довольно точно прослѣдить превращеніе въ этическихъ существа (ср. въ общемъ Преллера и Дункера). Но эта самая форма ихъ, какъ силъ природы, не даетъ еще никакихъ основаній отождествлять ихъ съ титанами. Ибо именно о власти титановъ въ какихъ либо областяхъ природы намъ ничего не извѣстно. Поэтому намъ не остается ничего другого, какъ считать ихъ произведеніемъ синкретистическаго времени, когда сливались ученія арійско-пеласгическія съ семитическими; при этомъ, конечно, были употреблены нѣкоторыя имена и древнѣйшіе культы, особенно у Гезіода; ср. Schömann [Opusc. II p. 114, 115], который ib. p. 37 n. 28 приводитъ Плутарха de plac. phil. I, 6.

§ 61.

4. Согласно Θεогоніи Гезіода титаны — сыновья Урана и Геи. А Гомеръ Э 201 (302) самымъ опредѣленнымъ образомъ называетъ Океана θεῶν γένεσις. Чтобы не подумалъ кто, что подъ θεοί на основаніи Ф 195 слѣдуетъ понимать рѣчныя и водныя божества, въ Э 244 сказано совершенно ясно: „каждаго я изъ боговъ, населяющихъ небо и землю, сномъ одолѣю легко; усыплю я и самыя волны древней рѣки Океана, отъ коего все родилось.“ И это преданіе несомнѣнно стоитъ въ общей связи съ воззрѣніемъ того философа іонійской школы⁴⁶), который утверждалъ, что вода есть начало всѣхъ вещей, — воззрѣніемъ, слѣды котораго уже другіе нашли въ заклинаніи Менелая Н 99 „разсыптесь водою“ = сгиньте; это мѣсто со времени Ксенофана не разъ принималось, какъ выраженіе воззрѣнія о первичныхъ элементахъ; ср. Hentze въ Anh. къ этому мѣсту. Только въ одномъ мѣстѣ титаны, повидимому, называются сыновьями Урана; Зевсъ говоритъ Арею Е 898: „еслибъ отъ бога другого родился ты, столько зловредный, былъ бы уже ты давно преисподнѣ всѣхъ Уранидовъ.“ Со стороны языка „преисподнѣ всѣхъ Уранидовъ“, можно было бы объяснить, какъ „глубочайшій Уранидъ“, понимая при этомъ подъ Уранидами caelestes, какъ это часто встрѣчается у Гомера; но въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ преданіемъ, смыслъ котораго былъ очень теменъ уже во времена Гомера; и Гезіодъ впер-

вые, очевидно, большею частію абстрактно, создалъ систему 12 Уранидовъ. Поэтому слѣдуетъ, въ видѣ исключенія⁴⁷⁾, подъ Уранидами понимать титановъ 471, какъ это и было въ дѣйствительности въ позднѣйшее время; ср. Lobesk, Aglaoph. I стр. 506; Düntzer, Fragm. d. episch. Poesie стр. 78. Такимъ образомъ остается неизмѣннымъ: Океанъ есть отецъ всѣхъ, какъ Ѳетида, его жена, мать всѣхъ [она называется въ Э 201, 302 по преимуществу *μήτηρ*]⁴⁸⁾. Съ этимъ вполне согласуется то, что по Э 202 Рея, мать Кронидовъ, и ея дочь Гера при борьбѣ Зевса съ Кроносомъ спасаются въ жилищѣ Океана и Ѳетиды, у дѣда; равно какъ и то, что Гера могла сказать Зевсу (Э 305) и Афродитѣ (206), что ея дѣдъ и бабушка уже давно перестали наслаждаться любовью и размножаться. Попытка Геры свести ихъ снова на ложе была только выдумкой. Также и ни одно выраженіе поэта объ Океанѣ не стоитъ въ противорѣчьи съ выше высказаннымъ мнѣніемъ. Нигдѣ не упоминается объ его отцѣ (у Гезіода онъ только братъ Кроноса); онъ не сверженъ вмѣстѣ съ титанами, своими дѣтьми, въ Тартаръ, но на краю вселенной онъ обтекаетъ попрежнему кругомъ всю землю, хотя и не принимаетъ участія въ міроуправленіи: „сошлись всѣ и потоки, и рѣки, кромѣ Океана сѣдаго“ Ψ 7; онъ менѣе могущественъ, чѣмъ Зевсъ, молніи котораго онъ боится (Ф 198), хотя по почету онъ занимаетъ первое мѣсто послѣ Зевса, ибо Сонъ, говоря Э 244, что онъ усыпилъ бы всякаго другого бога, даже отца всѣхъ Океана, только не Зевса, очевидно отдаетъ ему предпочтеніе предъ всѣми богами, за исключеніемъ Зевса. Онъ сѣдой царь, сынъ котораго низвергнуть внукомъ; онъ самъ ведетъ спокойную уединенную жизнь старика и пользуется всѣмъ почетомъ, хотя и не имѣетъ вліянія и подвластенъ новому владыкѣ.

§ 62.

5. Личность Урана у Гомера едва можно распознать, т. е. индивидуализация силы природы здѣсь не проведена, а остановилась на полпути. Но опытъ ея сдѣланъ очевидно въ *Οὐρανίωνες*, ибо это есть такое же *patronymicon*, какъ *Κρονίων*, *Πηλείων*, *Ἑπερίων* (Ameis, Anh. α 8). Но даже и тамъ, гдѣ онъ упоминается, какъ свидѣтель клятвы, ο 36, уже одно приложеніе *εὐρός* показываетъ ясно, что при этомъ имѣется въ виду исключительно небесный сводъ; совершенно иначе призывается Зевсъ въ клятвѣ Агамемнона Т 258, хотя первоначально и это было не что иное, какъ сіяющее небо. Далѣе и *οὐρανός*, хотя и не есть собственно мѣстопребываніе боговъ, стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ Ураномъ въ томъ отношеніи, что боги, находясь на Олимпѣ, въ то же время пребываютъ въ Уранѣ, въ который врѣзывается вершина Олимпа; ср. § 13 прим. 22. Это пространство, гдѣ боги собираются, какъ на Олимпѣ, называется, подобно металлическому небесному своду, *ἀστερόεις*, *εὐρός*, *χάλκεος*, *πολύχαιλος* и *σιδήρεος*; ср. Buchholz HR III a 7.

Иначе Гея. Она мать великана Титія (η 304, λ 576) и называется *ἐρικλοής*. Ей приносятъ жертвы и молитвы (при переговорахъ Г 104 и 278); здѣсь и Т 258 она упоминается на ряду съ богами, и соотвѣтствующимъ

ей богомъ былъ кажется Геліосъ; въ Г 104 этимъ обоимъ божествамъ приносятъ въ жертву овецъ: Геліосу — бѣлую, мужскаго пола, Геѣ — черную, женскаго пола; ср. „Послѣгомер. вѣроученіе“ II, 12, 2. Поэтому она и Геліосъ принадлежатъ къ божествамъ, не свергнутымъ въ Тартаръ Зевсомъ, т. е. къ силамъ природы, признаннымъ фантазіею поэта въ качествѣ постоянно дѣйствующихъ и властвующихъ элементовъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

§ 63.

6. Титаны не стоятъ ни въ какомъ отношеніи къ людямъ и не считаются правящими силами. Только богъ сна требуетъ отъ Геры, чтобы она именемъ титановъ поклялась достать ему хариту Пасіоюю, что она и исполняетъ. Титаны никогда не противопоставляются Герѣ, какъ мстители нарушенной клятвы (такъ думалъ Mätzner de Jove hom. стр. 52). Они всеѣмъ не боги мертвыхъ, а плѣнники, заключенные въ Тартаръ. Требованіе Сна гласитъ E 271: „Гера, клянись нерушимою клятвою, Стикса водою; руки простри и коснись, одною земли многодарной, свѣтлаго моря другою, да будутъ свидѣтели клятвы всеѣ преисподніе боги, присущіе древнему Крону.“ Изъ этихъ стиховъ видно, что то, что связываетъ Геру, есть клятва Стиксомъ. А титаны не та сила, во власть которой она пала бы, нарушивъ клятву, но только свидѣтели факта самой клятвы, и съ этою цѣлію Гера дотрогивается до земли, какъ бы стучась въ подземное жилище титановъ [ср. „Послѣг. вѣроуч.“ II, 5; V, 15, и что Алѳея I 568 дѣлаетъ при молитвѣ къ хтоническимъ богамъ: „часто руками она, иступленная, о землю била и, на колѣняхъ сидящая, грудь обливала слезами, съ воплемъ молила Ада и страшную Персефонію“]. А что Сонъ требуетъ именно этихъ свидѣтелей клятвы, слѣдуетъ, кажется, объяснить тѣмъ, что онъ, сынъ ночи, склоненъ почитать еще властвующею силу природы, родственную низверженнымъ элементамъ.

§ 64.

7. Не всеѣ силы природы были укрощены; да и какъ можно было считать низверженными тѣ силы, вліяніе которыхъ человекъ чувствуетъ непрестанно или существованіе коихъ непосредственно связано съ видимыми въ природѣ предметами, напр., небесными тѣлами, рѣками и т. д. Эти силы приняты въ міроуправленіе Зевса и не мѣшаютъ обыкновенно порядку. Послѣгомеровскіе мифы относительно Геи и Прометея повѣствуютъ, будто они добровольно присоединились къ Зевсу и новой династіи; срв. „Послѣгом. вѣроуч.“ II, 4.

Въ гомеровскую систему боговъ входятъ такимъ образомъ слѣдующія силы природы. Прежде всего Гаѳа, сынъ коей Титій, съ насиліемъ Латоны на дорогѣ въ Піюо, представляетъ какъ бы послѣднюю попытку ворваться въ царство свѣта со стороны мрачной, въ землѣ заключенной силы природы. Затѣмъ Ноѣ съ своимъ родомъ, по E 258—261, несомнѣнно, какъ и у Гезіода, мать Сна, но не сновидѣній (*δνειροί*), которыя въ подлинно гомеровскихъ

произведеніяхъ (иначе въ ω 12) не имѣютъ опредѣленной, постоянной формы; и хотя они послы боговъ и потому божественнаго рода, однако никогда не призываются откуда нибудь, но всякій разъ созидаются и, по исполненіи порученія, растекаются въ воздухъ, ib. 839. Ночь, слѣдовательно, есть также и мать своего брата — Смерти (E 231, II 454, 672, 682) и вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, мать Кήρ-ы, или Κήρας (смерть въ разныхъ видахъ).

§ 65.

8. Далѣе слѣдуютъ Ἥλιος и Ἥως; первый почитался у Гомера только какъ солнце; но, какъ Гелиось, такъ и Эось представляютъ опредѣленныя личности, хотя послѣдняя не имѣла особеннаго извѣстнаго культа. Гелиось, сіяющій (сродств. *σέλας*, sol, got. *savil*), φαεσίμβροτος — свѣтящій смертнымъ, или *τερψίμβροτος* — утѣха смертныхъ, φαέθων — блестящій = *παμφανόων* (Welcker gr. Gl. I, 402, Preller gr. M. I³ 352 сл.), братъ Эось и Селены, отецъ Эета и Кирки, которая родила ему Персу; онъ также отецъ Неэры, Фаетусы и Лампетіи, которыя пасли стада его на Θринакии. Онъ видитъ и слышитъ все; сцену невѣрности въ θ 302 онъ выдалъ Гефесту. Сіяетъ и видѣтъ, неустанно (*ἄκαμας*) всходитъ ежедневно изъ моря на небо и нисходитъ въ волны — вотъ все, что этотъ богъ обязанъ дѣлать, какъ свѣточъ неба. Слѣдовательно, персонификація еще мало развита; однажды въ гнѣвѣ онъ угрожаетъ тѣмъ, что будетъ свѣтитъ въ царствѣ мертвыхъ (μ 383), и это есть единственная, соотвѣтствующая человѣческому міру ситуація, въ которой сказывается личность, а не маріонетка. Культъ этого бога сказывается только въ жертвѣ, производившейся, какъ кажется, безъ огня, Г 274 сл. (ср. Ameis Anh.), которая, какъ однажды было уже замѣчено, напоминаетъ азіятскій обычай [Robiou Q. H. 10, разсматриваетъ ее, какъ пеласгическое явленіе]; къ ней присоединяется еще клятвенная жертва Г 250 сл.; этотъ культъ, однако, не развитъ. Другое указаніе на него, затемненное въ мифологической формѣ⁵⁹), скрывается въ его стадахъ, поколику таковыя посвящались ему еще въ историческое время: Preller G. M. I³ 351, п. 3.

Гораздо опредѣленнѣе выступаетъ образъ Эось; очевидно, самое явленіе повело къ эпитетамъ *ῥοδοδάκτυλος*⁵¹), *κροκόπελος* или *χρυσόθρονος* и *ἐόθρονος*. Эта личность принимаетъ болѣе конкретную форму, какъ дочь Гиперіона и Еврифессы; она обитаетъ на Олимпѣ В 48, на островѣ *Αἰαίη* на востокѣ, откуда выѣзжаетъ со своими конями — Лампомъ и Фаэтономъ. Она похищаетъ молодыхъ людей: Оріона ε 121, Клита о 250, Тивона, и родила восточнаго Мемнона. Но въ религіи она менѣе значительна, чѣмъ Гелиось, и рѣже встрѣчается, чѣмъ, напр., въ Ведахъ Индіи. О *Σελήνη* поэтъ нигдѣ не упоминаетъ, какъ о богинѣ; о вѣроятной причинѣ этого ср. Ничъ къ Od. Т. III, стр. 36.

§ 66.

9. Къ естественнымъ божествамъ принадлежатъ, далѣе, боги морей и рѣкъ. Море, какъ водный элементъ (древнеинд. *vāgana*) представляется частію въ образѣ Тритона, частію же въ образѣ Океана; однако, сей по-

слѣдній какъ бы исчезаетъ въ слѣдой старинѣ прошлаго. Напротивъ, *γαίηςχος* — держащій землю, *ἐννοσίγαιος* и *ἐννοσίχθων* — сотрясающій землю, есть морской богъ; и эти названія, очевидно, преданы древнѣйшею естественною религіею. Сравнительно молодой, хотя и съ нѣкоторою претензіею на древность, въ особенности по отношенію къ людямъ, богъ моря есть Посидонъ⁵³), который владычествуетъ надъ всѣмъ, что относится къ морскимъ сношеніямъ, посылаетъ, слѣдовательно, какъ ε 291, бури, такъ и благопріятные вѣтры Υ 362. θ 500. Этотъ образъ бога развитъ до цѣльной личности, которая вмѣшивается непосредственно въ ходъ эпического дѣйствія, въ особенности въ Одиссеѣ, и имѣетъ мѣсто среди олимпійцевъ. Но, въ противоположность къ Гефесту, который иногда, какъ въ В 426, является отождествленнымъ съ огнемъ, Посидонъ никогда не выступаетъ въ качествѣ элементарной силы, тождественной съ моремъ; равно какъ и Зевсъ никогда не идентифицируется съ сіяніемъ неба. Море, какъ элементъ міроваго цѣлаго, есть Амфитрита, которую, можетъ быть, случайно называетъ не Гомеръ, а Гезіодъ супругою Посидона. Ибо она, какъ уже замѣтилъ Dissen къ Пинд. Ol. 6, 105, упоминается всегда только или въ связи съ волнами моря, Ἀμφιτρίτης κύμα, κύματα γ 91, μ 60, или въ связи съ морскими чудовищами, κήτος ἃ μωρία βόσκει ἀγάστωνος Ἀμφιτρίτη, μ 97. ε 422.

Ничъ II стр. 64 признаетъ въ ней особенно представительницу бурнаго моря⁵⁴), такъ что она къ Посидону относится такъ же, какъ Энію къ Арею. Поэтому она, вѣроятно, обладательница плавающихъ тюленей, καλή Ἀλοσύδνη δ 404. Какъ nereida, по крайней мѣрѣ, — и какъ таковая, она извѣстна Гезіоду — она можетъ называться Ἀλοσύδνη, подобно тому, какъ Υ 207 тоже слово употреблено о nereidѣ Тетидѣ въ смыслѣ прилагательнаго; ибо ἀλοσύδνη значитъ дочь моря (G. Curtius GZ² 638). А море оживляется nereidaми, въ нѣкоторомъ смыслѣ нимфами моря, имена которыхъ (E 39—49) большею частію обозначаютъ свойства моря или волнъ, или другія явленія въ этомъ элементѣ; ср. Schoemann Opusc. II, стр. 164 слѣд. Самая важная среди нихъ Тетида⁵⁴). Съ нѣкоторымъ отбѣнкомъ материнской заботливости предлагаетъ она въ своемъ морскомъ гротѣ убѣжище (Θέτις δ' ὑπεδέξατο κόλπῳ) преслѣдуемому Діонису (Z 136 сл.) и низверженному съ неба Гефесту (Σ 595 сл.); она съ полнымъ правомъ можетъ похвалиться тѣмъ, что способствовала спасенію Зевса отъ козней враждебныхъ божествъ Α 395 сл. Характеристичнѣе всего въ ней, какъ ее представляетъ Гомеръ, есть то, что она, благосклонная помощница Зевса, противъ воли принуждена имъ поддерживать личную связь съ смертнымъ и должна поэтому терпѣть всѣ страданія смертныхъ: Σ 429. Въ то время, какъ въ бракѣ Эось и Тивоона смертный супругъ возвышается до безсмертія, хотя и не можетъ перенести его по своей тлѣнной природѣ, въ связи Пелея и Тетиды, наоборотъ, богиня низводится въ сферу страданій, обусловленныхъ смертною всего земнаго. Если не ошибаемся, и въ позднѣйшее время особенно удерживалась эта сторона ея сущности; и только самые поздніе поэты употребляютъ Тетиду прямо вмѣсто моря. — Ея отецъ Нерей, плывущій, текущій отъ γάω, γαρός

(*ρευστικός*), Σ 145 *γέρον ἄλιος*, не появляется у Гомера; по Preller Myth. I³ 454, онъ обозначаетъ тихое, спокойное море; ср. также Schoem. Opusc. II, стр. 181. А въ лицѣ Форкиса, дѣда Полифема (*α* 72), по имени коего названа одна гавань Итаки (*ν* 96, 345), и который здѣсь называется также *ἄλιος γέρον* и въ *α* 72 именуется владыкой бесплоднаго моря, выступаетъ у Гезіода и у позднѣйшихъ поэтовъ отталкивающая, возбуждающая ужасъ сторона этой стихіи; ср. Preller *ibid.* 459, Schoemann *ib.* стр. 176 сл. Важнѣе для насъ Левкооея или Ино, спасательница погибающихъ на морѣ, которую Пиндаръ Ol. 2, 29 называетъ подругою nereидъ. Ея имя *Λευκοθέα* напоминаетъ Ничу II, стр. 52 о *λευκή γαλήνη* (*κ* 94), ясный штиль, и если сравнить ея имя съ ея функциями, то можно найти въ ней олицетвореніе морской тишины, наступающей послѣ бури и помогающей потерпѣвшимъ кораблекрушеніе пристать къ сушѣ. Велькеръ (Gr. Götterlehre I, стр. 644) замѣтилъ, что ея бѣлое покрывало (*κρήδεμνον*), которое она подаетъ *ε* 351 Одиссею, чтобы онъ спасся изъ бурнаго моря, напоминаетъ *taenia*, которыя получали посвященные въ мистеріи на Самоеракии, чтобы обвязывать ихъ вокругъ тѣла для спасенія при бурѣ на морѣ (ср. „Послѣгом. вѣроуч.“ VII, 10); ср. однако § 28 прим. 35.

§ 67.

10. Загадочное существо въ морѣ есть Протей⁵⁶) съ дочерью Идооеей *δ* 365—570. Въ качествѣ *Προσειδάωνος ὑποδμῶς* онъ пасетъ тюленей Амфитриты, т. е. моря. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ называется *Αἰγύπτιος* и *γόης*, т. е. волшебникъ, *ὀλοφώϊα εἰδῶς* (410), который можетъ превращаться во всякіе образы, но можетъ также быть захваченъ въ нихъ и принужденъ говорить. А что онъ говорить? По показанію своей дочери Идооеи (388—393), онъ можетъ указать Менелаю дорогу и мѣру, т. е. длину пути, возвращеніе, т. е. условія, при которыхъ Менелай черезъ море можетъ достигнуть дома. Затѣмъ онъ можетъ рассказать, что хорошаго и дурнаго случилось въ домѣ Менелая во время его отсутствія. Очевидно, что собственно о предсказаніи будущаго здѣсь нѣтъ рѣчи. Единственное пророчество, высказанное имъ Менелаю, заключается въ томъ, что онъ возвѣстилъ ему, будто онъ не умретъ, но, какъ зять Зевса, попадетъ въ Елисейскія поля. Въ другихъ случаяхъ онъ объявляетъ не болѣе, чѣмъ сколько можетъ рассказать бывалый морякъ, который всюду бываетъ и все слышитъ. Одиссея онъ видѣлъ на островѣ Калипсо (556); онъ знаетъ всѣ глубины моря (385); все указываетъ на то, что Протей есть образъ мореплаванія, которое, происходя изъ востока, стоитъ въ тѣсной связи съ Египтомъ; т. е. финикійскаго мореплаванія, такъ какъ тѣсныя сношенія египтянъ и финикійцевъ въ древнѣйшія времена теперь уже признаются всѣми; ср. Hug въ Ersch und Gruber's Encycl. ч. 2, стр. 35. Curt. Jonier стр. 19. Herod. 2, 112 сообщаетъ довольно замѣчательный фактъ, именно будто мемфисскій *τέμενος* Протея, сдѣланнаго царемъ Египта, заселенъ тирійскими финикійцами.

Но какое отношеніе имѣетъ къ моряку волшебникъ, который можетъ пре-

вращаться во всякія формы? Эту загадку разрѣшаетъ намъ тѣсная связь его съ Египтомъ, о которой свидѣлствуютъ не только Гомеръ и Геродотъ, но также и Еврипидъ въ Еленѣ. Послѣдній, примыкая къ Гомеру, поселяетъ его, правда, на Фаросѣ, но дѣлаетъ всетаки владыкой Египта (v. 5). Египетъ, по мнѣнію Гомера, есть страна чудесъ, богатая волшебными травами (δ 220—232), а) гдѣ существуютъ таковыя, тамъ не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположить также волшебства, дѣйствовавшія и безъ посредства *φάρμακα*; примѣромъ этому можетъ служить Колхида. Впрочемъ, уже изъ Библии намъ извѣстны египетскіе фокусники, умѣвшіе превращать. Менѣе вѣроятнымъ кажется мнѣ, будто уже Гомеръ вѣрилъ въ такую способность морскихъ боговъ, о которой столь часто разсказываютъ позднѣйшіе поэты.

Но такъ какъ *θαλάσσης πάσης βένθεα οἶδεν* говорится не только о Протей, но и объ Атласѣ (α 52), то не соотвѣтствовало бы гомеровскому міровоззрѣнію, если бы мы отдѣлили эту личность отъ Протея. По крайней мѣрѣ, въ основаніе изслѣдованія объ Атласѣ слѣдуетъ положить эти грамматически ясныя слова. Итакъ, онъ знаетъ глубины моря и при томъ *πάσης θαλάσσης*, т. е. всего, что называется моремъ; его имя значить, по переводу Германа, Sufferus⁵⁶); у него есть дочь *Καλυψώ*, скрывающая, скрытница, которая живетъ далеко на западѣ, все равно на юго или сѣверо-западѣ. Наконецъ, поэтъ говоритъ о немъ: *ἔχει δὲ τε κίονας αὐτὸς μακράς, αἱ γαῖαν τε καὶ οὐρανὸν ἀμφὶς ἔχουσιν* (α 51), „дочь кознодѣя Атланта, которому вѣдомы моря всѣ глубины и который одинъ подпираетъ громаду длинноогромныхъ столбовъ, раздвигающихъ небо и землю.“

Это представитель финикійскаго мореплаванія и того народа, который одинъ только проѣзжаетъ проливъ между скалами Геркулеса, а отъ другихъ народовъ заботливо скрываетъ западъ (торговые пути и отдаленныя факторіи), ибо Атласъ есть отецъ коварной укрывательницы, и дѣти не у одного только Гомера характеризуются по отцу, примѣромъ чего могутъ служить *Ἀστώνας, Τηλέμαχος, Εὐροσάκης, Τισαμενός* и, наконецъ, даже пожалуй дочь Протея *Εἰδοθέα* — богиня образовъ⁵⁸). Атласъ называется также *ὀλοόφρων*, губительный, какъ братъ Кирки — волшебникъ Эетъ x 137, и Миносъ, злой, по крайней мѣрѣ, въ аттическихъ сагахъ, ib. 322: хитрые купцы съ торговлею соединяютъ обманъ и похищеніе людей ξ 288, ο 415 сл. Что самъ Гомеръ не можетъ имѣть никакого понятія о томъ, что скрывается въ сказаніи, такъ-же мало можетъ поколебать это толкованіе, какъ и то, что онъ не знаетъ ничего точнаго о столбахъ Геркулеса.

Однако, такъ какъ Гомеръ очень мало говоритъ объ Атласѣ, то мы можемъ поискать въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, не говорится ли гдѣ еще яснѣе о его природѣ. Онъ охраняетъ яблоки Гесперидъ, сокровища и богатства запада; онъ также астрономъ и, какъ у Гомера онъ знаетъ глубины моря, такъ у Вергилія [Aen. I, 741] и Цицерона [Tusc. 5, 3] знаетъ небесныя тѣла. Геркулесъ становится на его мѣсто и держитъ сводъ неба. Но какой другой Геркулесъ могъ зайти такъ далеко на западъ, какъ не тирскій Мелькартъ? Здѣсь смыслъ сказанія раскрывается самъ собою. Двое владѣютъ

небесными столбами — Атласъ и Геркулесъ тирскій. Послѣдній дѣлаетъ тоже, что дѣлалъ первый, а Геркулесъ тирскій есть не кто иной, какъ символъ финикійскаго народа⁵⁹).

Такимъ образомъ изъ этихъ сопоставленій можно вывести то заключеніе, что Атласъ и Калипсо на западѣ соотвѣтствуютъ Протею и Идооѣ на востокѣ; таковое отношеніе существенно подкрѣпляется чрезъ *columnae Protei* на востокѣ, которыя извѣстны Вергилію (*Aen.* XI, 262); и то и другое божество не есть обоготворенная стихія природы, а только символъ мореплаванія. Поэтому, что касается Гомера, нельзя не обратить вниманія на то, что онъ не приводитъ ихъ въ родственныя связи ни съ какимъ естественнымъ божествомъ.

§ 68.

11. Напротивъ, къ настоящимъ естественнымъ божествамъ, соединеннымъ съ матеріальными предметами, принадлежатъ *Ποταμοί*, боги рѣкъ, которые по Ф 195 всѣ произошли отъ Океана, хотя и не рождены имъ, какъ отдѣльныя личности. По крайней мѣрѣ, Е 434 называетъ Зевса отцомъ Ксанѳа и, вѣроятно, также Симоиса, брата Ксанѳа (*Schoem. Opusc.* II стр. 44). Кромѣ этихъ самыя важныя суть: Ахелой Ф 194, Алфей Е 545, Энипей λ 238, Сперхей Ψ 142, Аксій Β 849. Ф 141. 158. Они выступаютъ, какъ отцы сыновей, совершенно самостоятельными личностями, а троянскія рѣки принимаютъ дѣятельное участіе въ эпическомъ дѣйствіи. Они также имѣютъ свой культъ; рѣка въ Схеріи называется въ ε 445 *πολόλλιστος*; Скамандръ имѣетъ жреца, *ἀρητήρ* Е 78; Сперхей — *τέμενος* и алтарь; старый Пелей общалъ ему локоны Ахиллеса, если онъ возвратится, Ψ 144; ср. *Aesch. Choeph.* 7; ибо по *Hesiod. Theog.* 346 кромѣ Аполлона и нимфъ также и рѣки *κατὰ γαῖαν ἄνδρας κορίζουσιν*. Рѣчные боги, за исключеніемъ Океана, принадлежатъ къ полному собранію боговъ Υ 7. Особенно замѣчательна ихъ роль при клятвѣ Агамемнона Γ 276 сл.⁶⁰).

Такъ какъ засвидѣтельствовать клятву должно было все, что находится на землѣ, подъ и надъ нею, то рѣки вмѣстѣ съ *Γαῖα* должны были представлять среднюю область, и ихъ положеніе при клятвѣ позволяетъ заключить о той чести, какую имъ оказывали и внѣ мѣстныхъ культовъ, хотя они не смѣли мѣяться съ Зевсомъ: Ф 190—195. Скамандръ называется въ Z 248 *μέγας θεός*.

§ 69.

12. Къ рѣчнымъ божествамъ прежде всего примыкаютъ ключевыя нимфы и, чрезъ ихъ посредство, весь міръ нимфъ вообще. Здѣсь мы должны прежде всего указать на различіе между нимфами въ широкомъ и въ узкомъ смыслѣ слова. Калипсо, дочь Атласа, Фаетуса и Лампетія, пасущія стада быковъ и овецъ Гелиоса, отца своего, хотя и называются *Νύμφαι*, однако уже съ перваго взгляда являются существами совершенно другого рода, ибо онѣ *χοῦραι Λόος*. Другія нимфы: горныя нимфы, *ὄρεστιάδες* Z 420, *νηϊάδες κρηναῖαι*, ключевыя наяды [р 240: „вдадѣлицы горъ крутоглавыхъ, душистыхъ, влажныхъ луговъ

и истоковъ рѣчныхъ потаенныхъ“], ζ 123 сл., ср. Υ 8: „живущія въ рощахъ прекрасныхъ.“ Въ этихъ стихахъ различаются четыре рода нимфъ: горныя, ключевыя, луговныя и лѣсныя. Какъ извѣстно, позднѣе признавали въ этихъ существахъ θεῖον, которое властвуетъ и оживляетъ вышеназванныя произведенія природы, но въ то же время связано на жизнь и смерть съ ними, какъ это особенно говорится о дриадахъ, не встрѣчающихся у Гомера подъ этимъ именемъ (Hymn. Ven. 205 сл.). Но на это фетишическое представленіе (Asmus I 197), которое въ этихъ существахъ признаетъ только свойства деревьевъ и т. п., указываетъ одно только мѣсто у Гомера⁶¹): „всѣ онѣ дочери были прекрасныя рощъ и ключей и священныя рѣкъ“ × 350. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ онѣ разсматриваются, какъ обитательницы тѣхъ мѣстъ, что слѣдуетъ принять во вниманіе также и при объясненіи ихъ родовыхъ названій. Равнымъ образомъ и то, что говорится о ихъ занятіяхъ, ни въ какомъ случаѣ не относится къ тайному тихому владычеству внутри источниковъ и рощъ; напротивъ, онѣ являются частію добрыми божествами, помогающими людямъ (посадка вѣзовъ вокругъ могилы Эетіона Z 420, облава овецъ при охотѣ Одиссея ι 154), частію подругами и служанками божествъ высшаго ранга [Артемиды ζ 105, гдѣ онѣ называются ἀγρονόμοι, т. е. по Aesch. Adam. 142 Dind. несомнѣнно на полѣ живущія; Кирки κ 348 слѣд., гдѣ онѣ δρηστέραι, служанки]. Онѣ часто пребываютъ въ гротахъ, ρ 318. ν 104; въ нихъ находятся ихъ каменные скамьи и мѣста для хороводовъ, равно какъ и ихъ ткацкіе навои.

Изъ этого видно, какъ мало склоненъ поэтъ отождествлять естественныя божества съ тѣми предметами, къ которымъ они принадлежатъ. Его фантазія стремится скорѣе освободить отъ оковъ природы и привести къ самостоятельной жизни также и тѣ божества, которыя мы назвали связанными⁶²). И однако въ κ 350 несомнѣнно выражено и элементное (стихійное) значеніе ихъ природы. Онѣ — ключевыя, лѣсныя и луговые духи и, какъ таковыя, — κοῦραι Διός. Именно, Ничъ къ ζ 105 понимаетъ подъ Διός — дождевого Зевса, „такъ какъ нимфы, собственно, суть всѣ духи источниковъ, которые, увеличиваясь отъ дождя, вмѣстѣ съ ними освѣжаютъ и даютъ жизнь и деревьямъ, и лугамъ, и дичи, и стадамъ.“

Что касается ихъ положенія въ остальномъ, то онѣ принадлежатъ къ совѣту боговъ Υ 8, и имѣютъ культъ. Одиссей принесъ имъ въ жертву τεληέσσας ἐκατόμβας ν 350, ρ 240 и молится имъ ν 355, также и Евмей ρ 240, который, какъ пастухъ, особенно нуждаясь въ ихъ помощи, ξ 435 не замедлилъ принести жертву при обѣдѣ имъ вмѣстѣ съ Гермесомъ. Часто посѣщаемый алтарь ихъ стоитъ надъ источникомъ, изъ котораго граждане Итаки черпаютъ воду ρ 210. Какъ ἀγρονόμοι, онѣ нерѣдко брачутся съ пастухами, E 444, Z 21; ср. Hymn. Ven. 288; но также и съ другими Υ 384.

§ 70.

13. Изъ естественныхъ божествъ намъ остается упомянуть о вѣтрахъ, изъ которыхъ Гомеръ знаетъ только Борей, Зефиръ, Нота и Евра. И они

также выступаютъ въ Иліадѣ, какъ цѣльныя личности, обитаютъ самостоятельно; по крайней мѣрѣ, Зефиръ и Борей во Фракіи Ψ 229 [ср. Völcker *Nom. Geogr.* стр. 78]; въ домѣ Зефира они устраиваютъ пиръ, *ib.* 200. Въ образѣ жеребца Борей рождаетъ съ кобылицами Эрихтонія двѣнадцать жеребятъ, которые обладаютъ быстротою своего отца Υ 223. Хотя они Υ нач. не призываются къ собранію боговъ, они имѣютъ, однако, собственный культъ Ψ 195, 209. Особую категорію составляютъ изъ нихъ злые, бурные вѣтры⁶³), уносящіе даже людей, "Αρπυιαί, которыя у Гомера считаются только ἄελλαι или θύελλαι, а никакъ не отвратительными птицами, какъ въ позднѣйшихъ сказаніяхъ, и только у Гезіода *Theog.* 269 онѣ получаютъ крылья, ср. Völcker стр. 85. Съ этимъ трудно согласимо сказаніе (χ нач.) объ Эолѣ, который поставленъ Зевсомъ стражемъ вѣтровъ, *ταμίης ἀνέμων*⁶⁴). Особенное значеніе вѣтровъ въ приключеніяхъ Одиссея, о чемъ мы говорили выше, не позволяетъ считать вѣтровъ въ Одиссеѣ самостоятельными личностями. Поэтъ пользуется полнымъ правомъ представлять элементныя силы природы, то какъ таковыя, то въ образѣ божествъ; и изъ этой перемѣны мы можемъ заключить лишь новое подтвержденіе той, вытекающей изъ всего нашего разсужденія, истины, что если поэтъ представляетъ естественныя божества, какъ стихіи природы, то это не исключаетъ возможности представить ихъ въ другомъ случаѣ въ видѣ божественныхъ личностей; ср. Nitzsch III, стр. 93.

§ 71.

14. Человѣкъ долженъ имѣть связь съ своимъ богомъ; какъ конкретная личность, онъ не можетъ имѣть ея съ какимъ то абстрактомъ; его религиозное чувство требуетъ опредѣленной, конкретной формы бога; онъ долженъ быть абсолютнымъ. Поэтому религиозное чувство прежде всего связываетъ внѣшнимъ образомъ опредѣленность и абсолютную абстрактность; оно возводитъ первое на второе. Эта внѣшняя связь и есть основная ошибка всякой естественной религіи; поэтому послѣдняя и не можетъ освободиться отъ собственнаго (внутренняго) противорѣчія; затѣмъ одно звено — отдѣльность — просто выбрасывается, и такъ возникаетъ естественный генотеизмъ, такъ какъ собственная задача, состоящая въ томъ, чтобы одно раскрыть не на ряду, а въ другомъ, понять абсолютную абстрактность въ личности, — можетъ быть разрѣшена только духовной религіей; только отдѣльная личность можетъ имѣть совершенное достоинство истинной абстрактности. Отсюда прежде всего происходитъ колебаніе между стихіей природы и божественной личностью — слабая попытка возвыситься до духовной религіи.

Тѣмъ не менѣе, во первыхъ, можетъ случиться, что божество разсматривается отчасти освобожденнымъ отъ своего элемента, и такимъ образомъ при стремленіи къ одухотворенію на остатокъ естественной субстанціи падаетъ духовный рефлексъ (*Asmus ig. R. I* 198). Иначе какъ могъ бы Геліосъ μ 383 угрожать, что онъ снизойдетъ въ царство Ада и будетъ свѣтить мертвымъ, или какъ могъ бы солнечный восходъ быть пред-

ставленъ въ такомъ видѣ, что Эось отправляется на Олимпъ возвѣстить Зевсу появленіе свѣта, В 48? Ср. Ф 226: „въ часъ, какъ утро землѣ возвѣстить свѣтоносецъ выходитъ.“ Жилища и хороводныя мѣста Эось находятся по ρ 3 на западѣ, а Зефиръ, западный вѣтеръ, имѣетъ свое жилище къ сѣверу, во Фракіи. Богъ сна усыпилъ Зевса [Э 259 *νήδυμος ἀφειχόμενος* „царя окружилъ дремотою сладкой“ (собств. разлился надъ нимъ), какъ это сказано ib. 253 также и при другомъ случаѣ]; онъ удаляется, чтобы возвѣстить Посидону удачу хитраго плана ib. 354; тѣмъ не менѣе Зевсъ спитъ еще долгое время. Рѣчной богъ Схеріи, который ε 449 въ словахъ „мнѣ твой потокъ и колѣна объявшему“ страннымъ образомъ отождествляется, какъ личность, съ самою рѣкою, спасаетъ Одиссея ib. 453 ἐς ποταμὸν προχέας (устье), такъ что онъ, съ другой стороны, отдѣляется отъ своей рѣки.

На ряду съ этимъ, во вторыхъ, часто боги ставятся на мѣсто предметовъ или явленій природы, которые они представляютъ, — что составляетъ признакъ первой ступени одухотворенія⁶⁵). Ср. N 837: „крикъ ихъ взаимный дошелъ до Эѳира и свѣтовъ Зевса“; P 210 „и вступилъ ему въ сердце бурный воинственный Арей“; E 289 „кровью своею насытитъ несытаго бранью Арея“; Ф 112 „когда врагъ мой съ Ареемъ мой духъ мнѣ исторгнетъ“; В 426 „но утробы пронзивъ надъ пылавшимъ Гефестомъ вращали“ (иначе I 468 „многія свиньи, блестящія тукомъ, по двору были простерты, на яркій Гефестъ обжигаться“); T 119 „Гера въ срокъ удержала роды, удаливши великія боли“. Но изъ вышеприведенныхъ мѣстъ тѣмъ не менѣе можно заключить, что естественный богъ лично можетъ разсматриваться, какъ *græus* заступаемаго имъ предмета. Schoem. Opusc. II стр. 56.

2. Аллегорическія божества.

§ 72.

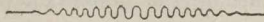
15. Въ третьихъ, сказывается уже высшая ступень олицетворенія душевныхъ, нравственныхъ и, вообще, духовныхъ состояній, напр., Ἔρις, Φόβος и др.⁶⁶). Эти суть результатъ того, что они обозначаютъ; божество не существуетъ, или есть только предметъ, который оно представляетъ, абстрактное понятіе предмета.

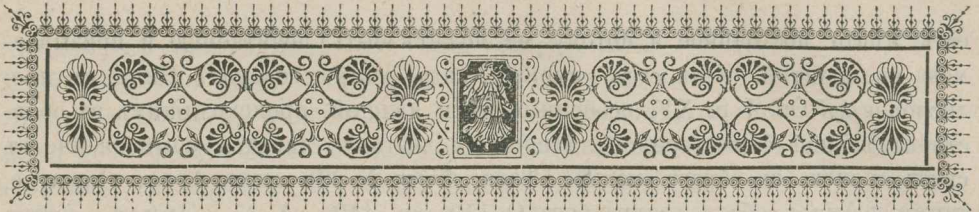
Поэтому такія существа никогда не развиваются у поэта до полныхъ личностей, они не принадлежатъ къ собранію боговъ и у Гомера еще не имѣютъ никакого культа. Ибо, хотя создающая ихъ фантазія ставитъ ихъ на одной ступени съ естественными божествами, насколько въ лицѣ сихъ послѣднихъ отрицается совершенная естественность воспринимаемыхъ внѣшними чувствами существъ, а въ лицѣ первыхъ совершенная естественность явленій, которыхъ слѣдовало бы назвать демоническими, — однако естественныя божества всегда находятся на своемъ мѣстѣ и, слѣдовательно, божественность пребываетъ всегда и доступна для почитанія и молитвы и, въ силу этихъ свойствъ, приближается къ дѣйствительной личности; а эти, напротивъ, возникаютъ и исчезаютъ, и, слѣдовательно, ихъ божественность не

есть нѣчто постоянное и потому не можетъ быть почитаемою и призываемою въ молитвѣ. Они суть, именно, какъ мѣтко говоритъ Ничъ въ предисловіи къ Od. I р. XV, особенные духи явленій, происходящихъ въ области отдѣльной божественной личности, и поэтому ставятся обыкновенно въ связь съ нею по образу людей. Такъ Φόβος N 299 сынъ Арея; вѣроятно, также и Δείμος, оба — слуги бога O 119; ср. 440. Δ 37. Эрида, сестра и подруга Арея, въ началѣ маленькая, потомъ упирается въ небо головою, стоя на землѣ (Δ 440); когда начинается новый бой Δ 1 сл., Зевсъ посылаетъ ее къ кораблямъ ахейнъ; она держитъ въ рукѣ символъ войны, τέρας πολέμοιο, въ которомъ Götting [Hermes стр. 261 и къ Sc. Herc. 339] находитъ эгиду; ибо эта имѣетъ голову Горгоны Διὸς τέρας αἰγιόχοιο E 742. Она одна остается въ сраженіи, что воспрещено всеѣмъ другимъ богамъ (ib. 73). Странное существо есть Эніо, Ἐνωώ, которая E 333 какъ πτολίπορθος сопоставляется съ воинственною Аѳиною и съ Ареемъ (ib. 592). По Götting'у, она соотвѣтствуетъ Марсу съ женской стороны, по Ничу II, стр. 64 — шумящая война, въ пользу чего говоритъ, повидимому, прилагательное ἐνοάλιος, какъ предикать Арея. E 592 ее сопровождаетъ Κουδοιμός, т. е. шумъ битвы⁶⁷); ср. Z 535 ἐν δ' Ἔρις, ἐν δὲ Κουδοιμός ὀμίλειον. Далѣе, Гомеръ называетъ еще Ἀλκή и Ἴωκή E 740. — Φόζα I 2 не есть персонификація; см. Dissen, kleine Schriften, стр. 353.

Изъ невоинственныхъ существъ аллегорическаго характера появляется еще Ἄττη, о сущности которой можно говорить только въ отдѣлѣ объ ослѣпленіи и грѣхѣ. T 91 она называлась πρέσβα Διὸς θυγάτηρ; но когда она обманула и Зевса, онъ свергъ ее съ неба. Ей противостоятъ I 502 также какъ Διὸς κοῦραι μεγάλοιο, — λιταί, просьбы, которыя исправляютъ все то, въ чемъ провинилась Ата, поспѣшное ослѣпленіе; о нихъ рѣчь будетъ въ связи съ Атой. — Ὅσσα B 94 [ср. ω 413], называемая Διὸς ἄγγελος, демоническая сила, распространяющаяся sine auctore слуха (ср. Lange, vermischte Schrift. стр. 235; Ничъ I, стр. 51), едва ли можетъ быть названа персонификаціей, хотя Гезіодъ говоритъ о φήμη — знаменательномъ словѣ у Гомера — въ „Трудахъ и дняхъ“ 764: θεός νό τις ἐστί καὶ αὐτή. Изслѣдованіе того, какъ развивается и въ послѣдствіи получаетъ собственный культъ подобное обоготвореніе силъ, демонически дѣйствующихъ въ человѣческой жизни, выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи; ср. „Послѣгом. вѣроуч.“ II, 1. О Мэрѣ, Айсѣ, Керѣ, Клогахъ будетъ говорено въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

(Продолженіе будетъ).

H. S. Raydt.

ВЪ АНГЛІЙСКИХЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

[Продолж. См. „Гимназія“, кн. XLII—XL.]

Если хочешь познать себя, обрати внимание на то, какія мѣры принимаютъ другіе для достиженія той же цѣли.

Шиллеръ.

V. Оксфордъ.

Исли въ прошломъ письмѣ, милый другъ, я вмѣнилъ себѣ въ обязанность откровенно высказать тебѣ мое мнѣніе относительно кое-какихъ недостатковъ въ нашихъ высшихъ школахъ, а также предположеніе, что введеніе укрѣпляющихъ юношескихъ игръ уничтожитъ нѣкоторые недостатки, то въ сегодняшнемъ письмѣ я намѣренъ описать національныя англійскія игры на открытомъ воздухѣ и ихъ вліяніе на воспитаніе юношей въ Великобританіи.

Но отчего же я пишу это письмо изъ Оксфорда, англійскаго университетскаго города? А оттого, что студенческая жизнь является первѣйшею эпохою, гдѣ проявляются послѣдствія того основанія, которое было положено въ школѣ; оттого еще, что между университетомъ и гимназіею существуетъ такое внутреннее взаимодействіе, что невозможно составить себѣ точное понятіе объ одномъ безъ помощи другого. Поэтому, въ концѣ письма хочу подѣлиться съ тобою нѣкоторыми взглядами на англійскую и германскую университетскую жизнь, проведя между тою и другою сравнительную параллель, насколько это возможно, при невѣроятномъ различіи, существующемъ между ними.

Игры въ англійскихъ высшихъ школахъ распадаются на три группы, сообразно съ тремя третями, на которыя, по обыкновенію, дѣлится тамошній учебный годъ.

Въ лѣтней трети, продолжающейся приблизительно отъ начала мая до конца іюля, преобладаетъ „Cricket“. Пока я жилъ на британской почвѣ, мнѣ почти ежедневно приходилось быть свидѣтелемъ этой игры, въ ко-

торой принимали участіе не только воспитанники, но и люди самыхъ различныхъ сословій; и я долженъ сознаться, что, чѣмъ больше я вникалъ въ тонкости этой удивительно разнообразной игры, тѣмъ въ бѣльшей степени я находилъ ее привлекательной и притягательной. Такъ какъ „Cricket“ у насъ мало извѣстенъ (его очень часто смѣшиваютъ у насъ, совершенно ошибочно, съ „крикетомъ“, въ который подростки лѣтомъ очень много играютъ въ Германіи), то я хочу описать эту англійскую національную игру. Скажу прежде всего, что въ крикетъ играетъ, исключительно, одинъ только мужескій полъ, и только лѣтомъ, на обширныхъ площадкахъ, покрытыхъ ровнымъ дерномъ.

Англійская игра въ лапу (т. к. лапта наиболѣе подходитъ къ крикету) имѣетъ то сходство съ германскою лаптою, что деревянными отбойниками бьютъ по маленькимъ твердымъ мячикамъ, и что двѣ партіи играютъ другъ противъ друга, причемъ одна, называемая „in“ по здѣшнему, соотвѣтствуетъ въ нашей лаптѣ той, которая охраняетъ крѣпость и отбиваетъ мячъ, въ то время, какъ другая „out side“, нападающая на „in side“, бросаетъ мячъ. У насъ мячи изготовляютъ, бѣльшею частью, довольно небрежно, между тѣмъ какъ здѣсь производство ихъ сопряжено съ величайшимъ тщаніемъ, и очень часто одинъ мячъ стѣитъ 10 марокъ и болѣе. При изготовленіи этихъ мячей, главнымъ образомъ, добиваются того, чтобы они были крѣпко намотаны, что достигается послѣ весьма длинныхъ процедуръ со шнуркомъ для наматыванія; его приходится нѣсколько разъ то намачивать, то опять сушить. Въ концѣ концовъ эти мячи обтягиваютъ кожей; они должны быть очень крѣпки, совершенно гладки и круглы. Хорошій крикетный мячъ можетъ прослужить нѣсколько лѣтъ, даже если лѣтомъ ежедневно гонять его по равнинамъ, ударяя по немъ тяжелыми деревянными отбойниками. Этотъ отбойникъ называется „bat“, очень похожъ на нижній, широкій конецъ весла, только онъ толще и уже; рука, длиною, приблизительно, въ полтора фута, бываетъ намотана, преимущественно, пряжею, натертою масломъ, для того, чтобы можно было вѣрно рассчитать ручной ударъ. Каждая партія, при правильномъ „double-wicket-match“, состоитъ изъ 11 человекъ.

Самое существенное различіе между крикетомъ и лаптою состоитъ въ томъ, что удары нападающей партіи бьютъ не на самихъ играющихъ, а въ опредѣленную цѣль — „wicket“. При обыкновенномъ двойномъ крикетѣ бьютъ два межевые столба, и на каждый столбъ ставятъ цѣль. Столбы эти отстоятъ другъ отъ друга на 22 ярда. Теперь обыкновенно такую „цѣль“ служатъ двѣ палки, приблизительно въ три фута вышины, и втыкаемыя въ землю одна возлѣ другой. Палки называются „stumps“. Прежде, по д-ру Гоппе (англо-нѣмецкій дополнительный словарь), употребляли двѣ такія палки, каждая въ 22 дюйма вышины, на разстояніи 6 дюйм. другъ отъ друга; теперь употребляютъ три палки и вся ширина „wicket'a“ = 7 дюймамъ. Третью палку присоединяютъ для того, чтобы она мѣшала прохожденію мяча между двумя „stumps“. Эта средняя палка называется

„middle-stump“; палка, находящаяся на лѣво отъ нападенія называется „leg-stump“, находящаяся на право отъ него — „off-stump“. Вообще, словомъ „leg“ обозначаютъ все то, что находится на лѣвой сторонѣ, словомъ „off“ — все, что на правой.

Оба наружные „stumps“ соединены съ „middle-stump“ неплотно прилегающей къ нимъ сверху деревянной перекладиной, называемой „bail“. Одна перекладина, опять-таки, называется „leg bail“, другая „off bail“. Если мячъ сильно ударится объ „wicket“, то очень часто всѣ ворота распадаются, такъ какъ эти „stumps“ бывають воткнуты въ землю тоже очень свободно, какъ, напр., говорится въ „school-days“ Томаса Броуна: „его деревяшки разлетаются въ разныя стороны.“ Всѣ эти выраженія нужно знать въ точности тому, кто хочетъ постигнуть тонкости въ крикетѣ или кто хочетъ побесѣдовать о правилахъ искусства съ ревностнымъ приверженцемъ крикетной игры. Англійскіе писатели, изображая крикетъ, предполагаютъ также эти техническія выраженія, а равно и всю игру, всѣмъ извѣстными.

Вся игра вертится на томъ, что нападающая партія стремится разорить „wicket“ бросаемыми мячами, между тѣмъ, какъ другая партія защищаетъ его, стараясь деревянными отбойниками отбрасывать мячъ какъ можно дальше. Изъ числа защитниковъ только двое должны дѣйствовать одновременно, между тѣмъ какъ всѣ 11 нападающихъ должны все время быть въ дѣйствиіи. Защитники стоятъ со своими „bats“ довольно близко отъ „wickets“; они называются „batsmen“, или сокращенно „bats“; такъ, напр., объ „excellent bat“ говорятъ, какъ о прекрасномъ защитникѣ. Каждый изъ двухъ batsmen остается въ дѣйствиіи до тѣхъ поръ, пока не разорятъ защищаемаго ими „wicket’a“, или-же пока кто нибудь изъ враждебной партіи не поймаетъ на воздухѣ удареннаго имъ мяча. Тогда его замѣняетъ новый членъ изъ его партіи, онъ же становится „out“, согласно техническому выраженію. Такимъ образомъ продолжается до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ двухъ послѣднихъ защитниковъ выйдетъ „out“; тогда другой защитникъ самъ долженъ отказаться отъ игры, такъ какъ для одного „wicket’a“ не хватаетъ защитника. Въ такомъ случаѣ, нападающая партія должна скинуть 10 въ пользу враждебной партіи, или же она „out“; тогда окончень первый фазисъ игры, и партіи мѣняются, т. е. нападающая становится на мѣсто защищающей, и наоборотъ.

Въ нашу лапу, какъ только мячъ попадетъ въ защитника или пойманъ имъ внѣ межевого столба, тотчасъ внѣшняя партія занимаетъ крѣпость; здѣсь-же часто проходитъ долгое время, пока произойдетъ такая перемѣна; большій или меньшій промежутокъ времени зависитъ въ этомъ случаѣ, разумѣется, отъ соотвѣтственной ловкости нападающихъ и защитниковъ. Такое прекращеніе игры называется „innings.“

Ходъ игры, приблизительно такой: нѣсколько позади отъ одного „wicket’a“ стоитъ членъ нападающей партіи, на которомъ лежитъ обязанность бросать

мячъ въ противостоящій „wicket“, съ цѣлью раззорить его, что, однако, удается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, если „batsman“ внимательно слѣдитъ за игрой. Въ случаѣ же удачи, этотъ „batsman“ сейчасъ же былъ бы „out.“ Игрокъ, предназначенный для бросанія, называется „bowler“; его должность не легкая. Для того, чтобы бросить мячъ, слѣдуетъ сдѣлать особое движеніе руки сверху внизъ; мячъ нужно бросить въ землю, приблизительно въ разстояніи 5 ярдовъ отъ „wicket'a“, такъ чтобы онъ, отскочивъ отъ земли, попалъ прямо въ „wicket.“ При этомъ дѣлають короткій разбѣгъ, чтобы придать удару больше энергіи и силы; но „bowler“ долженъ обратить вниманіе на то, чтобы не выйти за линію, проводимую въ длину отъ „wicket'a“ и называемую „crease.“ Я часто удивлялся размаху, получаемому мячемъ при этомъ своеобразномъ ударѣ; пытался и самъ ударять такимъ образомъ, но мнѣ это плохо удавалось. Это дѣло, какъ и вообще вся крикетная игра, требуетъ громаднаго упражненія. Когда мнѣ приходилось видѣть „крикетъ“ въ Германіи, напр. въ Брауншвейгѣ, то тамъ мальчики бросали мячъ не такъ, какъ здѣсь, а такъ, приблизительно, какъ катають шары въ кегли. Но этимъ способомъ мячъ далеко не получаетъ той тяжести и быстроты, какъ при англійскомъ ударѣ. Впрочемъ, медленный ударъ извѣстенъ и въ англійской игрѣ; извѣстна также разница между „slow bowling“ и „fast bowling“, медленнымъ и быстрымъ ударомъ. Но первый находится совершенно внѣ употребленія; къ нему прибѣгаютъ только изрѣдка, какъ къ хитрости, чтобы смутить „batsman'a“.

Вообще, при бросаніи прибѣгаютъ къ различнаго рода уловкамъ, такъ, напр., бросаютъ въ землю мячъ дугообразно, такъ чтобы онъ летѣлъ на „wicket“ подъ совершенно неожиданнымъ угломъ, чтобы обмануть защитника и такимъ образомъ сбросить „wicket“. Вѣроятно, ловкіе „bowlers“ умѣють при этомъ сообщить силу мячамъ, подобно тому, какъ это дѣлается съ билліардными шарами при боковомъ ударѣ кіемъ.

Одна нога „batsman'a“, отъ башмака до колѣна, бываетъ покрыта предохранительною кожею съ набитыми шинами, такъ какъ иначе направленный внизъ мячъ, крѣпкій, какъ камень, могъ бы попасть въ берцовую кость и повлечь за собою непріятныя послѣдствія. Защитникъ становится нѣсколько впереди своего „wicket'a“ и держитъ передъ нимъ „bat“ вертикально. Съ брошеннымъ къ нему мячемъ онъ поступаетъ различнымъ образомъ. Или онъ его парируетъ своимъ „bat“, поставленнымъ противъ „wicket'a“ на маленькой тумбочкѣ (bloch), или онъ просто даетъ ему пролетѣть мимо, или же еще ударяетъ по немъ въ противоположномъ смыслѣ, направляя его далеко черезъ все поле. Первое обозначается глаголомъ „to block“, второе „to miss“, третье „to hit.“ Подъ существительнымъ „hit“ подразумѣваются, собственно, удары въ крикетѣ, называемые „point-hits“, „off-hits“ и „leg-hits“, смотря по какому направленію отбиваютъ мячъ. Каждый знаменитый игрокъ имѣетъ свои излюбленные удары, въ которыхъ онъ особенно силенъ, и, сообразно съ этимъ, получаетъ названіе „leg-hitter“ или „off-hitter“ и т. д. Впрочемъ, какъ только брошенъ мячъ, „bowler“ долженъ громкимъ восклицаніемъ

„play“ обратить вниманіе защитника на приближающійся къ нему мячъ. Дальнѣйшая правильность ударовъ мяча зависитъ главнымъ образомъ отъ защитниковъ. Пока мячъ летитъ, оба „batsman'a“ могутъ добѣжать отъ одной тумбы до другой и обратно, все съ „bat'омъ“ въ рукѣ, и та партія, которая въ теченіе всей игры сдѣлала въ общемъ итогѣ наибольшее число такихъ „runs“ (бѣга), становится побѣдительницей. Сюда входятъ въ счетъ также бѣга, совершенные „batsman'омъ“, если онъ далъ пролетѣть мимо мячу, брошенному „bowler'омъ“, не парируя и не ударяя его. Такіе мячи называются „byeballs.“ Можно также хитростью выиграть такіе „byes“, если „batsman“ уже отбѣжалъ отъ одного „wicket'a“ въ то время, когда брошенъ мячъ (to steal a bye). Но при этомъ „batsman'ы“ должны дѣйствовать очень осторожно, такъ какъ, если какимъ нибудь образомъ мячъ пущенъ враждебной партіей обратно къ „wicket'у“ въ то время, когда тамъ нѣтъ „batsman'a“ и когда „wicket“, слѣдовательно, никѣмъ не защищенъ, то нападающій можетъ разорить „wicket“ своимъ мячемъ, а застигнутый въ распахъ „batsman“ становится „out.“ Защитники, такимъ образомъ, должны наблюдать за тѣмъ, могутъ ли они отважиться еще разъ пуститься въ бѣгъ; но очень часто случается, что, несмотря на громадное упражненіе, они все-же обманываются въ обсужденіи положенія дѣла и дѣйствуютъ черезъ чуръ смѣло, такъ какъ нападающая партія ударяетъ мячъ обратно къ „wicket'у“ съ изумительною быстротою и удивительною ловкостью. Такіе критическіе моменты способны вызвать возбужденіе даже въ безучастныхъ зрителяхъ этой увлекательной игры.

Каждый бѣгъ „batsman'a“ къ другому „wicket'у“ отмѣчается „scorers“ (маркерами) штрихомъ на доскѣ („scoring-table“). Эти очки называются въ крикетѣ „notches“, въ буквальномъ переводѣ надрѣзы или зарубки; вѣроятно, эти знаки дѣлали сперва на биркѣ. Если мячъ летитъ не настолько далеко, чтобы бѣгъ казался успѣшнымъ, то „batsman'ы“ остаются просто у своихъ столбовъ, и мячъ летитъ обратно къ „bowler'у“ для новаго удара. Если „batsman'ы“ не могутъ вернуться къ своему первоначальному столбу, то это не бѣда; они тогда остаются защищать другой „wicket“. По большей части, на игровой площадкѣ бываетъ проведена опредѣленная граница. Если мячъ перелетитъ черезъ границу, то защищающей партіи приписываютъ извѣстное число хорошихъ бѣговъ, хотя она, въ дѣйствительности, ихъ и не дѣлала. Количество успѣшныхъ бѣговъ зависитъ главнымъ образомъ, разумѣется, отъ удара, а также отъ ловкости враждебной партіи. Если ударъ такъ хорошъ, что можно сдѣлать одинъ, два, три и т. д. бѣга, то онъ называется „a single“, „a twer“, „a threecer“, и т. д. При этихъ бѣгахъ „batsman“ считается уже дома (въ крѣпости, при нашей лантѣ), когда онъ можетъ попасть своимъ bat въ предѣлы пограничной линіи, проводимой приблизительно въ 4 футахъ (точно 3 ф. 10 дюйм.) разстоянія отъ его „wicket'a.“ Эта пограничная линія носитъ то же названіе, какъ и другая, уже упомянутая „crease“, или въ прежнее время „rop-ring-crease.“ Обыкновенно защитникъ долженъ стоять между этой чертой и своимъ „wicket'омъ“ („within his ground“); онъ считается уже „at home“ раньше, нежели достигаетъ его въ дѣйствительности, только при перебѣгѣ отъ од-

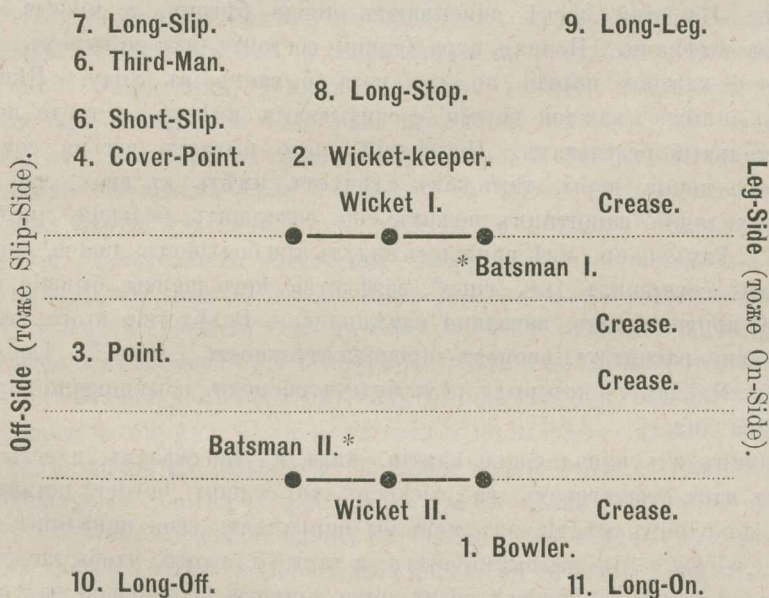
ного „wicket'a“ къ другому („crossing“ служить техническимъ выраженіемъ). Въ этомъ случаѣ легко могутъ возникать споры, такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, довольно трудно совсѣмъ точно опредѣлить мѣсто, гдѣ находился защитникъ въ тотъ моментъ, когда разоренъ былъ „wicket“. Вслѣдствіе этого передъ игрой выбираютъ двухъ безпристрастныхъ свидѣтелей („umpires“), становящихся позади каждаго „wicket'a“; никто не въ правѣ возражать противъ ихъ приговора. Оба безпристрастные свидѣтели разставляютъ по мѣстамъ все, что требуется, опредѣляютъ точныя мѣста для „wickets“, проводятъ „creases“ и тому подобное. Въ концѣ игры они объявляютъ результатъ, который однако уже извѣстенъ всѣмъ участникамъ, слѣдящимъ во все время игры съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за ея шансами.

Въ большинствѣ случаевъ, а при большихъ „Matches“ всегда, безъ исключенія, передъ трибуной виситъ доска, видимая на далекомъ разстояніи. На этой доскѣ вписываютъ число бѣговъ, а иногда обозначаютъ ихъ цифрами. Полная игра (game) состоитъ изъ четырехъ „innings“, такъ что каждая партія по два раза бываетъ въ ходу. Бѣги „runs“ обоихъ „innings“ каждой партіи сосчитываютъ вмѣстѣ, и тогда получается окончательный результатъ. Послѣдній часто бываетъ весьма сомнителенъ до самаго конца игры, такъ какъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что изъ ряда вонъ выходящей защитникъ можетъ еще совершить большое число бѣговъ („runs“). Разъ, напр., мнѣ пришлось видѣть при большомъ „match“, какъ одинъ „batsman“ совершилъ 168 „runs“, вслѣдствіе чего шансы, бывшіе до того на сторонѣ противниковъ, внезапно измѣнились. Вслѣдствіе этого, разумѣется, невозможно рассчитать впередъ продолжительность „game.“ Для большихъ „Monstre-Matches“, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, обыкновенно, назначаютъ сразу два дня.

Одинъ изъ нападающей партіи, какъ я уже сказалъ, и есть „bowler“. Но такъ какъ существуетъ два „wicket'a“, то, еслибы „bowler“ оставался неизмѣнно на одномъ мѣстѣ, онъ могъ бы направлять свои нападенія только на одинъ „wicket“. Во избѣжаніе этого, а также для того, чтобы внести въ игру больше оживленія, „bowler“ послѣ пяти ударовъ по большей части мѣняетъ мѣсто и, переходя къ другому „wicket'у“, направляетъ свои удары на первый. При этомъ кричатъ „over“, и всѣ игроки нападающей партіи, ради соответствія съ „bowler'омъ“, мѣняютъ мѣста. По большей части и „bowler“ мѣняется при этомъ, такъ что послѣ каждыхъ пяти ударовъ является на очереди новый метатель ударовъ: прежній „bowler“ становится назади поля, а остальные 10 „fielders“, изъ числа которыхъ одинъ сдѣлался новымъ „bowler'омъ“, соответственно этому, подвигаются впередъ. Благодаря этому, въ теченіе всей игры игроки безпрестанно измѣняютъ свое положеніе, что придаетъ самой игрѣ больше разнообразія. Каждые пять ударовъ (въ отдѣльныхъ партіяхъ мнѣ случалось видѣть эту перемѣну послѣ четырехъ ударовъ, въ другихъ послѣ шести) составляютъ, слѣдовательно, какъ бы маленькое отдѣленіе игры, означаемое словомъ „over“; такъ, напр., говорятъ про первый „over“, про второй „over“ и т. д.

Изъ предыдущаго само собою вытекаетъ, что 10 fielders нападающей партіи имѣютъ свои опредѣленные мѣста, и именно въ тѣхъ пунктахъ, куда всего вѣроятнѣе долженъ летѣть мячъ. Смотри по мѣстамъ, члены этой партіи носятъ особыя названія, а именно: „Wicket-keeper“, „Point“, „Cover-Point“, „Short-Slip“, „Third-Man“, „Long-Slip“, „Long-Stop“, „Long-Leg“, „Long-Off“ и „Long-On“. Эти названія соотвѣтствуютъ, разумѣется, самой игрѣ, а также и дѣятельности, вмѣняемой въ обязанность отдѣльнымъ мѣстамъ; напр., Long-Stop долженъ задерживать bye-balls, если они пролетѣли мимо Wicket-keeper'a и т. д. Большая часть названій становится понятна сама собою тому, кто нѣсколько уяснилъ себѣ смыслъ игры.

Помощью слѣдующаго плана, взятаго мною изъ дополнительнаго словаря Гоппе, положеніе отдѣльныхъ лицъ, какъ и порядокъ всей игры, становится яснѣе, нежели помощью одного только описанія. Если bowler (1) бро-

силъ мячъ къ batsman'у, (1) и послѣдній пустилъ его летѣть, то тотъ fielder, къ которому мячъ придетъ ближе всего послѣ batsman'a, старается его поймать на воздухѣ, т. е. batsman въ такомъ случаѣ, какъ уже было сказано раньше, становится „out“. При этомъ становится подчасъ изумительнымъ, съ какою невѣроятною неустрашимостью ловятъ этотъ мячъ, твердый, какъ камень, пущенный съ гигантскою силою. Руки привыкаютъ къ этому, послѣ продолжительнаго упражненія, хотя, тѣмъ не менѣе, это дѣло часто не обходится безъ значительной боли; мальчики часто долго трутъ себѣ руки, но выпускаютъ мячъ лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ; разъ только они могутъ его поймать, какъ бы руки у нихъ ни чесались. Выронить изъ рукъ разъ пойманный мячъ считается съ самаго начала заслуживающимъ презрѣнія, и если это случится, то виновника называютъ въ насмѣшку „butter fingers“, и долго послѣ того товарищи не перестаютъ издѣваться надъ его

нѣжными руками. Сразу поймать мячъ удается лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ большею частью мячъ пускаютъ очень низко надъ землей; кромѣ того „batsman“ стремится направить его въ такое мѣсто площадки, гдѣ не стоитъ никто изъ враждебной партіи. При употребительномъ теперь „fast bowling“ почти никогда не отсылаютъ мяча въ томъ же направленіи, откуда онъ пущенъ, но его посылаютъ въ другія стороны. Вслѣдствіе сего въ этомъ направленіи становятся только два fielders, какъ это видно изъ плана, между тѣмъ, какъ всѣ остальные 8 fielders располагаются на сторонѣ „wicket'a“, подвергаемаго нападенію. При прежде употребительномъ „slow bowling“ разстановка „fielders“ должна была быть совсѣмъ другая. Если „fielders'амъ“ не удалось поймать мяча, то они стремятся, какъ можно скорѣе, задержать его и направить обратно на „wicket“, чтобы „batsmans“ не успѣли совершить „runs“; удивительная ловкость и быстрота, проявлявшіяся при этомъ, часто сильно меня поражали.

Для каждаго, обращающаго вниманіе и понимающаго смыслъ тѣлесныхъ упражненій, является чрезвычайно интереснымъ наблюдать въ этомъ случаѣ за англійскою молодежью. Если бросить поверхностный взглядъ на „fielders“, стоящихъ въ небрежныхъ позахъ, нѣсколько наклонившись впередъ, съ равнодушнымъ и мечтательнымъ выраженіемъ, можно подумать, что они относятся безъ вниманія къ тому, что происходитъ вокругъ нихъ. Но это только такъ кажется; орлинымъ взоромъ слѣдятъ они за мячемъ, не выказывая при томъ ни малѣйшаго возбужденія. Когда же мячъ летитъ, всѣ жилки напряжены у играющихъ, и, если они не могутъ задержать мяча, то со всѣхъ ногъ пускаются къ нему на встрѣчу, чтобы изумительно сильнымъ, быстрымъ и вѣрнымъ ударомъ направить его къ ближайшему товарищу, въ свою очередь отсылающему его дальше съ такою же ловкостью. По большей части, подбрасываютъ мячъ Wicket-keeper'у; если защитникъ еще не вернулся at home съ своего run, то „Wicket-keeper“ бросаетъ мячъ въ wicket, и такимъ образомъ разоряетъ его. Такъ какъ „Wicket-keeper“, занимающій самый важный постъ изъ числа fielders, принужденъ очень много ловить (онъ также долженъ задерживать мячи, брошенные самимъ „bowler'омъ“, которые „batsman“ парировалъ), то онъ надѣваетъ кожаня перчатки; иначе каждый разъ, какъ онъ поймаетъ мячъ голыми руками, это причиняло бы ему сильную боль. Если же, напр., Point, Cover-Point или Short-Slip, поймавъ мячъ, видитъ, что онъ уже не можетъ во время перебросить его „Wicket-keeper'у“, то направляетъ его прямо на незащищенный „wicket“, съ цѣлью разорить его, что во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ меньше шансовъ на успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, иногда случается, что „wicket“ этимъ способомъ приходитъ въ разореніе, или что который нибудь „batsman“ становится „out“. Въ данномъ случаѣ безразлично, который изъ двухъ „wickets“ снесенъ; выбываетъ изъ игры тотъ „batsman“, который стоялъ ближе къ разоренному „wicket'у“. Одинъ защитникъ можетъ стать „out“ вслѣдствіе удара, сдѣланнаго другимъ „batsman'омъ“.

Кромѣ поименованныхъ случаевъ, когда мячъ пойманъ или когда „wic-

ket“ снесенъ мячемъ какимъ бы ни было образомъ, „batsman“ еще становится „out“, если онъ своей ногой заградить „wicket“, если онъ неосторожнымъ движеніемъ самъ уронить „wicket“, прикоснувшись къ нему какою нибудь частью своего тѣла, или же, если онъ тронетъ мячъ руками. „Batsman“ долженъ, слѣдовательно, во многихъ отношеніяхъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы не сдѣлать ошибки. Главное вниманіе онъ долженъ обратить, конечно, на мячъ, чтобы разсудить, во время его полета, долженъ ли онъ его ударить „bat’омъ“, направивъ его дальше, долженъ ли онъ его пропустить мимо или же просто парировать. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Мёгглетоніеръ Поддеръ въ „Пиквикіерахъ“: „Сомнительные мячи онъ задерживалъ, дурные — пропускалъ мимо, хорошіе ударялъ и отсылалъ ихъ во всѣ стороны поля.“ Для того, чтобы быть хорошимъ защитникомъ, нуженъ, прежде всего, проницательный взглядъ, хладнокровіе, быстрая сообразительность и долгое упражненіе. Английскіе мальчики предаются этимъ упражненіямъ съ поразительною настойчивостью и удивительною энергіей. Лѣтомъ въ школахъ всѣ воспитанники, отъ самыхъ младшихъ до самыхъ старшихъ, ежедневно нѣсколько часовъ посвящаютъ крикету. Маленькіе занимаются отчасти предварительными упражненіями, состоящими въ удареніи и бросаніи; во и они тоже имѣютъ свои правильныя „matches“, въ сообществѣ ли своихъ же младшихъ воспитанниковъ, или же учениковъ другихъ заведеній. При приготовительныхъ упражненіяхъ позади защитники раскидываютъ сѣтку, для того, чтобы мячъ не могъ улетѣть слишкомъ далеко, въ случаѣ промаха. Молодой англичанинъ не перестаетъ упражняться такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ ступени болѣе или менѣе хорошаго игрока, смотря по способностямъ. Для меня представляло особенный интересъ наблюдать за маленькими. Они вовсе не теряютъ бодрости послѣ первыхъ неудачъ, но продолжаютъ упражняться съ чисто английскою настойчивостью, вошедшею въ поговорку, до тѣхъ поръ, пока достигнутъ возможно большаго навыка и искусства. Я думаю, каждый пойметъ, что въ этомъ заключается также значительная доля пользы въ воспитательномъ отношеніи; впрочемъ, объ этомъ послѣ.

Самый опытный, осмотрительный и лучшій игрокъ выбирается обыкновенно своей партіей въ „Captain“ (капитанъ); это почитается за великую честь, налагающую во всѣхъ отношеніяхъ большую отвѣтственность. Каждый долженъ во всемъ безусловно повиноваться его приказаніямъ во все время игры. Если партія, въ которой онъ глава, становится „out“, то онъ указываетъ мѣста отдѣльнымъ „fielders’амъ“, если же его партія занимаетъ крѣпость, то онъ назначаетъ порядокъ защитниковъ. Результатъ игры во многомъ зависитъ отъ него и отъ его благоразумной дѣятельности. Онъ имѣетъ большой авторитетъ и можетъ во время игры дѣлать выговоры, которыхъ молодые люди не стали бы выслушивать отъ своихъ сверстниковъ. Но разъ они подчиняются добровольно, какъ это бываетъ здѣсь во время игры, они уже образцовымъ образомъ выполняютъ всѣ требованія и слушаются безпрекословно, какъ идеально выученный солдатъ своего унтеръ-

офицера, не смотря на то, что всё такого рода вещи совершенно противны натурѣ молодыхъ англичанъ.

Часто упрекають крикетъ въ томъ, что онъ опасенъ, и, дѣйствительно, можно привести кое-какіе незначительные несчастные случаи, происходившіе изрѣдка вслѣдствіе твердости мяча и той силы, съ которою по немъ ударяють и его бросаютъ. Однако, на практикѣ такіе случаи очень рѣдки и ничтожны, да и едва ли они могутъ случаться съ внимательными и до нѣкоторой степени привычными игроками. Разумѣется, еслибы мячъ, ударяемый „batsman'омъ“ изъ всѣхъ силъ, попалъ кому нибудь въ голову, то могло бы произойти величайше несчастіе. Но нужно все время быть внимательнымъ и ни на секунду не упускать мяча изъ виду. Мечтатели для крикета не годятся; они, дѣйствительно, легко могли бы нажить себѣ бѣду. Впрочемъ, какъ уже разъ было сказано, на нѣкоторыхъ постахъ прибѣгаютъ къ предохранительнымъ средствамъ, какъ то: кожа на берцовой кости, кожаные перчатки и такъ называемыя „pads“, т. е. подушки, которыми игроки повязываютъ себѣ колѣни, чтобы предохранить отъ поврежденія надколѣнную чашку.

Обширная, хорошо содержанная площадка, нѣкоторая дороговизна аппаратовъ и большое количество времени, требующееся для продолжительныхъ упражненій, чтобы сдѣлаться сколько нибудь хорошимъ игрокомъ въ крикетъ, служатъ препятствіями, мѣшающими введенію крикета въ Германіи. Но если игра дѣйствуетъ на мальчика притягательно, то онъ не останется дурнымъ игрокомъ, но доведетъ свою игру до извѣстной степени совершенства. Разъ достигнута юношами нѣкоторая ловкость, игра становится для нихъ въ высшей степени привлекательной. Въ Германіи и представить себѣ нельзя, въ какой степени эта игра сдѣлалась преобладающею въ средѣ лѣтнихъ національныхъ игръ англичанъ, и какое громадное значеніе она приобрѣла въ Великобританіи и въ ея колоніяхъ. Хорошо играть въ крикетъ считается тамъ важнымъ преимуществомъ, доставляющимъ честь и славу и имѣющимъ большое значеніе. Впрочемъ, крикетъ сталъ преобладающею англійскою національною игрою только въ нынѣшнемъ столѣтіи; дальнѣйшему распространенію его способствовалъ Лондонскій Marlbone-Cricketclub, основанный въ 1787 году и пользующійся общепризнаннымъ авторитетомъ во всѣхъ дѣлахъ крикета.

Съ нѣкотораго времени стали лѣтомъ въ британскихъ школахъ, на ряду съ крикетомъ, упражняться въ „Lawn Tennis“ — совершенно новая, современная игра. Какъ мнѣ рассказывали, она изобрѣтена или, по крайней мѣрѣ, введена англійскимъ маіоромъ Вингфильдомъ. Сперва она называлась sphairistike. Претерпѣвъ незначительное измѣненіе, она получила свое теперешнее названіе, состоящее изъ „lawn“ (свободное мѣсто, вырубленное пространство) и „tennis“ (игра въ воланы). Вышеупомянутый Marlbone-Cricket-Club занялся новою игрою и установилъ для нея правила. Позже образовался „All England Lawn Tennis Club“, много способствовавшій распространенію интересной игры. Въ новѣйшее время, какъ я слышалъ, всё

англійскіе „Lawn-Tennis-Club“ соединились въ одно большое общество „The Lawn Tennis Association“, служащее теперь высшею инстанціею во всѣхъ обстоятельствахъ, относящихся къ „Lawn Tennis.“ Несмотря на свое короткое существованіе, „Lawn Tennis“ приобрѣлъ уже значительное распространеніе. Въ „Lawn Tennis“ играютъ во всей Англии, Шотландіи и Ирландіи, въ сѣверной Америкѣ, въ Австраліи, въ Индіи, въ Капландіи и, вообще, во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ.

И дѣйствительно, это тонкая игра. „Lawn Tennis“ имѣетъ нѣкоторое сходство съ игрой въ воланы.

Палки, которыми въ „Lawn Tennis“ ударяютъ по легкимъ резиновымъ мячамъ умѣренной величины, точно такія, какъ тѣ, которыя употребляютъ въ игрѣ въ воланы, только нѣсколько плотнѣе и толще. Плетенка, наполняющая переднюю часть „racket“ (ракеты или отбойника), въ хорошихъ аппаратахъ готовится изъ кошачьихъ сухожилій, отличающихся чрезвычайною эластичностью и прочностью. Въ срединѣ поля, предназначеннаго для „Lawn Tennis“, разставляютъ сѣть, черезъ которую обѣ партіи, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ двухъ или одного игрока, перебрасываютъ мячъ то на ту, то на другую сторону. Для „Lawn Tennis“ требуется не очень большое поле; такія площадки составляютъ принадлежность большинства англійскихъ дачъ и лѣтнихъ помѣщеній. Суть игры заключается въ томъ, что одна партія должна стараться такъ перекинуть мячъ черезъ сѣть въ сторону, чтобы онъ упалъ на землю. Для того, чтобы постоянно ловить мячъ, летающій то туда, то сюда черезъ сѣтку съ величайшею быстротою, нуженъ проницательный и привычный глазъ, постоянная расторопность и большая ловкость, а потому очень трудно сдѣлаться хорошимъ игрокомъ въ „Lawn Tennis.“ Впрочемъ, въ Германіи часто можно видѣть, какъ англичане и англичанки ведутъ эту красивую и изящную игру, если только они останавливаются въ какой нибудь мѣстности на болѣе продолжительное время. Поэтому я считаю ненужнымъ подробно описывать эту игру. Ревностные сторонники „Lawn Tennis“ предпочитаютъ его крикету, хотя это далеко не такъ укрѣпительно и разнообразно. Однако „L.-Tennis“ имѣетъ то преимущество, что его легче устроить, нежели крикетъ, уже потому, что для партіи требуется всего четыре или даже два человѣка, а также потому, что въ немъ могутъ участвовать и дамы. Оно служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекраснымъ средствомъ для установленія непринужденныхъ отношеній между молодыми кавалерами и дамами; въ этомъ то и лежитъ, вѣроятно, основная причина его большого распространенія въ послѣдніе годы.

Мальчики далеко не столько играютъ въ эту игру въ школахъ, сколько съ сестрами и ихъ подругами во время длинныхъ лѣтнихъ каникулъ. Впрочемъ, въ большинствѣ школъ, посѣщенныхъ мною до сихъ поръ, есть одна или даже нѣсколько площадокъ для Lawn Tennis, имѣющихъ цѣлю доставить возможность упражненія. Въ Lawn-Tennis также устраиваются состязанія между воспитанниками различныхъ школъ; но объ этомъ я побесѣдую въ другомъ письмѣ.

Школы придають большой вѣсъ греблѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ представляется къ тому возможность, какъ, напр., здѣсь, гдѣ воспитанники старшихъ классовъ часто проводятъ на водѣ свободное послѣобѣденное время; здѣсь они достигаютъ въ искусствѣ грести значительной степени совершенства. Давнымъ давно гребля возведена на степень искусства, даже науки, англичанами, любящими больше всего всякія забавы на водѣ. Существуютъ объемистые учебники и руководства, трактующіе объ одной греблѣ и дающіе совѣты относительно діеты, которую нужно соблюдать, если хочешь сдѣлаться особенно хорошимъ гребцомъ. При греблѣ, какъ она поставлена въ школахъ, никогда не должны происходить несчастные случаи, въ виду существующаго правила — допускать грести только тѣхъ воспитанниковъ, которые плавали на свободѣ въ присутствіи учителей плавательнаго искусства, приставленныхъ къ каждому учебному заведенію. Со стороны школы обращается особенное вниманіе на плаваніе, и нѣтъ ни одного юноши, окончившаго общеобразовательную школу, не изучившаго правильно плавательнаго искусства.

Къ школьной греблѣ хочу присоединить еще ѣзду на колесахъ, т. е. на велосипедахъ, хотя и не повсюду распространенную, но введенную въ англійскихъ школахъ въ новѣйшее время и находящуюся тамъ въ большомъ употребленіи. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ она была совершенно запрещена вслѣдствіе очень понятной причины: юноши, съ помощью этихъ столь усовершенствованныхъ машинъ, могли черезъ чуръ удалиться отъ школы и такимъ образомъ слишкомъ уклоняться отъ необходимаго надзора. Другіе директора не раздѣляли этого мнѣнія; они покровительствовали ѣздѣ на велосипедахъ, какъ хорошему физическому упражненію на открытомъ воздухѣ, и устроили особые сараи для сохраненія въ высшей степени изящныхъ bicycles и tricycles воспитанниковъ. Впрочемъ, и противники ѣзды на велосипедахъ въ школахъ ничего не возражали противъ приносимой ею пользы въ физическомъ отношеніи, даже отчасти сами ревностно занимались ею и прославляли Германію за то, что, послѣ Англии, она отнеслась наиболее одобрительно къ ѣздѣ на велосипедахъ. Однако возвратимся къ играмъ.

Такое же преобладающее мѣсто, какое занимаетъ крикетъ въ лѣтнюю треть, во вторую треть, отъ конца сентября до Рождества, занимаетъ „football.“ Я очень доволенъ, что эта игра вкоренилась и въ Германіи, подъ названіемъ „игры въ ворота“ (Thorball) и изъ числа всѣхъ юношескихъ игръ получила наибольшее распространеніе. Такъ, напр., въ теперешней моей гимназій воспитанники обоихъ старшихъ классовъ почти круглый годъ занимаются ею съ чрезвычайною ревностью.

Вмѣсто wickets ставятъ въ football двое воротъ, вышиною больше человеческого роста (goals), черезъ которые нужно ногою перекинуть большой мячъ. Каждые ворота состоятъ изъ двухъ коловъ, воткнутыхъ въ землю, отстоящихъ одинъ отъ другого на 2—3 фута разстоянія; на эти два кола положенъ третій поперечный или шнурокъ. Для football нужно большое, не слишкомъ неровное поле, отмѣчаемое по сторонамъ пограничными линіями.

По обѣимъ концамъ длинныхъ сторонъ игорной площадки стоятъ два межевые столба, приблизительно на разстояніи 100 ярдовъ другъ отъ друга. Мячъ представляетъ большой резиновой пузырь, туго надутый ртомъ или маленькимъ компрессоромъ; для того, чтобы сообщить ему больше крѣпости, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ противостоять толчкамъ, его обтягиваютъ толстой кожей. Здѣсь такъ же, какъ и въ крикетѣ, двѣ партіи, тоже подчиненны распоряженіямъ „Captain'a“ [„Kaiser'a“]; вмѣсто 22 участвующихъ, какъ въ крикетѣ, въ строго правильной партіи „football“ должно быть на каждой сторонѣ maximum 15, иногда 20 игроковъ. Въ началѣ игры мячъ кладутъ на землю, въ средину игорной площадки. Тогда одна партія старается „kick-off“, первымъ толчкомъ, попасть мячомъ въ столбъ враждебной партіи. Подброшенный сильнымъ толчкомъ ноги, мячъ подымается высоко въ воздухъ и летитъ иногда далеко черезъ поле съ силою, кажущеюся невѣроятною несвѣдущему въ игрѣ. Но въ это время игроки другой партіи уже на томъ мѣстѣ, куда мячъ долженъ упасть, и посылаютъ его въ противоположномъ направленіи къ враждебному „goal.“ Даже для профана интересно во время игры слѣдить за тѣмъ, какъ этотъ огромный мячъ появляется то на одномъ, то на другомъ концѣ поля, какъ онъ вдругъ исчезаетъ въ тѣснящейся толпѣ молодыхъ людей (scrummage, часто случающийся фазисъ игры, когда партіи тѣсняются съ цѣлью сдѣлать мячъ спорнымъ), и сейчасъ-же опять, пущенный сильнымъ „kick“, несется надъ головами играющихъ, въ сопровожденіи толпы юношей, несущихся за нимъ во всю прыть. Всѣ участвующіе находятся въ самой напряженной дѣтельности во все время игры. Эта игра очень укрѣпляющая. Играющимъ въ нее не перестаетъ быть тепло даже въ холодную погоду; отъ этого она не бываетъ въ ходу лѣтомъ, а только исключительно въ самыя холодныя времена года. Когда у насъ будутъ введены англійскія игры, я бы посоветовалъ воспитанникамъ приберечь „football“, такъ же, какъ въ Англии, на осень и на зиму, а лѣтомъ играть въ крикетъ.

„Football“ упрекаютъ въ томъ, что это грубая игра; да и нельзя отрицать, что она скорѣе впадаетъ въ грубость, нежели болѣе тонкій крикетъ, такъ какъ въ „football“ очень часто противники задерживаютъ бѣгущихъ, иногда валятъ ихъ на землю и т. д. Иногда встрѣчаются кое-какія измѣненія, нѣсколько сглаживающія этотъ недостатокъ, не измѣняя въ то-же время существеннаго характера игры. Также оба „Капитана“ должны слѣдить затѣмъ, чтобы тѣ мальчики, которые имѣютъ большую склонность къ грубому веденію игры, находились другъ отъ друга въ достаточномъ разстояніи, а при официальныхъ школьныхъ играхъ, какія мнѣ хочется у насъ ввести, всегда есть при этомъ учитель, который съумѣетъ, конечно, сгладить грубыя и невыгодныя стороны игры. Слабымъ, тщедушнымъ дѣтямъ слѣдуетъ запретить игру въ „football“.

Что касается достоинства этой игры, то одинъ коллега, присутствовавшій при состязаніи въ „football“, сказалъ мнѣ разъ, что это не что иное, какъ

шумъ, гвалтъ, грубая суматоха и регулированный родъ драки, а одинъ французъ такъ говоритъ про „football“ въ Англии (Тэнъ, Очерки Англии): „Въ эту игру въ мячъ толпы дѣтей бросаются другъ на друга; ребенокъ, находящійся внизу, выдерживаетъ тяжесть всей массы; въ результатѣ являются вывихнутыя руки и ноги, сломанныя ключицы.“ Тотъ, кто не способенъ усмотрѣть ничего другого въ этой чудесной игрѣ, схватилъ въ ней только самое второстепенное. Но кто вникъ поглубже въ нее и внимательно наблюдалъ за хорошей партіей въ „football“, кто замѣтилъ, какъ одинъ мальчикъ подбирается къ мячу съ хитростью и ловкостью, какъ другой намѣревается силою пробиться сквозь толпу, какъ члены одной партіи другъ друга понимаютъ и работаютъ руками, какъ правильно, несмотря на тѣсноту, направляютъ мячъ, какъ каждый, смотря по своему мѣсту и по своей силѣ, способствуетъ успѣху цѣлаго, какъ игрокъ въ самые опасныя моменты сохраняетъ полнѣйшее хладнокровіе и, въ то-же время, долженъ быстро обрабатывать и дѣйствовать, тотъ, конечно, признаетъ, что игра въ „football“ не есть только упражненіе, закаливающее здоровье и мужскую силу, но тонкая игра, имѣющая громадныя воспитательныя достоинства. Но объ этомъ послѣ. Во всякомъ случаѣ, и тѣ, кто любитъ, и тѣ, кто не любитъ англійской игры въ „football“, всѣ въ одинъ голосъ должны признать за ней ту заслугу, что она возбуждаетъ въ мальчикахъ живѣйшій интересъ, точно такъ-же, какъ это видно и у насъ.

Самымъ неблагопріятнымъ временемъ для игръ на открытомъ воздухѣ является третья треть, между Рождествомъ и Пасхою, празднующимися тамъ несравненно дольше, чѣмъ у насъ. Въ это время больше всего въ ходу бывають такъ называемыя „Атлетическія игры.“ Подъ этимъ общимъ понятіемъ подразумѣваются бѣганіе и быстрая ходьба, прыганіе, боксированіе, борьба, фехтованіе и гимнастическія упражненія различнаго рода.

Что касается бѣганія и быстрой ходьбы, то эти двѣ вещи, подобно искусству гребли, превратились въ Англии въ форменную науку (Pedestrianism), и въ многочисленныхъ руководствахъ объ атлетахъ нѣкоторыя главы спеціально посвящены обученію этой вѣтви физическихъ упражненій. Обыкновенныя прогулки, къ которымъ у насъ прибѣгаютъ въ послѣобѣденное свободное время, въ Англии очень мало въ ходу. Англичанинъ обязательно долженъ видѣть какую нибудь цѣль во всемъ, что онъ дѣлаетъ. Когда онъ бѣгаетъ или ходитъ съ цѣлью закалить здоровье и развивать мускулы, ему совершенно все равно, гуляетъ ли онъ при этомъ по красивой мѣстности, или же ему приходится много разъ кружиться все по той-же дорогѣ для того, чтобы пройти должное количество миль. Но въ школахъ не придають особеннаго значенія этимъ упражненіямъ, а прибѣгаютъ къ нимъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда погода слишкомъ нехороша, чтобы можно было предпринять что нибудь другое.

Собственно военныя упражненія (Drill) въ Англии, вообще, въ небольшомъ употребленіи.

Прыганіе, которымъ тамъ занимаются, какъ атлетическою забавою, не

можетъ сравняться, въ отношеніи систематическаго развитія, съ нашими прыжками на лошади, на подмосткахъ и т. д. Насколько я могъ замѣтить, тамъ особенно любятъ прыжки, соединенные съ бѣганіемъ, имѣющіе мѣсто во время состязаній, которыя мнѣ еще предстоитъ описать; таковы, напр., прыжки черезъ рядъ плетной и т. п. Меня очень радовало сравнительно частое упражненіе въ высокихъ прыжкахъ съ жердями.

Спеціальную англійскую принадлежность изъ числа физическихъ упражненій составляетъ боксированіе, преподаваемое методически со всевозможными тонкостями. Во время упражненій кулаки одѣты въ перчатки на толстой ватѣ, что дѣлаетъ толчки и удары безопасными. Удары бываютъ сильные и слабые; сообразно съ этимъ, борцы придерживаются или той тактики, чтобы сильнымъ ударомъ повалить противника на землю, или же утомить его продолжительнымъ легкимъ натискомъ. Боксированіе, мною видѣнное, исполнено было съ должною мѣрою и благопристойностью; тѣмъ не менѣе, я все же не могу отрѣшиться отъ убѣжденія, что боксированіе вещь чрезвычайно грубая и совершенно неумѣстная въ школахъ. Защитники боксированія говорятъ, что оно превосходнымъ образомъ способствуетъ укрѣпленію ручныхъ мускуловъ и доставляетъ тѣлу здоровый моціонъ. Если это и справедливо, то все же можно достигнуть того же результата другимъ способомъ. Защитники случайныхъ „fights“, служащихъ результатомъ боксированія, къ которымъ воспитанники часто прибѣгаютъ въ своихъ ссорахъ, выставляютъ на видъ обыкновенно тѣ же разсужденія, какъ и защитники тѣхъ мѣръ, къ какимъ имѣютъ обыкновеніе прибѣгать наши студенты. Вотъ что они обыкновенно при этомъ приводятъ (Tom Brown's schooldays): „Кулачный бой составляетъ естественный англійскій образъ и способъ, къ которому прибѣгаютъ англійскіе мальчики въ своихъ ссорахъ.“ Тому, кто интересуется этимъ предметомъ, а также и вполне регулируемымъ способомъ, которымъ продѣлываются эти „fights“, я рекомендую по этому поводу книгу „Школьные дни Томаса Броуна“, гдѣ сочинитель изображаетъ точную картину правильнаго кулачнаго единоборства, прибавляя, разумѣется, кое-какія свои собственные разсужденія. Чтобы дать о немъ полное понятіе, слѣдуетъ еще прибавить, что каждый дуэлистъ имѣетъ двухъ секундантовъ и одного безпристрастнаго свидѣтеля, называемаго „referee“ или „time-keeper.“ Эти послѣдніе становятся вмѣстѣ съ борцами въ кругъ, большую частію ограниченный веревкою, за которою помѣщаются зрители. Безпристрастный свидѣтель называется „time-keeper“ потому, что онъ, съ часами въ рукахъ, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы между каждымъ нападеніемъ противника (round) проходила ровно одна минута. Тогда онъ объявляетъ „time“ или „time's up“, и борьба должна тотчасъ же возобновиться. На обоихъ секундантахъ лежатъ различныя обязанности; одинъ упираетъ одно колено въ землю, а другое, высоко стоящее, служить сидѣньемъ для отдохновенія борца во время паузы. Другой держитъ въ рукѣ мокрую губку, которою онъ освѣжаетъ голову и лицо разгоряченнаго дуэлиста или вытираетъ кровь въ случаѣ могущаго произойти пораненія. На состязаніяхъ въ

кулачномъ бою онъ держитъ еще въ рукѣ бутылку водки или что нибудь въ этомъ родѣ и подноситъ своему дуэлисту; онъ тогда называется также „bottle-holder“, хранитель бутылки. Какъ только одинъ изъ борющихся признаетъ себя побѣжденнымъ, его секундантъ сейчасъ же бросаетъ губку на воздухъ и этимъ заканчивается борьба.

Несмотря на эти „fights“, англійскіе учителя стоятъ за кулачный бой на томъ основаніи, что мужчина долженъ быть способенъ „съ благопристойностью уложить ближняго, еслибы въ томъ когда нибудь представилась необходимость“, какъ сказалъ мнѣ однажды кто-то смѣясь. Эта способность можетъ также пригодиться въ колоніяхъ и въ англійскихъ портовыхъ городахъ. На основаніи всѣхъ этихъ причинъ большинство англійскихъ воспитателей еще и сегодня согласны съ совѣтомъ, даваемымъ въ „Tom Brown's schooldays“: „изучай кулачный бой наравнѣ съ крикетомъ и football.“

Въ связи съ кулачнымъ боемъ стоитъ борьба, относящаяся къ атлетическимъ забавамъ; тамъ ею больше занимаются, нежели у насъ. Она имѣетъ значеніе уже какъ приготовительное упражненіе для football; главнымъ образомъ, теоретически и практически, изучаютъ вѣрнѣйшіе приемы, которыми можно скоро и безошибочно повалить противника на землю.

Въ нѣкоторыхъ школахъ зимою много занимаются фехтованіемъ, въ другихъ меньше. Я самъ присутствовалъ при стычкѣ, причѣмъ нѣкоторые воспитанники проявили большую ловкость. И въ университетахъ продолжаютъ заниматься этимъ „fencing“, какъ хорошимъ физическимъ упражненіемъ, хотя оно не доходитъ до нашихъ студенческихъ предѣловъ.

Другими гимнастическими упражненіями занимаются въ Англии въ различной степени, такъ какъ это вообще зависитъ отъ директоро въ отдѣльныхъ заведеній, отдающихъ обыкновенно предпочтеніе физическимъ упражненіямъ, а потому тамъ не можетъ быть и рѣчи объ однородности гимнастическихъ упражненій въ различныхъ заведеніяхъ, какъ это существуетъ у насъ.

Впрочемъ, я долженъ прибавить, что всѣ гимнастическіе аппараты и орудія для фехтованія, для боксированія и т. д., вездѣ содержатся въ отличномъ порядкѣ.

Если раздѣлить англійскія юношескія игры, сообразно съ тремя школьными третями, на три главныя группы — крикетъ, football и боксированіе, то, кромѣ уже поименованнаго Lawn Tennis, существуютъ еще и другія, малыя и большія общественныя игры, пускаемыя въ ходъ въ благопріятную погоду.

Къ небольшимъ играмъ относится прежде всего стѣнная игра въ мячъ — „Fives“ (пять), часто видѣнная мною въ Англии; у насъ въ Германіи, насколько мнѣ кажется, она совершенно неизвѣстна, хотя наши дѣвочки и мальчишки часто ведутъ очень похожія игры. Для англійскаго Fives необходима особенно устроенная стѣна, „Fives-Court“; такъ, напр., Этонъ обладаетъ громаднмъ числомъ (36) такихъ небольшихъ игорныхъ дворишковъ. Тутъ прежде всего нужна высокая задняя стѣна, — съ успѣхомъ можетъ

служить стѣна безъ оконъ отъ какого нибудь зданія; зачастую строятъ для этого даже спеціальную каменную стѣну, обѣ стороны которой въ такомъ случаѣ, служатъ для игры. Стѣна эта должна быть довольно гладка, чтобы маленькій резиновый мячикъ, употребляемый въ игрѣ, правильно отскакивалъ. Двѣ низкія стѣны образуютъ другую границу. Такимъ образомъ получается пространство, закрытое съ трехъ сторонъ, котораго внутренняя площадь залита цементомъ и тоже тщательно уравнена. Еслибы я началъ подробно описывать всѣ правила этой игры, то пришлось бы черезъ чуръ распространяться о ней. Мячъ ударяютъ рукою, посылая его, то къ полу, то къ стѣнамъ; главная суть состоитъ въ томъ, чтобы, подчиняясь извѣстнымъ правиламъ игры, не оставлять мячика въ покоѣ. Такъ какъ, по большей части, мячикъ подскакиваетъ въ оживленномъ тѣмпо, то вся игра держитъ въ постоянномъ движеніи обоихъ участвующихъ, и тѣмъ вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Въ каждой школѣ находятся особые любители игры „Fives“, усердно упражняющіеся въ нее съ тѣмъ, чтобы какимъ нибудь образомъ отличиться. Лучшіе игроки „Fives“ разныхъ школъ состязаются при случаѣ, во время „matches“, и выказываютъ большое искусство.

На такомъ же началѣ, какъ игра „Fives“, основывается игра въ ракеты; эту игрую занимаются въ большихъ крытыхъ галлерейхъ, гдѣ свѣтъ падаетъ сверху. Только тутъ мячикъ ударяютъ не руками, а такими ракетами („rackets“, сѣтки), какія я описывалъ въ „Lawn-Tennis.“ Большія галлеи, построенныя съ этою цѣлью, напр., въ Этонѣ, служатъ также, конечно, и для другихъ гимнастическихъ упражненій и игръ; онѣ бывають особенно полезны школѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда дурная погода препятствуетъ прпровожденію времени на воздухѣ.

Превосходная игра въ мячъ на открытомъ воздухѣ, распространенная въ Шотландіи, есть „Golf.“ На игорной площадкѣ большихъ размѣровъ сдѣланы маленькія углубленія, довольно далеко одно отъ другого, и нужно, чтобы мячикъ попалъ въ эти углубленія. Удобнѣе всего играть въ „Golf“ на дюнахъ или въ мѣстностяхъ, похожихъ на дюны. Для этой цѣли, игроки держатъ длинные отбойники въ родѣ молотковъ, помощью которыхъ они пускаютъ плотно по землѣ твердые мячики, какъ можно крѣпче набитые. Идея игры заключается въ томъ, чтобы направить мячъ въ опредѣленномъ порядкѣ, какъ можно скорѣе, во всѣ углубленія. Я слышалъ, что это излюбленная игра „Loretto-School“ въ Шотландіи; это учрежденіе расположено на берегу моря, и, наряду съ прекраснымъ обученіемъ научнымъ предметамъ, прославилось своею заботливостью объ играхъ на открытомъ воздухѣ и своими атлетическими забавами. Къ величайшему моему сожалѣнію, мнѣ не удалось осмотрѣть этой школы, такъ какъ она была временно закрыта вслѣдствіе распространившейся заразительной болѣзни.

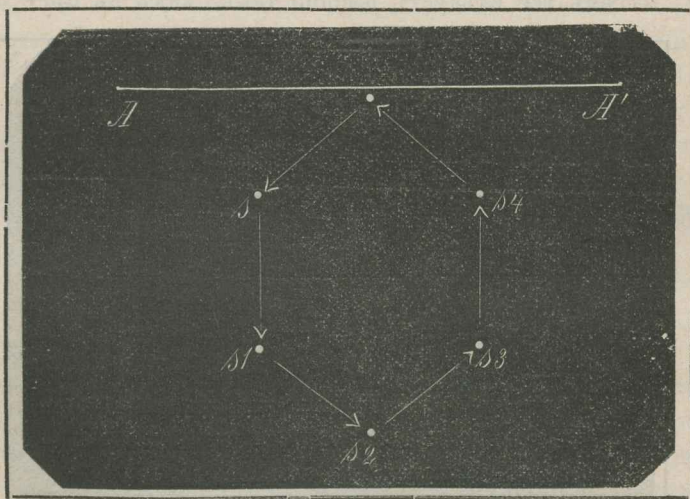
Такіе же отбойники, какіе употребляются при играхъ въ „Golf“, служатъ игрокамъ и для игры въ „hookey“ или „hockey.“ Тутъ двѣ партіи; граница каждой изъ нихъ обозначается линіею. Каждая партія стремится къ тому, чтобы мячъ, положенный въ началѣ игры на средину между

обѣими линиями, перебросить черезъ пограничную линію враждебной партіи. Вслѣдствіе этого, въ центрѣ игры подымается сильный гвалтъ, и я думаю, что эта игра, которой мнѣ не удалось изучить, не лишена интереса.

Не удалось мнѣ также изучить на практикѣ игры „Prisoners' Base“ и „Rounders“, все еще распространенныя въ нѣкоторыхъ школахъ. Но у меня есть подробное описаніе обѣихъ игръ, присланное мнѣ однимъ любезнымъ воспитанникомъ изъ Эдинбурга, и я хочу вкратцѣ привести самое главное.

„Rounders“ (лучше всего въ переводѣ „кругомъ“) есть игра въ мячъ; въ нее лучше всего играть по шести или по восьми человекъ съ каждой стороны, но можно играть и въ болѣшемъ количествѣ. Она имѣетъ большое сходство съ нашей лаптой. Пространство AA' представляетъ крѣпость (Base или Home), занятую нападающею партіею. Въ игорную площадку вбито нѣсколько палокъ $s, s_1 \dots s_4$, находящихся приблизительно въ разстояніи 15—20 ярдовъ другъ отъ друга. Ударивъ мячикъ, играющій долженъ тронуть имъ всѣ палки въ опредѣленномъ порядкѣ, указанномъ стрѣлками, притомъ такъ, чтобы по дорогѣ не тронуть мячика противника и чтобы успѣть тронуть всѣ палки раньше, нежели мячикъ противника вернется въ крѣпость. Это то и есть „rounder“, и въ концѣ концовъ выигрываетъ та партія, которая сдѣлала больше „rounders“.

Противники становятся на поле, каждый на свое мѣсто. Ударяютъ по мячику палкою или ракеткою; если мячикъ поймаютъ на воздухѣ, то партіи мѣняются, и та, которая стояла въ полѣ, переходитъ „in“, и наоборотъ.

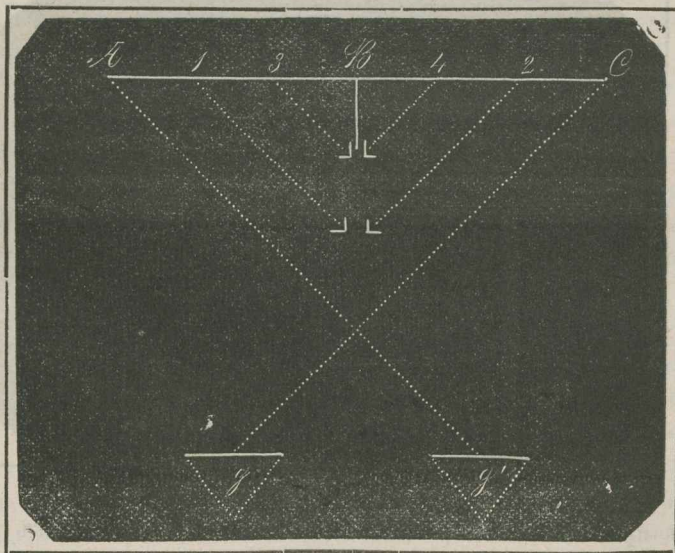
Rounders.

Одинъ изъ противниковъ бросаетъ нападающему мячъ, такъ же, какъ въ лапту, и здѣсь также можно начинать до трехъ разъ. Ударилъ ли играющій мячъ или нѣтъ, попалъ или нѣтъ, но послѣ третьяго раза, самое позднее, онъ долженъ, по меньшей мѣрѣ, достигнуть первой палки, гдѣ уже можетъ считать себя въ нѣкоторой безопасности. Тогда другой игрокъ вступаетъ на его мѣсто. Если же ударяющій такъ хорошо ударилъ мячикъ, что сдѣ-

лалъ цѣлый rounder, то онъ опять имѣеть три удара. Но если въ его мячъ попадутъ, или если другой мячикъ сдѣлаеть полный кругъ, пока еще этотъ находится между двумя палками, то онъ долженъ вернуться въ крѣпость и ждать, пока кто нибудь изъ его партіи сдѣлаеть rounder. Послѣ того, какъ сыграють всѣ, участвующіе въ его партіи, наступаетъ опять его очередь, причемъ недоконченный имъ первый rounder не считается. Въ то время, какъ одинъ изъ участвующихъ дѣлаеть три начальные удара, тѣ, которые стоятъ у отдѣльныхъ палокъ, мѣняются мѣстами, если считаютъ, что могутъ это сдѣлать безопасно. Такая перебѣжка въ теченіе всей игры вноситъ въ нее новое оживленіе; но въ то же время должно наблюдать за тѣмъ, чтобы при каждой палкѣ стоялъ одновременно только одинъ человекъ.

Судя по описанію, мнѣ чрезвычайно нравится эта игра и, я думаю, она способна доставить мальчикамъ большое удовольствіе.

Другая вышеупомянутая игра, „Prisoners Base“, похожа на наши „бѣга съ прутьями“, и въ нее играютъ съ различными измѣненіями. Въ находящемся у меня описаніи этой игры обѣ партіи стоятъ позади линіи AC, по большей части намѣченной мѣломъ, и отдѣлены одна отъ другой болѣе короткой линіей B. Въ G и G' находятся „dens“ (пещеры), помѣщенія для плѣнниковъ обѣихъ партій, гдѣ тѣ, которые тронуты противниками, остаются до тѣхъ поръ, пока ихъ не освободитъ кто нибудь изъ дружеской партіи. № 1 одной партіи вызываетъ № 2 изъ непріятельской партіи; тогда выбѣгаетъ № 3 ловить № 2, № 4 бѣжитъ за № 3 по направленію, намѣченному стрѣлками; затѣмъ все слѣдуетъ именно такъ, какъ въ бѣгѣ съ прутьями.

Prisoners' Base.

Кромѣ этихъ, описанныхъ мною игръ, играютъ въ Англии, разумѣется, еще во многія другія игры. Но въ виду того, что въ школѣ онѣ имѣють лишь второстепенное значеніе, я не стану ихъ описывать здѣсь; упомяну

только, что новая игра „Lacrosse“, похожая на „Football“, начинает сильно распространяться въ Великобританіи за самое послѣднее время. Она перешла въ Англію изъ Канады и возникла первоначально у ирокезовъ и другихъ сѣверо-американскихъ коренныхъ индійцевъ. (Подробности объ этой игрѣ помѣщены въ „Hints on Lacrosse by Norman Melland, Manchester 1888, Guardian Printing Works“).

Въ заключеніе опишу вкратцѣ еще одну большую общественную игру, прерывающую самымъ пріятнымъ образомъ правильный ходъ школьной жизни, а именно игру въ „hare and hounds“ (заяцъ и собака), называемую также „raper-chase“ (охота съ обрѣзками). Она совершенно напоминаетъ „скачки съ кусочками“, такъ хорошо извѣстные въ мірѣ сельскихъ забавъ, съ тою разницею, что здѣсь участвующие идутъ пѣшкомъ. Въ Tom Brown's school-days очень увлекательно описано такое „raper-chase.“ Два мальчика, извѣстные за хорошихъ бѣгуновъ, получаютъ маленькіе мѣшечки, полные бумажныхъ обрѣзковъ, которые они разбрасываютъ, иногда цѣлую горсть, для того, чтобы обозначить свой слѣдъ. Это зайцы, преслѣдуемые остальными 50-ю участниками или собаками. Зайцевъ выпускаютъ, приблизительно, за 10 минутъ раньше, и тогда слѣдуетъ за ними дикая охота съ громкими криками радости. Чѣмъ больше неровностей представляетъ почва, тѣмъ больше забавы. Поэтому зайцы выбираютъ дорогу черезъ рвы и ручейки, оставляя на другомъ берегу довольно густой слѣдъ, по холмамъ и долинамъ, черезъ плетни и тому подобныя препятствія, черезъ сырые дуга и эвѣжевспаханную землю, неустанно преслѣдуемые веселою сворою собакъ. Что за важность, если одна изъ собакъ во время преслѣдованія попадетъ въ ручей, или если чей-нибудь башмакъ увязнетъ въ болотѣ? Что за бѣда, если какой нибудь мальчикъ погрязнетъ въ рыхлой глинистой почвѣ и прибѣжитъ отсюда, весь желтый и запачканный, къ смѣющейся толпѣ? Это нисколько не повредитъ фланелевой одеждѣ, которая тотчасъ же по возвращеніи отправится въ стирку; ничего не значитъ и холодная ванна при закаленномъ уже здоровьѣ мальчиковъ. Выкупавшійся мальчикъ быстро согрѣется въ бездыханной бѣготнѣ, а легкая шерстяная одежда скоро высохнетъ на разгоряченномъ тѣлѣ.

Съ какимъ бѣшенствомъ продолжаетъ толпа свою скачку, съ неумолкаемымъ хохотомъ черезъ густые тернистые кустарники, черезъ дуга, покрытые дрокомъ и можжевельникомъ, гдѣ вдали виднѣтся слѣдъ, положенный кусочками бумаги. Руководящія собаки-ищейки бѣшутъ отъ радости, что напали на слѣдъ, оставленный въ терновыхъ кустахъ, и кричатъ „впередъ, впередъ“ слѣдующей за ними стаѣ, ставшей уже нѣсколько рѣже и длиннѣе, и вся толпа слѣзаетъ снова поровняться съ руководителями. Но вдругъ эти собаки, давно знакомыя съ хитростями зайцевъ, останавливаются: дальше впереди не видать болѣе никакихъ слѣдовъ; поэтому — скорѣе назадъ къ тому мѣсту, гдѣ остался послѣдній признакъ заячьяго присутствія, чтобы посмотреть, не пришло ли имъ въ голову сдѣлать крюкъ. И дѣйствительно, направо, въ четверти мили разстоянія виситъ опять обрѣзокъ, и скачка про-

долгается съ безумнымъ бѣшенствомъ до тѣхъ поръ, пока зайцы будутъ накрыты и пойманы къ общей большой радости, или пока прибѣгутъ собаки, не слишкомъ долго спустя послѣ зайцевъ, къ заранѣе назначенной цѣли.

Эти веселыя юношескія забавы нельзя не назвать, въ то же время, полезными и здоровыми. Такія увеселенія проходятъ черезъ всю англійскую школьную жизнь въ заведеніяхъ, соотвѣтствующихъ нашимъ гимназіямъ, и способствуютъ здоровью, какъ тѣла, такъ и духа. Я вовсе не хочу увѣрять, что описанная „hare and hounds“ превосходитъ наши соотвѣтствующія ей игры. Наши „Охотникъ и дичь“, „Разбойники и жандармъ“ и многія другія игры, разумѣется, ничуть не хуже. Но въ какихъ высшихъ школахъ, снабженныхъ интернатами, серьезно заботятся объ играхъ?

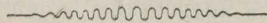
Ту охоту и любовь къ играмъ и физическимъ упражненіямъ, которыя мальчики приобрѣтаютъ въ англійскихъ школахъ, они переносятъ съ собою и въ университетъ. Но игры, описанныя мною въ концѣ, находятся внѣ употребленія въ университетахъ. Изъ игръ тамъ ограничиваются почти что только однимъ „Cricket“, „Lawn Tennis“ и „Football“, такъ же, какъ изъ сельскихъ забавъ главнымъ образомъ занимаются греблею.

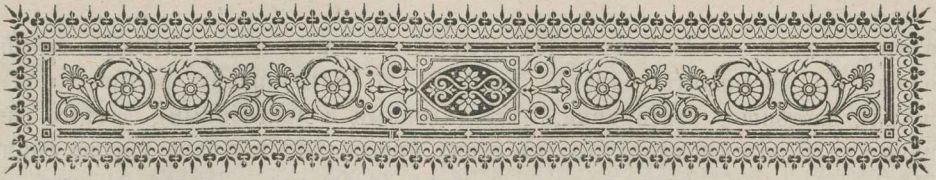
Появляются и нѣкоторыя новыя игры, какъ, напр., „Поло“, гдѣ участвующіе приѣзжаютъ верхомъ. Въ Оксфордѣ и въ Кембриджѣ есть клубы, благодаря которымъ въ университетахъ высоко ставятъ эту игру, употребляющуюся прежде только офицерами-кавалеристами.

Но главный интересъ, все-же, сосредоточивается на греблѣ, крикетѣ и „Football.“ Юноши предаются этимъ занятіямъ съ особеннымъ стараньемъ, и усердіемъ, съ которымъ молодые люди занимаются этими упражненіями, предохраняетъ ихъ отъ многихъ недостатковъ университетской жизни, которыми, по моему мнѣнію, страдаетъ наша студенческая жизнь.

Конечно, эти игры и занятія отнимаютъ у англійскихъ студентовъ слишкомъ много времени и стоятъ, соотвѣтственно, черезъ-чуръ большихъ денегъ. Но здѣсь, дѣйствительно, отчасти впадаютъ въ крайность; то, что должно служить только отдыхомъ отъ работы, становится здѣсь часто главнымъ стимуломъ препровожденія времени студентовъ, и это, дѣйствительно, правда, что въ общемъ здѣсь студенты гораздо менѣе серьезно работаютъ въ свободное время отъ лекцій, нежели въ нашихъ высшихъ школахъ. Но это не столько происходитъ отъ игръ и забавъ, сколько отъ общаго положенія дѣла, и для того, чтобы его выяснитъ, мы должны обратить вниманіе на громадное различіе, существующее между англійскими и германскими университетами.

(Продолженіе будетъ.)

УЧЕБНЫЕ ПЛАНЫ АВСТРИЙСКИХЪ ГИМНАЗИЙ.

[См. „Гимн.“ кн. 19, 20, 21, 37, 40.]

IV. Географія.

Введеніе.

Основныя понятія географіи. Географія разсматриваетъ земной шаръ какъ нѣчто цѣлое и предметы, находящіеся на земной поверхности какъ таковыя, ихъ распредѣленіе въ пространствѣ и пріистекающія отсюда взаимныя отношенія ихъ. Благодаря разнообразію и богатству матеріала, преподаватель, сообщая ученикамъ понятія обо всемъ этомъ, встрѣчаетъ не мало затрудненій; и это тѣмъ болѣе, что изъ всей области предметовъ только небольшая часть — именно видимая окрестность — доступна непосредственному наблюденію учащихся. Это близкое должно служить мѣриломъ и сравненіемъ при прохожденіи болѣе отдаленнаго, такъ какъ оно представляетъ собою то же распредѣленіе и тѣ же условія. Съ другой стороны, географія и преподаваніе этого предмета учитъ разсматривать ближайшую окрестность въ сравненіи съ другими мѣстностями земной поверхности, находить ихъ отношеніе другъ къ другу, и создаетъ такимъ образомъ у учащагося новое пониманіе ближайшихъ предметовъ. Въ виду этого, оказывается необходимымъ начинать преподаваніе съ разъясненія тѣхъ-же элементовъ, изъ которыхъ составляется ландшафтъ окрестности и которые въ то же время суть главныя основы предмета. Группировка и распредѣленіе ихъ въ извѣстномъ порядкѣ должны послужить образцомъ для всего хода преподаванія, если въ изложеніи предмета вообще желательно господство ясности. Пусть ученики по возможности самостоятельно разгруппируютъ предметы, которыя имъ видны съ ближайшей горы или съ холма. Первую группу составляютъ: горы, холмы, долины, равнины, — слѣдовательно, ровная и неровная земля (устройство поверхности); другую группу: источникъ, ручей, рѣка, потокъ, лужа, прудъ (озеро, море),

болото, каналъ, — слѣдовательно, стоячія и текучія воды. Особую группу должно бы составлять царство растений по слѣдующему распредѣленію: (скалы), пастбище, кустарники, лѣсъ (хвойный и лиственный), затѣмъ различные виды полевой культуры; къ этому присоединяется одна группа формъ человѣческихъ поселеній, другая — путей сообщенія. Другое большое отдѣленіе обнимаетъ небесный сводъ, небесныя свѣтила, далѣе воздухъ и вѣтеръ, различные виды осадковъ, времена дня и года. Нахожденіе и перечисленіе этого даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность повторить пройденное въ начальныхъ училищахъ.

Страны свѣта. Географія распредѣляетъ предметы не только по вышеприведеннымъ группамъ; ближайшая и главная задача ея состоитъ въ распредѣленіи предметовъ въ пространствѣ, и первымъ дѣломъ ея будетъ — упражнять учениковъ въ умѣньи опредѣлять положеніе предметовъ по странамъ свѣта.

Мы распредѣляемъ окрестные предметы, видные намъ съ возвышеннаго мѣста, либо въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они намъ представляются на горизонтѣ, либо по ихъ большей или меньшей отдаленности, либо по ихъ положенію по той или другой сторонѣ, направо или налѣво отъ рѣки и т. п. При этомъ учитель часто найдетъ возможность растолковать ученикамъ необходимость общепринятаго опредѣленія предметовъ по ихъ положенію — именно, по положенію солнца и дневному пути его, откуда и взято опредѣленіе странъ свѣта. Съ этимъ дневнымъ путемъ солнца слѣдуетъ учениковъ ознакомить основательно, такъ какъ ясное представленіе о немъ служить основаніемъ не только для топографіи, но и для математической географіи (меридіанъ, параллельные круги). Такъ, можно обратить вниманіе учениковъ на освѣщеніе дома, улицы, площади въ различное время дня. Направленіе горъ, при разсмотрѣніи ихъ, постоянно будетъ давать случай сравнивать освѣщеніе обоихъ склоновъ въ различное время дня.

Распредѣляя такимъ образомъ по странамъ свѣта предметы видимой окрестности, ученикъ научится распредѣлять точно также и болѣе отдаленные предметы, такъ что будетъ въ состояніи рукою указать ихъ положеніе. Вмѣсто страны свѣта можно поэтому часто называть только время дня или ближайшій предметъ, находящійся въ томъ-же направленіи.

Измѣреніе. Другое средство для пониманія распредѣленія предметовъ и ихъ отношеній есть измѣреніе; оно имѣетъ большое значеніе въ географіи и должно быть въ классѣ главнымъ предметомъ упражненій; сверхъ того это упражненіе способно возбудить въ ученикахъ интересъ и дѣятельность, поощрять ихъ къ сравненію и наглядному представленію мѣры предметовъ. Тотчасъ по опредѣленіи странъ свѣта начинаютъ измѣрять шагами классную комнату (улицу, базарную площадь) для составленія плана. Мѣры, заимствованныя изъ величины частей человѣческаго тѣла, какъ пядень (футъ), шагъ и т. д., теперь уступили мѣсто другимъ, заимствованнымъ отъ величины самой земли — метру и километру. Другая мѣра, которою неперемѣнно слѣдуетъ воспользоваться при болѣе крупныхъ разстояніяхъ, есть градусъ

самаго большого круга земного шара, градусъ экватора. Эту мѣру можно снять непосредственно со средняго меридіана каждой карты. Небольшія числа ея нетрудно запомнить; они обозначаютъ отношеніе къ величинѣ всей земли и легко превращаются въ километры. Величина предметовъ видимой окрестности становится основной мѣрою для представлений о предметахъ отдаленныхъ, напр. протяженіе города въ длину и ширину, ширина долины, равнины, рѣки, площадь озера, высота горъ, высота извѣстныхъ пунктовъ, разстояніе предметовъ, по тому, насколько ясно они видны.

Другая обиходная, и потому учениками легко понимаемая мѣра — это мѣра времени; отдаленность мѣстностей ясно представится ученикамъ, если данныя о разстояніи (также и масштабъ карты) превратить въ дневные переходы путешественника, въ продолжительность караванныхъ и водныхъ путешествій, въ продолжительность путешествія по желѣзной дорогѣ, на пароходахъ по морямъ и озерамъ, или въ время, въ которое рѣка протекаетъ по своему руслу. Особенный интересъ возбуждаютъ упражненія глазомѣра; они изошряютъ понятія учениковъ о протяженіи и пространствѣ. Упражнять учениковъ въ опредѣленіи величины по глазомѣру можно или въ природѣ, или же, заставляя ихъ на картѣ сравнивать и опредѣлять разстоянія и пространства. Впослѣдствіи можно будетъ сравнить области по картамъ различнаго масштаба — особенно, обширныя внѣевропейскія пространства съ европейскими, причемъ будетъ весьма полезно прибавить къ картамъ отдаленныхъ земель очертанія отечества въ соотвѣтствующемъ масштабѣ.

Планъ мѣстожителства, карта окрестности. Чтобы подготовить учениковъ къ пониманію изображенія посредствомъ карты, учитель сообщаетъ имъ тотчасъ послѣ ученія о странахъ свѣта и объ измѣреніи, нѣкоторыя свѣдѣнія объ уменьшенномъ масштабѣ.

Планъ классной комнаты, составленный по измѣреніи ея шагами съ опредѣленіемъ странъ свѣта покажетъ ученикамъ, какъ снимается карта съ природы. Затѣмъ слѣдуетъ приблизительный планъ того мѣстечка или города, гдѣ находится училище; на этомъ планѣ обозначаются только важнѣйшія улицы или самые выдающіеся пункты. Расширеніе плана мѣстожителства подготовить пониманіе отношенія карты къ дѣйствительности, такъ какъ здѣсь возможно сравненіе между той или другой.

Представленіе объ отдаленныхъ предметахъ.

1. Сравненіе съ ближайшею окрестностью.

Если карта и пониманіе ея должны дать свѣдѣнія о предметахъ, лежащихъ за горизонтомъ, то и при этой новой задачѣ изъ ближайшей окрестности слѣдуетъ заимствовать понятія о мѣрахъ и предметахъ, о которыхъ трактуетъ географія, — подобно тому, какъ мы въ самомъ началѣ заимствовали изъ нея элементы науки и производили на ней важнѣйшія практическія задачи этого предмета, напр., опредѣленіе странъ свѣта и измѣре-

ніе; мѣры — тѣ же, о какихъ было говорено выше, съ присоединеніемъ къ нимъ опредѣленія высоты паденія рѣкъ, быстроты теченія и др.; понятія о видѣ рѣкъ, ихъ береговъ, о руслѣ, о размывкахъ и наносахъ, о формахъ горъ и о словесомъ строеніи скалъ и почвы, о характеристичномъ распредѣленіи лѣса и другихъ видовъ растительнаго царства, о воздѣлываніи полей, о положеніи и устройствѣ поселеній, объ архитектурѣ домовъ, о плотности народонаселенія, о движеніи вѣтровъ и зависимости отъ нихъ погоды, о характерѣ временъ года въ различныхъ широтахъ, о высшихъ областяхъ атмосферы и разныхъ другихъ условіяхъ. Свѣдѣнія изъ математической географіи слѣдуютъ непосредственно за объясненіемъ солнечнаго пути на нашемъ горизонтѣ, указаніемъ положенія остальной части нашей планеты и перечисленіемъ частей свѣта.

Вообще, рекомендуется по возможности чаще прибѣгать къ сравненіямъ съ ближайшей окрестностью. Это тѣмъ легче выполнить, что въ нашемъ отечествѣ природа весьма богата и разнообразна. Гдѣ этихъ преимуществъ нѣтъ, тамъ, по крайней мѣрѣ, существуютъ миниатюрныя картины въ изобиліи, напр., рѣчка со своими извилинами, наносами и разнообразнымъ устройствомъ береговъ, съ контрастомъ солнечной и тѣнистой стороны ея долины; ручейки послѣ ливня прекрасно представляютъ потокъ въ уменьшенномъ видѣ; тающіе сугробы весною до нѣкоторой степени напоминаютъ склонъ горы съ рѣчными жилками и съ изрѣзаннымъ, какъ у горнаго хребта, гребнемъ.

Дать нѣсколько уроковъ на дворѣ цѣлому классу довольно затруднительно. Поэтому выбираютъ для этой цѣли только нѣкоторыхъ учениковъ, которые затѣмъ въ классѣ должны дать отчетъ о сдѣланныхъ наблюденіяхъ. Для ознакомленія, напр., съ небеснымъ сводомъ просто необходимы такіе уроки, хотя бы въ самомъ незначительномъ количествѣ. Такимъ образомъ достаточно поощрять учениковъ къ наблюденіямъ и отъ времени до времени поговорить о нихъ въ классѣ.

2. Ландшафты. Хорошимъ средствомъ для сообщенія ученикамъ понятій о чужихъ краяхъ будетъ вывѣшиваніе или показываніе ландшафтовъ или, скорѣе, схематическихъ изображеній, будутъ ли это стѣнныя картины или небольшія картинки въ рамкахъ подъ стекломъ; это нѣсколько оживляетъ карту и дѣлаетъ учениковъ способными видѣть на картахъ не одни только условные знаки. вмѣсто того, чтобы чрезмѣрно увеличить число такихъ картинъ, полезнѣе будетъ помогать классу основательно разсматривать имѣющіяся на лицо, такъ чтобы ученики могли распознать въ нихъ предметы, понятія о которыхъ сообщены на урокахъ географіи, и стали сравнивать виды отдѣльныхъ картинъ между собою. Для болѣе подробнаго разсматриванья особенно пригодятся фотографіи, такъ какъ онѣ вѣрно изображаютъ даже мельчайшія подробности. Въ старшихъ классахъ, гдѣ при прохоженіи европейскихъ земель больше обращаютъ вниманія на характерныя черты мѣстности или на мѣстоположеніе города, — тамъ слѣдуетъ по возможности чаще прибѣгать къ картинамъ.

3. Карта. а) Упражнения всего класса. Все указанное выше должно вести къ тому, чтобы ученики по картѣ могли получить понятіе о дѣйствительности; поэтому они прежде всего должны освоиться съ картою, какъ съ главнѣйшимъ пособіемъ географіи.

Такъ какъ карта представляетъ намъ часть земли со всѣмъ разнообразіемъ формъ ея и другихъ подробностей, то для точнаго пониманія и твердаго усвоенія карты необходимо будетъ продѣлать различныя упражненія съ нею.

Такия упражненія суть: α) Учитель (впослѣдствіи одинъ изъ учениковъ) называетъ горы, рѣки, острова, города, и ученики отыскиваютъ ихъ скоро или на стѣнной картѣ, или на своихъ. β) Обозначенное на стѣнной картѣ или на классной доскѣ называетъ ученикъ, вызванный учителемъ. γ) Спрашивается, какой изъ двухъ предметовъ дальше отъ насъ или отъ другого мѣста. δ) Предлагаются вопросы въ родѣ слѣдующихъ: какой изъ двухъ городовъ лежитъ далѣе на востокъ или на сѣверъ? какая гора, рѣка, озеро, море или большой городъ? какое государство недалеко отъ извѣстнаго города? какія государства граничатъ съ однимъ или двумя морями? и т. п. Такия упражненія производятся сначала при открытыхъ, а послѣ при закрытыхъ атласахъ.

Подобными вопросами полезно начинать каждый урокъ и въ старшихъ, и въ младшихъ классахъ, такъ какъ эта работа возбуждаетъ интересъ и соревнованіе и у болѣе слабыхъ учениковъ; въ младшихъ классахъ удобно такимъ образомъ повторять пройденное въ начальныхъ школахъ.

Этотъ именно процессъ подразумѣвается ниже, когда указывается на упражненія, которыя должны сопровождать систематическое обученіе; ясно, что этотъ способъ преподаванія удобно примѣнить къ повтореніямъ, причемъ легко поставить вопросы, глубже затрагивающіе пройденный матеріаль. Одно изъ главныхъ требованій географіи есть то, чтобы все пройденное сливалось въ умѣ учениковъ въ одну общую картину, и потому частое повтореніе составляетъ одну изъ главныхъ задачъ ея.

Вышеуказанные и подобные имъ вопросы должны прежде всего поддерживать интересъ къ простой топографіи, безъ которой преподаваніе будетъ поверхностно и знаніе неясно. Другая задача — это пониманіе внутренняго содержанія и правилъ карты.

б) Черченіе. Пониманію изображенія формъ и величинъ по картѣ прежде всего служитъ черченіе. Преподаваніе сопровождается черченіемъ; просто и въ характеристическихъ чертахъ на доскѣ воспроизводится форма такъ, какъ на словахъ описалъ учитель. Тратить въ классѣ много времени на подробныя чертежи или конструкціи, да вообще на черченіе, не можетъ быть рекомендовано. Если иногда требуется передать болѣе трудныя очертанія или теченія, то въ рисунокѣ преимущественное вниманіе должно быть обращено только на типичныя, рѣзко выраженныя на картѣ линіи. Если при этомъ параллель или меридіанъ не достаточенъ для указанія главнаго направленія линіи, то прямолинейныя фигуры и дуги, какъ и при рисованіи

отъ руки, могутъ удобно служить для изображенія главныхъ очертаній и лечь въ основаніи чертежа. Цѣль такихъ упражненій не есть черченіе само по себѣ, но то, чтобы ученики ясно представляли себѣ основныя формы и твердо запоминали ихъ. Поэтому ученики, руководствуясь примѣромъ учителя, должны приучиться къ твердымъ и рѣшительнымъ чертамъ, которыя ближе всего доказываютъ ясное пониманіе и вѣрное представленіе. Если ученикъ найдетъ ошибку въ чертежѣ товарища, то долженъ на доскѣ рядомъ же помѣстить свой чертежъ. Сравненіе съ картою, больше еще пѣкоторыя исправленія учителя, укрѣпляютъ представленія о формѣ въ памяти учениковъ. Вышеупомянутыя упражненія со всемъ классомъ могутъ иногда состоять въ воспроизведеніи линий и направленій и т. д., вообще касаться также и черченія. Чертежи дома вносятся учениками въ ту-же тетрадь, которая предназначена для записыванія замѣтокъ, мѣткихъ словъ и вопросовъ. Впослѣдствіи можно задавать ученикамъ на домъ чертить небольшія и несложныя вещи, но всегда въ связи съ упражненіями и съ матеріаломъ преподаванія. Такимъ образомъ тетради и въ слѣдующіе годы наглядно представляютъ пройденное. Подробности о содержаніи и качествахъ чертежей будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

в) Передача словами. Умѣнье передавать словами то, что видно по картѣ, весьма облегчаетъ пониманіе формъ и зависимость ихъ другъ отъ друга. Упражненія эти имѣютъ весьма большое значеніе: безъ нихъ изобиліе матеріала способно произвести скорѣе путаницу, чѣмъ возбудить интересъ. Всякій новый урокъ тѣмъ больше укрѣпится въ памяти учениковъ, чѣмъ яснѣе изложена его сущность, и чѣмъ прилежнѣе ученики старались передать удачными словами то, что понято ими въ послѣдовательномъ порядкѣ. Весьма важно еще то обстоятельство, какимъ образомъ учитель на классной доскѣ начертитъ карту и какими словами онъ пояснитъ свой чертежъ: онъ можетъ сообщить нѣкоторыя особенности ландшафта и для запоминанія ихъ назвать нѣкоторыя характерныя слова или поговорки; не менѣе важно выводить съ учениками изъ наглядныхъ представленій путемъ сравненія и обобщенія необходимыя понятія. Кромѣ того, ученикъ долженъ быть въ состояніи уразумѣть существенныя формы картъ и передавать ихъ словами, т. е. читать карту. Такимъ образомъ ему становится все яснѣе и яснѣе порядокъ и правильность, которыя въ картѣ скрываются подъ кажущейся путаницею. Въ самомъ упорядоченіи этой кажущейся путаницы заключается нѣчто образовательное; постоянныя сравненія упражняютъ проницательность, и такимъ образомъ разборъ карты представляетъ, какъ извѣстныя трудности, такъ и образовательный элементъ нашего предмета.

Въ виду упомянутой цѣли, преподаваніе должно вестись ровно, безъ внезапныхъ скачковъ, постепенно переходя отъ одного къ другому; это тѣмъ важнѣе, что ученики должны не только ясно представлять себѣ карту, но и получить понятіе о дѣйствительномъ видѣ многихъ весьма разнообразныхъ предметовъ, которые на картѣ изображены чертежемъ, часто же только обозначены.

Ходъ преподаванія, карта и учебникъ.

Въ этомъ смыслѣ распредѣленъ нижеизложенный ходъ преподаванія, но только какъ примѣръ связности въ преподаваніи, а не какъ предписаніе метода. Слѣдуя плану учебника, учитель можетъ перейти тотчасъ послѣ приготовительныхъ упражненій къ глобусу и къ обзорѣнію положенія и очертаній частей свѣта. Ниже будутъ даны полезныя указанія для преподаванія подробностей и установленія связи между ними.

Распредѣленіе изложеннаго здѣсь плана преподаванія не препятствуетъ начать съ того, что здѣсь помѣщено въ концѣ перваго курса, и затѣмъ шагъ за шагомъ итти по тому же плану обратно; связь между отдѣльными частями вездѣ будетъ указана. Но что разъ послужило исходною точкою и изъ чего развивается все остальное, то должно служить основаніемъ дальнѣйшему преподаванію. Учитель не долженъ забывать, что главная задача I-го класса — привести учениковъ къ пониманію карты, и что самое усвоеніе и описаніе изображеній отдѣльныхъ частей свѣта относится только къ слѣдующему курсу. Что же касается усвоенія карты, то необходимо соблюдать слѣдующій методъ: не то, что содержится въ книгѣ, должно быть найдено на картѣ, но то, что видно на картѣ, ученики должны отыскать въ учебникѣ. Поэтому задавать ученикамъ для домашней работы вопросы, на которые отвѣтъ они должны найти по картѣ, будетъ полезнѣе, чѣмъ заставить ихъ выучить наизусть отдѣлъ по учебнику. Само собою разумѣется, что, гдѣ для усвоенія урока требуется заучиванье наизусть, учитель дастъ для этого необходимыя указанія.

I классъ.

Сущность всѣхъ остальныхъ формъ и линій, которыя представляетъ карта, есть рельефъ земной поверхности. Первые трудности при изученіи ближайшей окрестности представляютъ возвышенности; преодолѣть эти трудности значитъ облегчить все дальнѣйшее преподаваніе.

Рельефъ мѣстности своимъ наклономъ заранѣе обозначаетъ направленіе, по которому должны течь воды. На картѣ это указывается для гористыхъ мѣстностей направленіемъ черточекъ (которыя изображаются горы), для плоской поверхности теченіемъ рѣкъ; но рельефъ составляется и изъ линій одинаковой высоты: иной видъ горъ — береговья линія водныхъ пространствъ, изъ которыхъ поднимается суша; сюда относятся очертанія озеръ, морей, острововъ и материковъ. Въ планѣ дальнѣйшаго изложенія руководствомъ будетъ служить то соображеніе, что первыя изъ упомянутыхъ линій удобнѣе для пониманія. Основныя понятія слѣдуетъ разъяснить ученикамъ при помощи самыхъ простыхъ предметовъ, которые они постоянно имѣютъ передъ глазами. На половину открытая, корешкомъ вверхъ, представляетъ самую простую форму горы. Если ее открыть больше или меньше, то измѣняется вмѣстѣ съ тѣмъ и высота корешка и степень отлогости и ширина площади, которую она покрываетъ. Взаимную зависимость этихъ условій должно изобразить черченіемъ нѣкоторыхъ поперечныхъ

разрѣзовъ. Видъ сверху, соотвѣтствующій изображенію карты, которая непосредственно показываетъ протяженіе и измѣненіе чертежа, въ тоже время даетъ возможность оттѣненіемъ наглядно представить освѣщеніе, измѣняющееся сообразно съ отлогостью. Черточки, которыми изображаютъ на картѣ горы, показываютъ оттѣненіе и степень отлогости, а направленіе ихъ — направленіе.

Затѣмъ переходятъ къ другимъ формамъ скашиваніемъ концовъ (модель крыши), укороченіемъ хребта (пирамиды), округленіемъ граней (копусы) къ формамъ съ круглою или острою вершиною, къ несимметричнымъ формамъ, какъ терассы, впадины, ущелья. За тѣмъ выбираютъ изъ ближайшей окрестности отдѣльно стоящую гору или холмикъ самаго простого вида, чтобы по нему провѣрить заученное учениками.

Это возвышеніе будетъ первымъ предметомъ, по которому ученики попробуютъ составить географическое описаніе, и выработать порядокъ, схему такого описанія. Географическое описаніе касается прежде всего *а)* положенія возвышенности, какимъ оно представляется съ мѣста наблюдателя; оно разсматриваетъ разстояніе, направленіе и то, что лежитъ между пунктомъ наблюденія и возвышенностью. Важно также положеніе горы сравнительно съ другими (въ каждомъ географическомъ описаніи важно отношеніе къ другимъ предметамъ такого же рода): стоитъ ли она отдѣльно или составляетъ часть горной цѣпи, лежатъ ли горы вблизи или видны въ дальнемъ разстояніи. Естественно положеніе возвышенности стоитъ въ связи съ направленіемъ теченія водъ. Можетъ быть, у подошвы горы находится прудъ, озеро или рѣка; тогда слѣдуетъ припомнить о морѣ и измѣрить, какъ далеко ближайшее море, и какое разстояніе протекала бы вода до него. Далѣе, разсматриваютъ положеніе горы среди поселеній; лежатъ ли таковыя у подошвы ея или, по крайней мѣрѣ, недалеко или видны вдали; положеніе горы относительно окружающихъ областей: составляетъ ли гора политическую границу, видны ли съ нея чужія государства; отношенія къ путямъ сообщенія: окружаютъ ли таковыя ее, проходятъ ли они по ней. За этимъ слѣдуетъ (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ и предшествовать) описаніе самой горы, сначала *б)* форма и протяженіе базиса ея: кругло ли оно или же продолговато; въ какомъ направленіи тянется гора (чѣмъ объясняются условія освѣщенія); выпуклая или вогнутая ли она, что соотвѣтствуетъ терассамъ, ложбинамъ и долинамъ рельефа. Базисъ, при помощи масштаба, преподаватель чертитъ на доскѣ, а ученики въ тетрадахъ. За изученіемъ базиса слѣдуетъ изученіе *в)* рельефа. Сперва необходимо спросить: какаѣя его основная форма; образуетъ ли онъ хребетъ (гребень), остроконечную вершину или плато, и какъ вершина такой формы установлена на базисѣ горы; спускается ли гора круто или склонъ ея образуетъ терассы и ложбины. Вслѣдъ за этими вопросами на рисунокѣ базиса черточками обозначается рельефъ горы. Затѣмъ разсматриваютъ продольный и поперечный разрѣзъ въ дѣйствительномъ отношеніи высоты къ основанію. За изученіемъ формы слѣдуетъ измѣреніе высоты. Объясненіемъ одного приѣма при нивелированіи (образованіе ступеней) ученикамъ сообщаются понятія объ из-

мѣреніи вертикальныхъ возвышенностей. Простымъ чертежемъ объясняется еще высота уровня моря. Для полноты, кромѣ того, требуется сообщить ¹⁾ ландшафтъ горы, т. е. распредѣленіе по ней лѣса, пустынь, поселеній и т. д.

Такъ, посредствомъ разсматриванія формы ближайшей горы, вырабатывается схема для пониманія и описанія, которая пригодна, какъ для всѣхъ горъ вообще, такъ и для цѣлыхъ частей свѣта, какъ величайшей формы рельефа. Коль скоро ученикъ усвоилъ себѣ это распредѣленіе и привыкъ обращаться съ нимъ, то онъ будетъ въ состояніи всегда самостоятельно читать по картѣ другого рода формы — рѣки, озера и государства, такъ какъ въ этомъ случаѣ принципы изученія тѣ же самыя.

Послѣ такихъ упражненій нѣтъ необходимости еще долго останавливаться на ближайшей окрестности, тѣмъ болѣе, что и впослѣдствіи часто нужно будетъ прибѣгать къ ней для сравненія. Кромѣ того здѣсь ни въ какомъ случаѣ не имѣется въ виду отчизновѣдѣніе.

Горы. Среднегерманская горная страна (между Мархомъ и Маасомъ) наиболѣе приспособлена къ тому, чтобы ученики упражнялись на ней въ опредѣленіи по картѣ устройства горъ. Нигдѣ нѣтъ такого яснаго распредѣленія, нигдѣ такъ наглядно и просто не выражены типы горъ. Вдобавокъ, для этихъ горъ существуютъ весьма хорошія карты и въ слѣдующихъ классахъ эта область проходится еще въ подробностяхъ.

Нѣтъ необходимости здѣсь подробнѣе излагать, какъ тѣми-же вопросами, какіе выше ставились при изученіи ближайшей горы, сами собою выдѣляются характерныя признаки германскихъ горъ. Начинаютъ съ самаго простаго, съ Тюрингенскаго лѣса, и описываютъ его по картѣ вышеизложеннымъ образомъ, прибавляютъ только нѣсколько характерныхъ чертъ ландшафта; съ нимъ сравниваютъ Богемскій лѣсъ, лежащій съ первымъ въ одномъ направленіи, и Судеты, которые даже на картѣ малаго масштаба представляютъ разнообразную картину. Противоположность съ упомянутыми горами составляютъ Рудныя горы, которыя, въ свою очередь, сходны съ Швабскою горою. Такъ, можно сравнить Гундерюкъ съ Таунусомъ, Вогезы съ Шварцвальдомъ, или, чтобы не терять времени, останавливаться только на выдающихся особенностяхъ этихъ горъ. Теперь ученики пусть уже упражняются самостоятельно. Описаніе этихъ горъ сопровождается, какъ при прохожденіи первой горы, изображеніемъ на классной доскѣ. Прибавляются и здѣсь поперечныя профили. Тогда сами собою бросаются въ глаза группы и цѣпи горъ, продольное и поперечное направленіе послѣднихъ. Таковую картину представляютъ намъ горы окружающія Богемію, и Верхне- и Нижнерейнскія. Рѣки, которыми сопровождаются или прорѣзываются нѣкоторыя горы, придаютъ этимъ группамъ много характеристичнаго. Въ заключеніе можно все распредѣленіе этихъ горъ изобразить на доскѣ простыми линиями, обозначенными числами. По вопросамъ преподавателя ученики называютъ или горы, или числа, и повторяютъ вмѣстѣ съ тѣмъ характерныя особенности. Боковой разрѣзъ горъ наглядно представляетъ сравненіе ихъ абсолютной и относительной высоты.

Послѣ такихъ упражненій ученикъ провѣряетъ свои познанія по Альпійскимъ горамъ. Отвѣты на тѣ же вопросы о положеніи, очертаніи, рельефѣ и ландшафтахъ будутъ здѣсь гораздо разнообразнѣе. Сюда присоединяется еще положеніе горъ по отношенію къ омывающимъ ихъ морямъ и къ озерамъ, лежащимъ на краѣ ихъ. Какъ разнообразна картина, открывающаяся съ Альповъ на окружающія ихъ горы, которыя или примыкаютъ къ нимъ, или, составляя продолженіе, идутъ параллельно или пересѣкаютъ; какой богатый видъ на теченія большихъ рѣкъ, текущихъ по направленію Альповъ или пересѣкающихъ ихъ, или на города и сосѣднія государства, лежащія у подошвы горъ! Слѣдуетъ разсматривать очертанія на нѣсколькихъ мѣстахъ и ширину, и, въ общихъ чертахъ, рельефъ, руководясь выше обозначенными вопросами. Для отвѣта на вопросъ о цѣпяхъ (параллельныхъ цѣпяхъ, развѣтвленіи цѣпей) можно разсматривать развѣтвленіе у С. Готтарда и рѣки, берущія тамъ начало; также и горы, на которыхъ лежатъ источники Мура, Дравы и Савы. Направленіе главныхъ цѣпей обозначается въ очертаніи простыми линіями, но не шрафировкою. Обозначаются также рѣки, проникающія въ горы, и вершины, лежащія между рѣками. Изъ вершинъ, имѣющихъ меньше 4000 метровъ вышины, упоминаются только Ортлеръ, Гроссглокнеръ, Вильдшпицъ, Дахштейнъ и Триглавъ; высота выражается только съ точностью до сотни метровъ. Изображеніе горъ въ боковомъ разрѣзѣ (съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ горныхъ проходовъ) можетъ наглядно представить высоту горъ. Абсолютная высота Дахштейна (3000 м.) и высота Раксальпы (2000 м.) можетъ внослѣдствіи служить мѣрою при сравненіяхъ. Къ описанію ландшафтовъ изъ высокихъ Альповъ можно прибавить и нѣкоторыя свѣдѣнія объ области вѣчнаго снѣга, о снѣговой линіи, глетчерахъ, о растительности у южнаго склона и въ различныхъ высшихъ областяхъ горъ, наконецъ, и о нѣкоторыхъ характерныхъ животныхъ.

Теперь легко составить краткое обзорѣніе всѣхъ европейскихъ горъ; ученики, придерживаясь изложенной системы описанія горъ, сравниваютъ, по возможности самостоятельно, Пиренейскія горы съ Кавказомъ, Скандинавскія съ Ураломъ. Въ заключеніе все, какъ при прохожденіи Среднегерманской возвышенности, изображается на доскѣ.

При этихъ сравненіяхъ являются новыя данныя, напр., различное положеніе по отношенію къ морю, такъ какъ одни горы омываются только по одной сторонѣ моремъ, другія по обѣимъ сторонамъ, одни доходятъ только однимъ концомъ до моря, другія обоими и т. д. Относительно очертанія замѣчательно, что одни сами по себѣ составляютъ дугу, другія же образуютъ такую же вмѣстѣ съ другими горами. По отношенію къ рельефу замѣчательны такія несимметричныя горы, какъ, напр., Пиренеи, по которымъ ясно можно видѣть различный уровень отдѣленныхъ ими странъ. При помощи указанныхъ упражненій ученики познакомились съ топографическимъ видомъ Европы, а при подробномъ разборѣ горъ эти познанія еще обогатятся и укрѣплятся повторительными вопросами.

Теперь переходятъ къ азіатскимъ горамъ; однако начинаютъ здѣсь не

описаніємъ отдѣльныхъ горъ и сравненіємъ съ извѣстными горами въ Европѣ (сравнивать можно развѣ только Гималайскія съ Альпами), но приступаютъ сейчасъ же къ описанію всѣхъ горъ въ совокупности, отыскивая въ нихъ упомянутыя выше черты и группируя ихъ на классной доскѣ. Больше всего бросаются въ глаза: замкнутость горъ, длина цѣпей, часто встрѣчающіяся параллельныя цѣпи, расположеніе горъ въ одномъ направленіи, исходъ цѣпей изъ одного узла Болортага (Памирскаго плоскогорія), часто встрѣчающійся дугообразный видъ горныхъ хребтовъ, прорѣзываніе рѣками, плоскогорія, окруженныя весьма несимметричными горными цѣпами, накопленіе высочайшихъ горъ около одного плоскогорія (Тибетскаго), высота горъ сравнительно съ европейскими. Обращается вниманіе на снѣговую линію южныхъ горъ и на произрастаніе пальмъ на нижней части склона и у подошвы.

Тагъ какъ въ виду еще не имѣется ознакомить учениковъ со всѣми горами на землѣ, то изъ Американскихъ горъ можно упомянуть только нѣкоторыя особенно выдающіяся черты: такъ, направленіе горъ съ сѣвера на югъ по берегамъ; морскіе берега и рѣки, параллельныя горамъ преобладаніе несимметричныхъ горныхъ хребтовъ, окружающихъ продолговатыя плоскогорья (Боливія наравнѣ съ Тибетомъ замѣчательна по своему высокому положенію надъ уровнемъ моря); раздѣленіе большихъ восточныхъ группъ отъ Кордильеровъ глубокими рѣчными равнинами; большая дуга сѣверныхъ и прямое направленіе южныхъ Андъ. Можно упомянуть и нѣкоторыя вершины и сравнить съ вершинами Азіи.

Горы Африки и Австраліи пока могутъ быть оставлены совершенно въ сторонѣ.

Рѣки. При такомъ описаніи горъ въ тѣсной связи съ ними были рѣки: уже шрафировка обозначала направленіе стекающей воды. Рѣчными линіями обозначается также рельефъ страны. Сосредоточивъ свое вниманіе, ученикъ будетъ въ состояніи читать съ карты рѣки и сравнить ихъ до нѣкоторой степени подробно и ясно съ другими объектами географіи, которые стоятъ въ связи съ рѣками. И для послѣдующаго обученія о текущихъ водахъ нагляднымъ основаніемъ должны служить простые предметы, какъ они представляются простому глазу. Крыша дома съ гребнемъ и желобомъ, или желобъ между двумя крышами представляетъ собою нѣкоторое подобіе рѣчного бассейна, также и рѣкъ, текущихъ параллельно или подъ угломъ главной рѣки съ притоками и, наконецъ, линіи водораздѣла. Этому образу соотвѣтствуетъ простѣйшій видъ рѣчного бассейна между двумя параллельными горами, съ которыхъ опускаются равнины къ одной линіи, лежащей между ними. Смотря по формѣ и отлогости равнинъ, измѣняется и рѣчная система. Пусть ученики находятъ на картѣ такія самыя простыя системы. Таковы системы рѣкъ: По, Гангеса, верхняго и нижняго Дуная, Молдавы и Амазонской рѣки въ среднемъ теченіи. Здѣсь всегда нужно разсматривать главную рѣку съ притоками, какъ нѣчто цѣлое. Часто одна изъ большихъ рѣчныхъ системъ, какъ Дунай, соединяетъ въ себѣ нѣсколько видовъ. Если

одна часть рѣки течетъ между параллельными цѣпями горъ или холмовъ, то рѣка, прорѣзывая ихъ, образуетъ формы, подобныя Зальцаху и Инду, или Энсу и Двинѣ (съ идущими на встрѣчу притоками), также Муру и Волгѣ. Если же еще разъ встрѣчается возвышенная полоса, то образуются формы рѣкъ, какъ Тибръ, Иравадди, Рио Гранде дель Норте, Парана, или какъ Дубъ, Брамапутра, Ванго. Въ рѣчной системѣ Дуная наиболѣе замѣтна форма Тибра, а именно, въ отношеніи главной рѣки къ Дравѣ, Савѣ и Тейсѣ. Этихъ видовъ достаточно, они встрѣчаются вездѣ.

При подробномъ разсмотрѣніи рѣчныхъ системъ нужно будетъ обратить вниманіе на слѣдующіе пункты: 1) По отношенію къ тому мѣсту, гдѣ мы находимся: какія рѣки текутъ прямо къ намъ и какія отъ насъ, или какія въ своемъ теченіи приближаются къ намъ или отъ насъ отдаляются. 2) Отношеніе самыхъ рѣкъ между собою: рѣки, которыя на всемъ протяженіи или мѣстами другъ другу параллельны, или служатъ другъ другу продолженіемъ (Зальцахъ — Энсъ; Индъ — Аму; Брамапутра — Янтцекиангъ), или которыя по прямой линіи текутъ въ противоположныя стороны (Рона — Рейнъ; Индъ — Брамапутра; Вандо — Янтцекианъ; Парана — С.-Франциско и т. д.). 3) По отношенію къ морю: рѣки, которыя текутъ въ ближайшее или болѣе отдаленное море, или которыя сначала удаляются отъ моря, а потомъ вливаются всетаки въ то же самое море, какъ Кизиль-Ирмакъ, Нигеръ и Парана. 4) По отношенію къ городамъ: какія рѣки имѣютъ на своихъ берегахъ или въ своемъ бассейнѣ много значительныхъ городовъ или при устьѣ большіе приморскіе города. 5) По отношенію къ государствамъ. Послѣдніе два пункта разсмотрѣны уже при вышеупомянутыхъ упражненіяхъ. Что касается очертанія, то можно раздѣлить рѣки по главному направленію ихъ теченія на рѣки съ прямымъ, округленнымъ и извилистымъ теченіемъ, далѣе, на рѣки съ малымъ и большимъ бассейномъ; наконецъ, можно перечислить самыя выдающіяся по длинѣ (Ниль), измѣренныя отъ устья до самаго отдаленнаго источника, и по величинѣ бассейна; ибо отъ послѣдняго зависитъ болѣею частью количество воды. Числами пока можно незатруднять учениковъ, такъ какъ эти числа еще не вполне доказаны и не имѣютъ большого значенія, ибо длина одной рѣки со многими извилинами, если онѣ измѣрены, равняется длинѣ другой, которая протекаетъ болѣе пространство по прямой линіи; пусть ученики по глазомѣру отыскиваютъ самыя длинныя рѣки одной части свѣта или всей земли.

Спрашивая о рельефѣ, можно повторить уже пройденное раньше, напр.: какія рѣки принадлежатъ своимъ теченіемъ разнымъ горнымъ системамъ? какія соединяютъ возвышенность съ низменностью? изъ какихъ горъ отдѣльныя рѣки получаютъ свои притоки? въ бассейнѣ какихъ рѣкъ находятся высочайшія горы и вершины? въ какихъ бассейнахъ встрѣчаются горы съ вѣчнымъ снѣгомъ? Наконецъ, можно еще поговорить о разнообразныхъ водопадахъ и вкратцѣ упомянуть о силѣ воды, съ которой она подмываетъ горы, объ образованіи острововъ, о рѣкахъ съ дельтою и безъ нея.

Относительно ландшафта достаточно предложить нѣсколько вопросовъ,

но они должны быть приравнены къ ограниченному умственному кругу зору учениковъ. Когда ученикамъ приходится чертить рѣки, то пусть они никогда не чертятъ ихъ безъ притоковъ; главная рѣка только вмѣстѣ съ послѣдними составляетъ нѣчто цѣлое, изображающее настоящей видъ рѣки; черченіе пусть производится главнымъ образомъ на классной доскѣ; горныя цѣпи могутъ быть обозначены при этомъ только крупными чертами.

Чаще, чѣмъ при ученіи о горахъ, нужно при объясненіи рѣкъ открывать карту то одной, то другой части свѣта; и такъ какъ рѣки состоятъ въ тѣсной связи не только съ горами, равнинами и морями, но даже съ очертаніемъ суши (заливами), то легко понять, что формы частей свѣта во время преподаванія должны укрѣпляться въ понятіи учениковъ все тверже и тверже.

Полезно было бы, еслибы на каедрѣ стоялъ большой глобусъ безъ всякой арматуры, съ вертикальною осью, чтобы учитель могъ иногда заставить учениковъ показывать на немъ части свѣта, горы, рѣки и т. д., которыя они могутъ узнать уже издали по положенію ихъ. Глобусъ слѣдуетъ при этомъ вращать только въ томъ направленіи, какъ вращается земля. Представленіемъ объ этомъ вращательномъ движеніи земли, различнымъ склономъ земель къ плоскости экватора (что можно показать угломъ между вертикальною линіею какого-либо мѣста и земною осью), также представленіемъ о дневномъ пути солнца надъ нашимъ горизонтомъ, можно дать первыя начала математической географіи.

Озера. Представить ученикамъ образованіе озеръ наглядно, посредствомъ профильнаго чертежа, приносить больше пользы, чѣмъ сообщить имъ не всегда точное опредѣленіе этого понятія. Гдѣ приливъ воды соответствуетъ испаренію ея, такъ что она изъ бассейна не выливается, тамъ образуется озеро безъ стока, которое обыкновенно превращается въ соляное озеро. По этому признаку пусть ученики отыскиваютъ на картѣ озера съ соляной и прѣсной водою.

Вопросъ о распредѣленіи озеръ на земной поверхности (о положеніи однихъ озеръ по отношенію къ другимъ) указываетъ сейчасъ же на образованіе группъ. — что и при всѣхъ другихъ предметахъ составляетъ одинъ изъ достопримѣчательнѣйшихъ признаковъ карты. Здѣсь перечисляются только важнѣйшіе пункты: группы большихъ и малыхъ озеръ въ различныхъ частяхъ свѣта; рѣдкость изолированныхъ озеръ; озера, лежація другъ другу параллельно или образующія съ ними одну прямую линію; озера, лежація другъ противъ друга своею продольною осью; нѣкоторыя рѣки, богатыя озерами (Рейнъ, Нева, Св. Лаврентія); озера съ большимъ или малымъ бассейномъ; горы, богатыя озерами; послѣднія лежатъ въ самыхъ горахъ или на краю ихъ.

Гораздо яснѣе, чѣмъ при горахъ и рѣкахъ, контуръ выступаетъ при озерахъ. Преподаватель обращаетъ вниманіе учениковъ на нѣкоторыя кругловатыя, продолговатыя, простыя и развѣтвленныя озера. Ученики ука-

зываютъ по картѣ величайшія озера земной поверхности и сравниваютъ ихъ величину съ нѣкоторыми областями.

Легко можно изобразить посредствомъ профилнаго чертежа значительную высоту и глубину положенія нѣкоторыхъ большихъ озеръ (дно многихъ озеръ лежитъ ниже уровня моря).

Внутреннія моря. Полуострова. Острова.

Смотря по способамъ соединенія съ вѣшнимъ моремъ (океаномъ), отличаются внутреннія моря, какъ, напр., Черное море, отъ озеръ, какъ, напр., озеро рѣки св. Лаврентія; такъ, въ Босфорѣ, происходитъ теченіе воды туда и обратно, здѣсь же теченіе одной только рѣки. Внутреннія моря, подобно озерамъ, расположены большею частью группами; относительно положенія морей къ горамъ и рѣкамъ, относительно величины бассейна, контура (форма и объемъ) и рельефа предлагаются тѣ же вопросы, посредствомъ которыхъ дошли до опредѣленія озера.

Мы встрѣчаемъ внутреннія моря, отдѣленные однимъ или двумя полуостровами отъ океана; иногда лежатъ между океаномъ и моремъ нѣсколько острововъ (Балтійское море, Мексиканскій заливъ); другія (крайнія) моря отдѣлены отъ океана полуостровами и рядомъ острововъ.

Происхожденіе ряда острововъ можно объяснить постепеннымъ погруженіемъ прибрежной горной цѣпи, которая разщепляется сперва на рядъ, состоящій изъ полуострововъ, продолговатаго острова и меньшихъ острововъ, затѣмъ на нѣсколько маленькихъ острововъ, сохраняющихъ свою длину направленіе всего ряда.

Если горная цѣпь имѣла видъ дуги, что встрѣчается часто, то и рядъ острововъ будетъ дугообразенъ. Замѣчательные дугообразные ряды острововъ въ восточной Азіи. Также можно указать на трехугольные и развѣтвленные острова при встрѣчѣ двухъ рядовъ, на изолированные и двойные острова вблизи суши. Изъ рядовъ и неправильныхъ группъ острововъ различныхъ частей свѣта указываются только важнѣйшіе. О морскихъ островахъ можно пока и не упоминать.

Части свѣта и океаны. Во время вышеупомянутыхъ упражненій ученикамъ уже давно приходилось познакомиться съ частями свѣта и съ океанами. Такъ какъ ученики во время уроковъ постоянно должны были открывать общую карту частей свѣта, чтобы по ней отвѣтить на вопросы преподавателя, и на каждомъ урокѣ по глобусу могли видѣть распредѣленіе частей свѣта на земной поверхности, то у нихъ образовалось уже о частяхъ свѣта болѣе ясное представленіе. Подобно тому, какъ при прохожденіи озеръ, внутреннихъ морей, острововъ, ученики и здѣсь, при разсмотрѣніи относительнаго положенія частей свѣта, будутъ искать группъ или рядовъ. Уже при прохожденіи горъ ученики замѣтили, какъ онѣ въ своемъ продолженіи переходятъ съ одной части свѣта на другую, образуя полуострова и перешейки.

Еще поразительнѣе положеніе морей. Показываютъ ученикамъ по глобусу, что больше половины земной поверхности покрыто однимъ большимъ моремъ (Великій, Индійскій и Южный океанъ); какъ выходя изъ этого внѣшняго моря съ слегка суженнымъ проливомъ (подобно большинству внутреннихъ морей) Атлантическій океанъ врѣзывается въ сушу настолько глубоко, что сѣверный конецъ его, Ледовитый океанъ, Беринговымъ проливомъ раздѣляетъ сушу надвое; обращаютъ вниманіе и на то, что боковыя внутренняго моря и соотвѣтствующіе заливы внѣшняго моря содѣйствуютъ обособленію частей свѣта. На глобусѣ поэтому видны кромѣ Австраліи слѣдующія части свѣта: Азія и Европа, какъ величайшая часть, Африка, Америка Сѣверная и Южная. Иначе раздѣлены части свѣта исторіею: она различаетъ старый свѣтъ и новый, принимая Америку за одну часть свѣта. Относительно распредѣленія частей свѣта нужно замѣтить, какія болѣе всего изолированы и какія изъ нихъ лежатъ близко другъ отъ друга, какія соединены между собою непосредственно и какія отдѣляются только узкими проливами, какія соединены рядомъ острововъ, лежащихъ близко другъ отъ друга, такъ что съ одного острова можно видѣть другой; обыкновенно встрѣчаются два или всѣ три рода такого соединенія, какъ, напр., Азіи съ Европою. Особенностью Азіи является то, что она, благодаря своей величинѣ, приближается почти ко всѣмъ частямъ свѣта (только южная Америка остается вдали). Положеніе въ срединѣ большой группы есть особенность Европы; а Африка имѣетъ ту особенность, что остальные части свѣта ее окружаютъ, образуя полукругъ. Что касается океановъ, то преимуществомъ Азіи является то, что она окружена четырьмя океанами. Ученикамъ уже извѣстно по систематическому ходу преподаванія, какими морями омывается каждая часть свѣта и въ какіе океаны или заливы и моря впадаютъ ея рѣки.

Такъ какъ основной предметъ излагаемаго здѣсь преподаванія есть рельефъ земли, то можно сообщить ученикамъ нѣкоторыя понятія о глубинѣ морей; для этого называютъ нѣсколько чиселъ, показывающихъ глубину, и сравниваютъ ихъ съ возвышеніями на сушѣ; можно упомянуть и о морскихъ теченіяхъ, объ отливѣ и приливѣ, о прибоѣ волнъ, а также кое что о Ледовитыхъ моряхъ.

Географическая широта. При вращеніи глобуса ученики получили уже нѣкоторыя понятія о параллельныхъ кругахъ, объ экваторѣ и полюсахъ. Чтобы разъяснить имъ значеніе географической широты достаточно сказать, что, по мѣрѣ приближенія къ экватору, высота солнца въ полдень увеличивается. Въ связи съ этимъ сообщаютъ ученикамъ нѣкоторыя особенности разныхъ широтъ и прибавляютъ еще, что, по нашему опыту, холодные вѣтры дуютъ съ сѣвера, а теплые съ юга. Ученику перваго класса будетъ совершенно достаточно узнать только это изъ математической географіи. Ради раздѣленія на поясы можно еще прибавить полярные круги и тропики, не упоминая однако ничего объ отношеніи земной оси къ плоскости земной орбиты. По опыту извѣстно, что ученики этого класса не зрѣлы для яснаго пониманія этого. Если же пожелаютъ это объяснить на осно-

ваніи общеизвѣстныхъ фактовъ или же сравнить съ ними, то слѣдуетъ требовать отъ учениковъ весьма опредѣленныхъ понятій о дневномъ пути солнца на нашемъ горизонтѣ и въ другихъ градусахъ широты въ различныя времена года.

Положеніе частей свѣта по отношенію къ параллельнымъ кругамъ. По какимъ частямъ свѣта проходитъ экваторъ? На сколько градусовъ широты приближаются отдѣльныя части къ экватору или къ полюсамъ? Сколько градусовъ занимаетъ каждая часть свѣта? Это можно изобразить схематическимъ чертежомъ, на которомъ экваторъ и параллельные круги изображаются прямыми горизонтальными, а разстояніе другъ отъ друга обозначается прямыми вертикальными линіями. О средней параллели каждой части свѣта можно поговорить въ слѣдующемъ классѣ.

О положеніи важнѣйшихъ государствъ по отношенію къ горамъ, рѣкамъ, морямъ и т. д. говорилось уже часто, особенно при упомянутыхъ выше упражненіяхъ. Когда сравнивали части свѣта, уже предложены были вопросы о государствахъ, которыя не граничатъ съ моремъ или граничатъ съ нимъ на обоихъ сторонахъ части свѣта, слѣдовательно, съ различными океанами.

Задача перваго класса — наглядно познакомить ученика съ основными чертами земной поверхности, такъ чтобы онъ понималъ карту и былъ способенъ читать ее. Такимъ образомъ будетъ положено основаніе дальнѣйшему преподаванію.

(Продолженіе будетъ.)

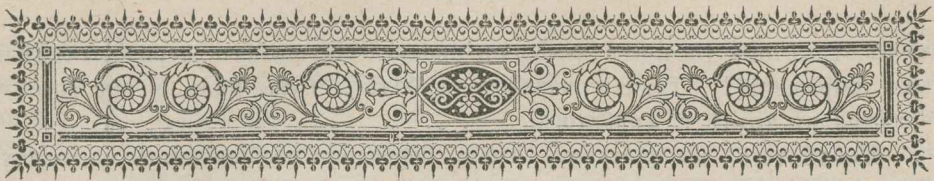
Varia.

I. Изъ стараго времени. Въ прежнихъ семинаріяхъ, когда процвѣтала латынь, не рѣдко можно было получить на экзаменѣ для перевода всего два — три стиха, въ родѣ слѣдующихъ:

Quod fuit esse, quod est, quod non fuit esse, quod esse,
Esse quod est, non est, quod est, non est, erit esse.

II. Ученической переводъ Цезаря въ IV кл.: *Suevi ex equis desiliunt ac pedibus proeliantur*: Свевы прыгиваютъ съ лошадей и сражаются ногами.

III. Изъ ученическаго дневника: „Сегодня N спросилъ меня изъ грамматики. Я, противъ ожиданія, зналъ.“

Критика.

Новый трудъ по объясненію Горация.

Q. Horatii Flacci carmina. Оды Горация. Введеніе и примѣчанія составилъ
А. Горбатовъ. Казань, 1891.

А. Малкинъ, С.-Петербургъ.

Во всѣхъ почти европейскихъ странахъ творенія Горация издавались гораздо чаще произведеній какого бы то ни было древняго классика*). Даже у насъ, несмотря на всю бѣдность изданіями древнихъ авторовъ, стихи Венузійскаго поэта печатались довольно часто**), но всѣ эти изданія представляли собою только антологию изъ Горация до 1889 г., когда появился вторымъ***), исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ трудъ проф. Л. А. Миллера „Оды и эподы Горация. Съ примѣчаніями Лукіана Миллера. Спб. 1889“, гдѣ, впервые на русскомъ языкѣ, былъ данъ комментарий ко всѣмъ одамъ и эподамъ. Вторымъ изданіемъ Горация на русск. яз., обнимающимъ всѣ оды, является трудъ г. Горбатова. Авторъ такъ объясняетъ цѣль своего изданія: „При составленіи предлагаемаго труда, я руководствовался тѣмъ намѣреніемъ, чтобы настоящее изданіе служило пособіемъ для болѣе точнаго и возможно полнаго пониманія одъ Горация и правильной передачи на родную рѣчь этого лучшаго произведенія одного изъ извѣстнѣйшихъ римскихъ поэтовъ.“ Мы не можемъ считать эту задачу выполненной удовлетворительно, равно какъ не можемъ признать и того, чтобы

*) Говорятъ, что число изданій Горация такъ велико, что чаще его печатались только двѣ книги: Библия и „О подражаніи Христу.“ Ср. также „Гораций и его время“ Н. М. Благовѣщенскаго. Спб. 1864. Предисл., стр. 2.

**) См. Д. И. Нагуевскій, „Библиографія по исторіи Римской литературы въ Россіи“, Казань, 1889, стр. 21—25.

***) Первое изданіе Л. А. Миллера (вышло въ Петербургѣ въ 1881 г.) содержало только избранныя оды и эподы.

авторъ, какъ онъ говоритъ далѣе въ предисловіи, давалъ „переводы отдѣльныхъ выраженій.“ Такихъ переводовъ болѣе, чѣмъ мало, и они совсѣмъ теряются въ трудѣ г. Горбатова.

Кромѣ того, мы считаемъ, что г. Горбатовъ вообще сталъ на ложную дорогу въ своихъ объясненіяхъ, увлекшись манерой иностранныхъ комментаторовъ — толковать текстъ автора при помощи параллельныхъ мѣстъ изъ древнихъ писателей*): такъ, у него мы встрѣчаемъ массу ссылокъ на такихъ авторовъ, какъ Теоокритъ, Алкей, Сапфо, Теогнидъ, Симонидъ, Пиндаръ, Лукрецій, Публий Сиръ, даже на *Synegeticon* Грація Фалиска. Этотъ способъ толкованія представляется намъ рѣшительно неудобнымъ по нѣсколькимъ основаніямъ: во первыхъ, у нашего ученика, а въ громадномъ большинствѣ случаевъ и у учителя, далеко нѣтъ подъ руками большого собранія древнихъ классиковъ; поэтому имъ нисколько уже не помогутъ такія замѣчанія г. Горбатова, какъ „Описаніе наводненія, наход. у Гомера: II. 5. 87—92, 11. 492—496, у Лукреція I. 281—290, у Овидія *Met.* I. 285—290“ (стр. 172), такъ какъ у большинства учениковъ нѣтъ полнаго экземпляра ни Гомера, ни Овидія, а Лукреція нѣтъ и у большинства учителей. Мало поможетъ здѣсь и тотъ способъ, чтобы приводить вмѣсто краткихъ ссылокъ такія цитаты цѣликомъ, потому что это, во первыхъ, занимало бы много мѣста и очень увеличило бы объемъ и стоимость книги**), а затѣмъ, — едва ли не самый важный и вѣрный аргументъ противъ приведенія параллельныхъ мѣстъ — ученики читаютъ ихъ очень неохотно, особенно если ихъ приведено такъ много, какъ у г. Горбатова. Да, наконецъ, со многими цитатами, приводимыми нашимъ авторомъ, ученику и не справиться (разумѣемъ главнымъ образомъ мѣста изъ греческихъ лириковъ). Затѣмъ, если ужъ надо приводить цитату изъ авторовъ, неизвѣстныхъ ученику, то непременно надо сообщать время ихъ жизни; заглавіе сочиненій такихъ писателей слѣдуетъ выписывать сполна, что авторъ дѣлаетъ далеко не всегда***). Въ противномъ случаѣ, для ученика совершенно не понятной будетъ такая ссылка, какъ „*Mart. Epigr.* XIII. 94“ (стр. 5); не знаютъ точно также ученики ничего и о Граціи Фалискѣ, на котораго дѣлаетъ нашъ комментаторъ почти лишнюю, по нашему мнѣнію, ссылку на стр. 3. Затѣмъ, при приведеніи параллельныхъ мѣстъ, считаемъ необходимымъ оставлять цитируемаго писателя безъ измѣненія, а не приспособлять его для болѣе легкаго пониманія учащихъся, чѣмъ, кажется, руководствовался иногда г. Горбатовъ. Такъ, на стр. 184 читаемъ у него якобы стихъ Персія: „*cp. Pers. Sat.* I. 28. *At pulcherrimum est digito monstrarier et dici: Hic est*“, тогда какъ

*) Большую услугу оказали въ этомъ отношеніи г. Горбатову, какъ кажется, г. Кислингъ.

**) Изданіе г. Горбатова, заключаая однѣ оды, и теперь стоитъ дороже изданія проф. Миллера, заключающаго въ себѣ оды и эподы, хотя въ тоже время изданіе Горбатова много уступаетъ изданію Миллера во внѣшности.

***) Эти требованія комментатору совершенно справедливо предъявилъ г. Нагуевскій, см. его „Избранныя сатиры Горація.“ Изд. 2-е. Рига, 1885, Предисл., стр. VIII.

у самого Персія*) стихъ этотъ читается такъ: *At pulchrum est digito monstrari et dicier: hic est.* Точно также на стр. 64 г. Горбатовъ даетъ такую цитату изъ Алкея: *Νῦν χρῆ μεθόσθαι καί τινα πρὸς βίαν Πίνειν ἐπειδὴ χάτθανε Μύρσιλος*, гдѣ формы *μεθόσθαι* абсолютно нѣтъ въ кодексахъ Алкея, которые даютъ *μεθόσθην*; затѣмъ, *πίνειν* есть не совсѣмъ удачная конъектура Казаубона; обыкновенно принимается поправка Ahrens'a *πίνην***). Главною же особенностью труда г. Горбатова является то, что „кромѣ сравненій и цитатъ изъ греческихъ и римскихъ авторовъ, приводятся иногда параллельныя мѣста и изъ русскихъ классическихъ поэтовъ: Державина, Пушкина, Жуковскаго и др., а также указанія на встрѣчающіяся въ ихъ произведеніяхъ подражанія Горацию, къ которымъ слѣдуетъ присоединить, кромѣ художественнаго перевода А. А. Фета, и высоко поэтическія переложенія 5, 23, 27 и 38 одъ первой книги, исполненныя А. Н. Майковымъ.“ Приводить для объясненія древнихъ писателей мѣста изъ родныхъ поэтовъ особенно любятъ французскіе комментаторы, которые въ этомъ отношеніи такъ часто переступали мѣру, что среди нихъ же извѣстный толкователь Виргилія Веноитъ въ своемъ трудѣ совсѣмъ отказался отъ приведенія подобныхъ цитатъ***). Конечно, приведеніе такихъ мѣстъ имѣетъ важное значеніе, лишь бы только подборъ ихъ сдѣланъ былъ съ толкомъ и была соблюдена мѣра.

Что касается нашего автора, то его попытка, если мы не ошибаемся, первая въ этомъ родѣ, сдѣлана удачно: такъ, мы нашли у него довольно мѣстъ изъ нашихъ поэтовъ, которыя могутъ, пожалуй, служить пособіемъ переводу, но встрѣчаются ссылки и лишнія (хотя бы, на примѣръ, на страницѣ 9 и 15).

Обращаясь къ разбору самыхъ объясненій, замѣтимъ прежде всего, что въ толкованіи текста мы не замѣтили ничего самостоятельнаго, не нашли и особыхъ ошибокъ. Вообще же, какъ кажется, авторъ работалъ очень спѣшно и не просмотрѣлъ внимательно своего труда вторично. Это заключаемъ мы по тому, что въ объясненіяхъ встрѣчаются у г. Горбатова повторенія: такъ, напр., объяснено дважды слово *Diespiter* (стр. 58 и 113), и, наоборотъ, не объяснено того, что нужно, какъ, напр., эпитетъ *purpureus* (въ соединеніи *purpureis olivibus*, IV, 1, 10†). Отсюда же объясняются и такіе недосмотры, какъ на стр. 1V (введеніе) авторъ говоритъ, что Меценатъ подарилъ Горацию Сабинское помѣстье въ 32-мъ году, а на стр. 98-й этотъ же фактъ относить къ 33-му году ††).

*) Руководствуемся изд. Яна: *Auli Persii Flacci Satirarum libel. Cum Scholiis antiquis edidit Otto Iahn. Lipsiae. 1843, стр. 9.*

**) См. Bergk. *Poetae lyrici Graeci*, III⁴ (Lipsiae Teubner, 1882), стр. 156, fr. 20 (4).

***) Ср. рецензію на изданіе Виргилія Веноитъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, стр. 207 (Л. А. Миллера).

†) Ср., напр., комментарий Л. А. Миллера, I. с. p. 140; Orellius Hirschfelder (*Berolini, Calvary. 1886*), editio maior, p. 499.

††) Вѣриже, кажется, относить этотъ фактъ къ 33-му году, ср. *Satiren und Episteln des Horaz. Mit Anmerkungen von Lukian Müller, I Theil: Satiren. Wien. Tempsky. 1891, стр. 207.*

На стр. 199 г. Горбатовъ говоритъ: „въ своихъ Анналахъ Эпній воспѣлъ 2-ю Пуническую войну; отъ 18 книгъ этой поэмы до насъ дошло нѣсколько отрывковъ, всего около 700 стиховъ.“ Но, вѣдь, описанію 2-й Пунической войны были посвящены только VIII и IX книги *Annalium* Эпнія*).

На стр. 204 читаемъ: „апрѣльскія иды бывали 15-го числа, какъ и въ остальные мѣсяцы года, кромѣ марта, мая, іюля и октября, когда онѣ 13-го.“ Сказано какъ разъ наоборотъ.

Стр. 214. „Гл. *inimico* впервые употр. Гораціемъ и въ римской литературѣ онъ встрѣчается еще по одному лишь разу у Авсонія и Стація.“ Такое примѣчаніе считаемъ лишнимъ, но разъ оно есть, добавляемъ, что *inimico* встрѣчается еще и у Сидонія**).

Нѣкоторыя примѣчанія сформулированы не совсѣмъ правильно, напр., стр. 179 (про дионирамбы Пиндара IV, 2, 12) „*numeris lege solutis*, т. е. въ размѣрахъ, свободныхъ отъ метрическихъ законовъ.“ Судя по этому примѣчанію, ученикъ вынесетъ убѣжденіе, что стихи Пиндара не слѣдуютъ никакимъ метрическимъ законамъ, между тѣмъ, какъ это, конечно, далеко не такъ***).

Стр. 202. „*Leto* — поэт. и болѣе древняя форма *in morte*“ (?!)

Затѣмъ, нѣкоторыя примѣчанія довольно темны: такъ, сомнѣваемся, чтобы ученикъ могъ понять изъ объясненія г. Горбатова, что такое *налиподія* (стр. 35), *παράκλησις* (стр. 135).

Далѣе, какъ кажется, изрѣдка можно было бы давать и краткія критическія замѣчанія†), хотя бы по поводу такого, явно испорченнаго мѣста, какъ IV, 8, 15—19††). Правда, разночтенія изрѣдка отмѣчаются у г. Горбатова, см., напр., стр. 125.

Наконецъ, транскрипція собственныхъ именъ у нашего автора довольно нестра: такъ, наряду съ формами Теокритъ, Теогнидъ, встрѣчаемъ мы у него и „Скионы“, „Пароны“, „Фракійцы.“ Абсолютно невѣрно родина Горація именуется всюду „Венузіумъ“ (см. введ., стр. III; стр. 119, 141, 175†††).

Такимъ образомъ трудъ г. Горбатова можетъ принести пользу для учениковъ гимназій (не думаемъ, чтобы авторъ назначалъ свою книгу для студентовъ) только послѣ значительныхъ передѣлокъ.

*) Ср. Teuffel-Schwabe, *Geschichte der Römischen Literatur*⁴ (Leipzig, Teubner, 1882), стр. 162.

**) См. Forcellini и Georges s. v.

***) См. хотя бы Croiset, *Histoire de la littérature Grecque*. Paris. Thorin. 1890, II, 402—405. Ср. Л. А. Миллеръ, I. с., стр. 143.

†) О томъ, насколько и почему допустима критика текста въ средней школѣ, см. у проф. В. И. Модестова въ предисловіяхъ къ его „Избраннымъ сатирамъ Горація.“ (Изд. 2-е. Сиб. 1882) и къ „Избраннымъ одамъ Горація“ (Сиб. 1889).

††) Ср. Л. А. Миллеръ, I. с., стр. 156. Orellius-Hirschfelder, стр. 559—562.

†††) См. Georges s. v. *Venusia*.

М. Т. Цицеронъ

О ПРИРОДѢ БОГОВЪ

[DE NATURA DEORUM]

Перевелъ С. Б.

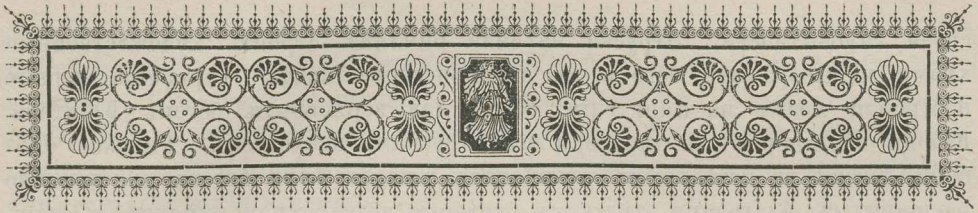
.....
ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ГИМНАЗІЯ“
.....

Ревель

Печатня Г. Матизена. Никольская ул., д. № 23

1892

Дозволено цензурою. — Ревель, 4 Февраля 1892 г.

Введение.

Римская религія, какъ и греческая, въ своемъ древнѣйшемъ видѣ представляетъ собою поклоненіе силамъ природы, но, согласно съ національнымъ характеромъ обоихъ народовъ, развитіе ея пошло по особой дорогѣ. Живая фантазія грековъ создала олимпійскихъ боговъ, рассказала объ ихъ жизни и дѣлахъ, а серіозные и практическіе римляне въ своихъ божествахъ, тоже олицетворяющихъ властныя надъ человѣческою жизнью силы, создали идеи, отвлеченныя понятія, не только безъ художественныхъ упражненій, но и не вызвавшія въ древнѣйшую эпоху скульптурныхъ изображеній*). Для римлянина Марсъ — олицетвореніе дѣятельности мужчины, Минерва — абстракція мыслящаго ума. Римляне не знаютъ ни о происхожденіи своихъ боговъ, ни объ ихъ родствѣ, ни дѣлахъ.

Отношенія человѣка къ богу имѣютъ, такъ сказать, характеръ юридическаго договора. Въ нихъ не столько имѣетъ значенія душевное настроеніе, сколько возможно точное исполненіе религіозныхъ обрядовъ. Всякая неправильность въ исполненіи священнодѣйствія, всякое уклоненіе отъ предписанной формы могло повлечь за собою неудовольствіе божества и вызвать несчастіе не только для провинившагося, но и для всей общины. Въ виду этого, до мельчайшихъ подробностей все было предусмотрено и предписано. Боги сообщали свою волю разнаго рода знаменіями, а потому были выработаны разныя средства узнавать эту волю.

Хотя эти первоначальныя взгляды римлянъ уже рано подверглись иноземному вліянію, а именно въ то время, когда при Тарквиніяхъ въ римскую религію вторглись элементы греческой и этрусской, но они не потеряли

*) August. de civ. D. 4, 31: Dicit etiam (Varro) antiquos Romanos plus annos centum et septuaginta deos sine simulacro coluisse.

своей самобытности. Этруски научили римлянъ строить художественные храмы и изображать боговъ въ человѣческомъ видѣ. Тарквиніи первые построили храмъ на Капитоліи, общій для верховныхъ боговъ (Юпитера, Юноны и Минервы), и украсили его этрускимъ искусствомъ. Римское *divinatio*, умѣніе по извѣстнымъ признакамъ узнавать волю боговъ, значительно расширилось, благодаря этрускамъ, которые познакомили римлянъ съ искусствомъ гаруспиковъ — гаданье по внутренностямъ животныхъ — и съ умиловлевіемъ боговъ по поводу молній и разныхъ продігій. Отъ грековъ римляне переняли культы Аполлона, Димитры, Гермеса, Иракла, но отъ этихъ нововведеній первоначальный характеръ римскаго культа не измѣнился. Всѣ нововведенія принаравливались къ государственной религіи.

Такое положеніе измѣнилось со второй пунической войны, когда вліяніе греческой образованности получило широкое распространеніе среди римлянъ и повлекло за собой упадокъ прежней наивной вѣры, раціонализмъ и безбожіе. Занесенныя изъ Греціи мистеріи Діониса (*bacchanalia*) имѣли такое развращающее вліяніе, что правительство сочло нужнымъ въ 186 г. до Р. Х. назначить строжайшія наказанія за участіе въ этихъ мистеріяхъ.

Греческая философія еще больше, чѣмъ религія, повліяла на упадокъ римской религіи. Римляне познакомились съ нею около половины 2-го столѣтія до Р. Х., когда умственная жизнь Еллады была въ упадкѣ. Во 2-мъ и 3-мъ вв. философскія школы усердно занимались разрѣшеніемъ разныхъ практическихъ вопросовъ и въ кругѣ своихъ изысканій помѣстили и религію. Ненадки на народныхъ боговъ, при полнѣйшемъ религіозномъ индифферентизмѣ общества, находили себѣ отголосокъ въ послѣднемъ. Съ этой именно философіей прежде всего познакомились римляне. Примѣръ Эннія, древнѣйшаго представителя въ Римѣ греческаго образованія и философіи, показываетъ, что при ознакомленіи съ этой новой для римлянъ умственной областью, послѣдніе не всегда умѣли выбирать лучшее. Именно, ок. 300 г. Евгемеръ изъ Мессины въ большомъ трудѣ взялся доказать, что нѣтъ вовсе боговъ, а народные боги — это люди, которые въ незапамятную старину оказали какія-нибудь услуги человечеству и за это были сочтены богами, храмы — ихъ могилы, у которыхъ имъ поклоняются, а миѣы — ихъ дѣянія съ примѣсю сказочнаго элемента. Плодъ такого сухого толкованія религіозныхъ представленій народа Энній перевелъ на латинскій языкъ.

Въ Римѣ понимали, что эти философскія теоріи опасны для господствовавшей религіи, и такіе люди, какъ Катонъ Старшій, всячески старались отвратить опасность, но борьба противъ теченія была не по силамъ для отдѣльныхъ лицъ. Прибѣгли къ высылкѣ изъ Рима греческихъ философовъ: въ 173 г. были высланы Алкей и Филискъ, въ 161 той же участи подверглись *philosophi et rhetores Latini*, а въ 156 г. явившееся въ Римъ аѳинское посольство изъ выдающихся представителей философскихъ школъ — стоика Діогена, академика Карнеада и перипатетика Критолая — было выпровожено изъ Рима возможно скорѣе. Публичныя лекціи послѣднихъ, ихъ смѣлое отрицаніе и блестящая діалектика, опровергавшая бывшіе въ ходу нрав-

ственные и религіозные взгляды, сильно повліяли на молодое поколѣніе слушателей. Съ того времени философія приобрѣла въ Римѣ усердныхъ приверженцевъ, особенно въ высшихъ классахъ общества. Распространенность ея все больше увеличивалась, и въ 1-мъ в. до Р. Х. въ Римѣ имѣли своихъ представителей всѣ главныя греческія философскія системы: эпикурейская, стоическая и новая академія.

Всѣ эти школы сходились въ томъ, что въ вопросѣ о религіи нужна не вѣра, а размышленіе. Радикальнѣе другихъ были эпикурейцы, утверждавшіе, что національная религія безумное суевѣріе и что долгъ философіи его уничтожить. Они отрицали участіе боговъ въ человѣческихъ дѣлахъ, а потому отвергали и набожность и благочестивую религіозную практику. Такое ученіе не могло имѣть особеннаго вліянія на набожныхъ римлянъ. Съ гораздо большимъ участіемъ былъ встрѣченъ въ Римѣ стоицизмъ, взявшій на себя роль посредника между философіей и народной вѣрой. Большинство образованныхъ людей, не довольствовавшихся народными религіозными представленіями, но не желавшихъ полного съ ними разрыва, съ радостью примкнуло къ стоицизму, не отвергавшему существовавшей формы, но воодушевившему народную вѣру новымъ ученіемъ.

По ученію стоиковъ есть только одно, безличное божество, создавшее все изъ себя, проникающее всѣ созданія и живущее въ нихъ. Это божество тождественно со вселенной; силы, дѣйствующія въ мірѣ, составляютъ проявленія одного и того же божества. Люди олицетворили эти силы, надавали имъ названія различныхъ боговъ, и это составляетъ народную вѣру. Народнымъ богамъ можно оказывать почитаніе, имъ поклоняться, потому что, собственно, подъ ними надо разумѣть одного творца и правителя міра. Объясняя такимъ образомъ множество боговъ, они въ то же время объясняли и миѳы, придавая имъ значеніе аллегорическихъ объясненій явленій природы. Такимъ образомъ, стоики старались примирить народную вѣру съ философскимъ ученіемъ; они не устранили народной религіи, не уничтожали поклоненія богамъ и существующаго культа; напротивъ, они считали при этомъ самымъ важнымъ сердечную теплоту и придавали меньше значенія обрядамъ (Ср. слова стоика Бальбы 2, 71). Они сходились съ народомъ въ одномъ весьма существенномъ религіозномъ представленіи, а именно въ томъ, что божество проявляетъ свою волю разными знаменіями и сверхъестественными явленіями.

Новоакадемики ограничивались только сомнѣніемъ по отношенію къ народной вѣрѣ, а ученія эпикурейцевъ и стоиковъ отвергали, какъ заблужденія. Сами они не создали опредѣленной научной системы, а потому оставили въ покоѣ государственную вѣру, предоставляя каждому составить себѣ личный взглядъ на внутреннюю правду этого учрежденія.

Стоицизмъ, какъ выше сказано, нашелъ себѣ въ Римѣ наиболѣе приверженцевъ. Самые выдающіеся государственные люди и ученые примкнули къ нему. Это обстоятельство, естественно, должно было внести разладъ между личными убѣжденіями отдѣльныхъ лицъ и государственной религіей. Впрочемъ, этого разлада и не скрывали. Извѣстный юристъ Q. Mucius Scae-

vola (конс. въ 95 г.), бывшій pontifex maximus, различаеъ три вида религій: поэтовъ, философовъ и государственныхъ людей*). Первую онъ отвергаетъ, какъ распространительницу превратныхъ мнѣнй о богахъ; о второй говоритъ, что для толпы невыгодно быть съ ней знакомымъ, хотя въ ней и много правды; третья, по его мнѣнью, самая удобная, хотя она и не свободна отъ превратныхъ представленй. Также и понтификъ L. Aurelius Cotta, одинъ изъ собесѣдниковъ въ предлагаемомъ трактатѣ Цицерона, съ философской точки зрѣнй склоненъ отвергать тѣхъ же боговъ, которыхъ признаеъ въ качествѣ официального дѣятеля и которымъ поклоняется (1, 61). M. Terentius Varro (116—28), авторъ извѣстнаго сочиненія *Antiquitates rerum humanarum et divinarum*, сохранившагося отчасти въ выдержкахъ Августина, принимаетъ три вида богословія: поэтическое (*genus mythicon*), естественное или философское (*genus physicon*) и народное (*genus civile*). Первое онъ осуждаетъ, какъ и Сцевола, второе считаеъ правдивымъ, третье необходимымъ. Онъ находитъ, что, по соображеніямъ политическаго свойства, должно народъ удерживать въ старой вѣрѣ и при прежнихъ обрядахъ. Но безвѣріе, нерѣдко прикрывавшееся въ высшемъ классѣ лицемѣріемъ, мало по малу, по необходимости, должно было проникнуть и въ низшіе классы, и существующій культъ боговъ, благодаря свободомыслию именно тѣхъ самыхъ людей, которымъ государство ввѣрило охрану этого культа, долженъ было притти въ упадокъ.

Три самыя значительныя коллегіи жрецовъ — *pontifices*, *decemviri sacris faciundis* и *augures*, съ паденіемъ религіознаго интереса, направили свою дѣятельность преимущественно на приобрѣтеніе политическаго значенія. Особенно авгуры извѣстны злоупотребленіемъ своей наукой, отступленіемъ отъ ея предписаній; съ дѣлюю уничтожить несимпатичныя имъ рѣшенія народа, они, не стѣняясь, произвольно толковали небесныя явленія. Августурская наука пришла въ забвеніе**), а также и многіе боги. Варронъ (у Августина 6, 2) говоритъ, что онъ боится, не *pereant (dii) non incursu hostilii, sed civium neglegentia*. Исчезло почтеніе къ святынямъ, стали нерѣдки ограбленія храмовъ и статуй боговъ, и Цицеронъ не безъ основанія говоритъ (1, 81), что у египтянъ болѣе твердыя представленія о животныхъ, которымъ они поклоняются, чѣмъ у его соотечественниковъ о храмахъ и статуяхъ боговъ. Впрочемъ, и самъ Цицеронъ въ вопросахъ вѣры придерживался философскихъ взглядовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ удержанія всѣхъ жертвоприношеній и обрядовъ старины, потому что этого требовали политическіе и національные интересы. Съ другой стороны, онъ находитъ нужнымъ уничтожить между прочимъ *divinatio*, упуская изъ виду, что это несовмѣстимо съ удержаніемъ старой вѣры. Старая вѣра и греческая философія не могли притти къ единенію.

Въ такомъ положеніи былъ религіозный вопросъ въ Римѣ, когда Цицеронъ составилъ свои три книги *de natura deorum*, которыя вмѣстѣ съ со-

*) Augustin. de civ. D. 4, 27.

**) Cic. de div. 1, 25: *Auspicia, quae quidem nunc a Romanis auguribus ignorantur.*

чиненіями de divinatione и de fato должны были обнять собою всю область философіи религіи. Сочиненіе de natura deorum Цицеронъ закончилъ въ началѣ 44-го года. Источниками для этого труда были сочиненія греческихъ писателей: эпикурейцевъ Зенона и Федра, стоика Посидонія и приверженца новой академіи Клитотомаха. Хотя этотъ трудъ далеко не свободенъ отъ ошибокъ и недостатковъ, но онъ имѣетъ большую важность, потому что представляетъ собою самый доступный и полный литературный памятникъ древности по вопросу о философіи религіи, а преимущественно о природѣ боговъ и ихъ отношеніи къ человѣку.

Содержаніе 1-ой книги. Первая книга начинается обращеніемъ къ М. Юнію Бруту. Въ этомъ обращеніи Ц. говоритъ, какой вопросъ трактуется въ сочиненіи, указываетъ на его важность въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ и на большое разногласіе мыслителей на затрогиваемый предметъ (§§ 1—5). Затѣмъ онъ отвѣчаетъ на упреки, во 1) въ томъ, что онъ въ позднемъ возрастѣ принимается за философскіе литературные труды, во 2) въ предпочтеніи, которое онъ оказываетъ академической философіи. Свой отвѣтъ Ц. заканчиваетъ замѣчаніемъ, что отношеніе академіи къ вопросу о богахъ, допускающей только правдоподобіе, не несомнѣнную истину, находитъ себѣ оправданіе въ безконечномъ разнообразіи взглядовъ по этому вопросу (§§ 5—14). Изложеніе имѣетъ діалогическую форму. Академикъ Котта, эпикуреецъ Веллей и стоикъ Бальбъ ведутъ бесѣду о природѣ боговъ. Цицеронъ изображаетъ себя только слушателемъ и говоритъ, что въ предлагаемомъ сочиненіи онъ рѣшилъ изложить эту бесѣду въ качествѣ ея безпристрастнаго и молчаливаго участника (§§ 15—17).

Первымъ говоритъ эпикуреецъ Веллей съ точки зрѣнія той школы, къ которой принадлежитъ. Послѣ нѣсколькихъ брошенныхъ мимоходомъ упрековъ Платону и стоикамъ, взгляды которыхъ на божество, какъ создателя міра, и на божественность вселенной называются вздоромъ и осмѣиваются (§§ 18—24), Веллей обращается къ критическому обозрѣнію взглядовъ на обсуждаемый вопросъ, начиная съ Фалеса до стоика Діогена Вавилонскаго (§§ 25—41). Упомянувъ вкратцѣ о мифахъ, созданныхъ поэтами, и странныхъ представленіяхъ нѣкоторыхъ иноземныхъ народовъ (§§ 42—43), онъ обращается въ изложенію ученія Эпикура, которое впервые-де, послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, дало удовлетворительное рѣшеніе вопроса. Ученіе Эпикура беретъ исходною точкою доказательства существованія боговъ прирожденное всѣмъ людямъ сознаніе этого существованія. Это же сознаніе свидѣтельствуетъ о блаженствѣ и безсмертіи боговъ. Изъ этого вытекаетъ, что боги и сами не утруждаютъ себя работой и другихъ не заставляютъ трудиться, свободны отъ всѣхъ человѣческихъ страстей и заслуживаютъ поклоненія за свою счастливую и совершенную природу, но не должны возбуждать страха (§§ 44—45). То же врожденное сознаніе, руководимое разсудкомъ, освѣщаетъ и вопросъ о наружномъ видѣ боговъ. Оно говоритъ

намъ, 1) что боги обладаютъ человѣческою наружностью, потому что никто не представляетъ ихъ себѣ въ иномъ видѣ, нѣтъ вида красивѣе и достойнѣе божества, и только съ этимъ видомъ соединенъ разумъ (§§ 46—47), 2) что ихъ тѣло не изъ грубаго вещества, какъ наше, а изъ безконечно нѣжной субстанции, и можетъ быть названо „какъ бы тѣломъ“ и „какъ бы кровью.“ Вслѣдствіе этого оно не постигается нашими чувствами, но только душою, усвояющею себѣ его, благодаря постоянно истекающимъ отъ божества образамъ (§§ 48—49). Дальнѣйшее размышленіе приводитъ къ тому, что, согласно съ закономъ равномернаго распредѣленія, при безконечномъ множествѣ разрушительныхъ силъ есть также безконечное число силъ сохраняющихъ и, при большомъ множествѣ смертныхъ существъ, находится столь же великое множество безсмертныхъ, каковыми могутъ быть только боги (§ 50). Признать со стоиками вселенную за бога или вѣрить въ божество, управляющее міромъ, значитъ обременить бога тяжестью и трудомъ, а это противорѣчитъ понятію о блаженствѣ (§§ 51—52). Да міръ и не нуждается ни въ управленіи, ни въ творцѣ, потому что возникновеніе міра изъ атомовъ обязано природѣ и такимъ образомъ возникаютъ, возникали и будутъ возникать безчисленные міры (§§ 53—54). Взглядъ стоиковъ даетъ людямъ повелители, передъ которыми они должны находиться въ безпрерывномъ страхѣ. Онъ внушаетъ вѣру въ назначеніе, судьбу, предсказанія и т. п., ученіе же Эпикура дѣлаетъ людей свободными, учитъ лишь поклоненію богамъ, но избавляетъ отъ всякаго передъ ними страха (§§ 55—56).

Веллею возражаетъ академикъ Котта. Послѣ нѣсколькихъ любезностей онъ заявляетъ, согласно съ принципами своей школы, что ему легче обнаружить ложность мысли, чѣмъ найти истину, и что въ поднятомъ вопросѣ онъ находится въ положеніи Симонида, которому вопросъ о божествѣ казался все темнѣе, чѣмъ больше онъ размышлялъ надъ нимъ (§§ 57—60). Онъ не сомнѣвается въ существованіи боговъ, но доказательства существованія, приведенныя Веллеемъ, не убѣдительны. Утвержденіе послѣдняго, что всѣ люди вѣрятъ въ боговъ, и какъ доказательство неважно, и несогласно съ дѣйствительностью (§§ 61—64). Неудовлетворительно и сказанное о природѣ боговъ. Ученіе объ атомахъ не выдерживаетъ критики; но, если и допустить это ученіе, а вмѣстѣ съ нимъ и образованіе божества изъ атомовъ, тогда нелогично говорить объ ихъ вѣчности (§§ 65—68). Желая избѣжать этого логически необходимаго вывода, Эпикуръ прибѣгаетъ къ произвольнымъ и непонятнымъ утвержденіямъ. Боги, говоритъ онъ, имѣютъ не тѣло, а какъ бы тѣло; но это „какъ бы тѣло“ совсѣмъ безсмыслица, которую не понимаютъ ни Эпикуръ, ни его послѣдователи (§§ 69—75). Если даже допустить это „какъ бы тѣло“, всетаки нельзя согласиться съ утвержденіемъ о человѣческомъ видѣ боговъ. Котта опровергаетъ по очереди основанія этого утвержденія, при чемъ указываетъ, что далеко не всѣ люди представляютъ себѣ божество въ человѣческомъ видѣ, такъ какъ нѣкоторые поклоняются животнымъ (§§ 76—82). Сверхъ того, вообще недостойно философа ссылаться на такія представленія. Такъ же справедливо было бы утверждать, что боги

носятъ тѣ же имена, которыми мы ихъ называемъ. Если нельзя богамъ приписать человѣческаго вида, что доказано, или какого либо иного, чего желаетъ Эпикуръ, то, пожалуй, Эпикуръ долженъ бы совершенно отрицать ихъ существованіе. Но Эпикуръ не допускаетъ отрицанія изъ боязни и людей и боговъ (§§ 83—86). Утверждать, что только съ человѣческой натурностью соединенъ разумъ, потому что въ другихъ случаяхъ мы его не видимъ, неразумно, потому что нельзя отрицать существованія того, чего мы не постигаемъ своимъ опытомъ (§§ 87—89). Эпикуръ долженъ былъ сказать не то, что боги имѣютъ человѣческой видъ, но наоборотъ, что люди имѣютъ божественный обликъ, такъ какъ боги, будучи вѣчными, существовали раньше людей. На основаніи этого соображенія должно принять, что при возникновеніи изъ атомовъ человѣческаго рода произошелъ такой счастливый случай, что люди вышли похожими на боговъ. Противъ этого утвержденія и спорить не стоитъ (§§ 89—90). Затѣмъ, человѣческой видъ совершенно бесполезенъ для боговъ, у которыхъ нѣтъ тѣхъ нуждъ и потребностей, ради которыхъ человѣкъ обладаетъ разными органами и членами (§§ 91—94). Эпикуръ настаиваетъ на человѣческомъ видѣ, потому что безъ него нельзя представить себѣ боговъ существами разумными и, стало быть, блаженными. Не умно утверждать, будто разумъ присущъ только человѣческому виду (ср. выше §§ 87—88), потому что-де его не видѣли въ другихъ, и приписывать поэтому богамъ члены и органы, не имѣющіе никакой цѣли, такъ какъ боги, по мнѣнію Эпикура, совершенно недѣятельны (§§ 95—102). Допустимъ, что боги имѣютъ человѣческой видъ. Гдѣ-же они живутъ? мнѣняютъ-ли они свое мѣстопребываніе и зачѣмъ? имѣютъ ли какія нибудь стремленія? употребляютъ ли на что свой разумъ? наконецъ, на какомъ основаніи они называются вѣчными и счастливыми? Въ отвѣтъ на всѣ эти вопросы эпикурейцы говорятъ объ образахъ, истекающихъ на наши души отъ боговъ и создающихъ представленіе о вѣчной и блаженной природѣ (§§ 103—105). Образы, которые принадлежатъ только воображенію, справедливо называютъ бредомъ и вздоромъ, и вся эта теорія — пустая болтовня (§§ 106—108). Если утверждать о безсмертіи боговъ на основаніи закона равномернаго распредѣленія, то одинаково справедливо было бы говорить, что есть безсмертные люди, потому что есть смертные, что есть люди, живущіе въ водѣ, потому что есть живущіе на землѣ. Непонятно, наконецъ, какъ могутъ составляться образы изъ атомовъ. Безсмертіе боговъ, такимъ образомъ, остается необъясненнымъ (§§ 109—110). Также и блаженство. Блаженство безъ добродѣтели, а добродѣтель безъ дѣятельности немислимы. Если даже, вмѣстѣ съ Эпикуромъ, блаженство основывать на чувственныхъ наслажденіяхъ, то и такое блаженство немислимо у боговъ Эпикура (§§ 111—112). Остается, стало быть, только отсутствіе боли и сознаніе вѣчнаго, непрерывнаго благополучія. Но и это сомнительно. Именно, непонятно, какъ боги могутъ быть увѣрены въ своей нетлѣнности при непрерывномъ истеченіи изъ нихъ атомовъ, образующихъ образы, и атомовъ, устремляющихся на нихъ. Итакъ, боги Эпикура не блаженны и не вѣчны, и слова его о богопочитаніи одни

только слова, потому что такихъ боговъ нельзя почитать (§§ 113—116). Онъ хвалится, что освободилъ людей отъ суевѣрія. Это, конечно, очень легко, потому что, въ сущности, уничтожена вѣра въ боговъ. Такую славу могутъ себѣ приписывать всѣ атеисты (§§ 117—119). Демокритъ, у котораго Эпикуръ заимствовалъ большую часть своего ученія, приписываетъ богамъ благодѣтельное или вредное вліяніе, а Эпикуръ совершенно уничтожаетъ всякую вѣру. Въ виду этого, Посидоній правъ, говоря, что Эпикуръ вовсе не вѣритъ въ боговъ, а только прикидывается, чтобы не возбудить противъ себя неудовольствія (§§ 120—124).

Содержаніе 2-й книги. Во второй книгѣ Балъбъ излагаетъ ученіе стоиковъ. Онъ дѣлитъ (§ 3) свою рѣчь на четыре части: 1) доказательства бытія боговъ, 2) о природѣ боговъ, 3) доказательства того, что они управляютъ міромъ, и 4) того, что они особенно заботятся о человѣчествѣ.

Вѣра въ боговъ — общая черта всѣхъ людей, и эта вѣра находитъ себѣ основаніе частью въ отдѣльныхъ случаяхъ явленій людямъ божества и проявленія ихъ могущества, частью же въ сообщеніяхъ боговъ съ людьми посредствомъ разныхъ видовъ дивинаціи (§§ 4—12). Клеанъ приводитъ слѣдующія четыре основанія происхожденія вѣры въ боговъ у людей: 1) предвѣдѣніе будущаго, 2) созерцаніе тѣхъ благъ, которыя доставляетъ человѣку устройство міра, 3) наблюденія величественныхъ, а частью страшныхъ и грозныхъ явленій природы, 4) созерцаніе чуднаго порядка и красоты небесныхъ тѣлъ и ихъ движеній, которое привело къ признанію руководящаго ими существа (§§ 13—15). Затѣмъ вкратцѣ приводятся логическія посылки Хризиппа: Если устройство вселенной и ея вѣчный порядокъ не могли быть созданы силою человѣческой мудрости, то, естественно, создавшее его существо выше человѣка. Существомъ выше человѣка могутъ быть только боги, потому что кромѣ нихъ нельзя себѣ представить ничего, что было бы выше человѣка, обладающаго высшимъ преимуществомъ — разумомъ. Если, стало быть, есть что нибудь высшее, чѣмъ человѣкъ (было бы сумасбродствомъ отвергать это), то, конечно, это боги (§ 16). Неразумно думать, что міръ составляетъ жилище только человѣка, не доставляя въ то же время жительства и для высшихъ существъ (§ 17). И разумъ человѣческой заставляеть предполагать высшій, божественный разумъ, отъ котораго онъ происходитъ. Какъ все, что составляетъ человѣческое тѣло, беретъ свое начало отъ существующихъ въ мірѣ элементовъ, такъ и лучшее въ человѣкѣ — его мыслящій умъ происходитъ отъ существующаго во вселенной мыслящаго существа. Ненослѣдовательно думать объ этомъ иначе и, приписывая происхожденіе всего въ человѣкѣ міру, отнимать отъ него происхожденіе нашей лучшей части — разума (§ 18). Наконецъ, мудрое устройство міра, связь и соотношеніе всѣхъ его частей между собою заставляеть, по необходимости, признать существованіе божественной души, всѣмъ управляющей и руководящей (§ 19). Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько краткихъ изреченій Зенона, повторяющихъ сущность вышесказаннаго, въ видѣ силлогизмовъ, основанныхъ на здоровомъ смыслѣ (§§ 20—22), а потомъ подробное

изложеніе съ точки зрѣнія физики стоиковъ. Вся растительная и животная жизнь въ мірѣ основывается на теплотѣ. Только теплотѣ и огню присущи самостоятельныя движенія и дѣятельность; жизнь есть опредѣленный, равномѣрный процессъ дѣятельности, исходящій отъ пребывающей въ живущемъ теплоты, которая распределѣна и по всему міру (§§ 23—24). Всеобщее распространеніе теплоты видно изъ того, что мы ее находимъ во всѣхъ главныхъ видахъ матеріи, въ такъ называемыхъ четырехъ стихіяхъ — въ землѣ, водѣ, воздухѣ и огнѣ. Слѣдовательно, теплота есть принципъ жизни всей вселенной (§§ 25—28). Этотъ принципъ долженъ быть мыслимъ, какъ нѣчто сознательное и разумное. Такъ какъ во всякомъ составномъ существѣ есть нѣчто высшее, управляющее (*ἡγεμονικόν*), которому подчинены остальные части, то и во вселенной есть нѣчто высшее. Въ отдѣльныхъ, подчиненныхъ частяхъ міра есть разумъ; стало быть, и высшее въ мірѣ должно имъ обладать; значить, и вселенная и всю ее проникающій и оживляющій принципъ разумны. Значить, вселенная, проникнутая и оживленная этимъ принципомъ, — существо разумное, божественное, обладающее божественною силою (§§ 29—30). Этотъ принципъ — теплота*), но въ гораздо болѣе чистомъ видѣ и болѣе сильная, чѣмъ существующая въ земныхъ предметахъ и дающая жизнь и сознаніе людямъ и животнымъ, а потому гораздо болѣе чувствительная, сознательная и мыслящая. Побужденіе къ дѣятельности лежитъ не внѣ ея, а въ ней самой. То, что само дѣятельно, не получая импульса извнѣ, по ученію Платона, есть душа. Стало быть, теплота есть душа вселенной, и вселенная должна быть разсматриваема, какъ воодушевленное существо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разумное, потому что, если бы вселенная, будучи лучше отдѣльныхъ живущихъ въ ней существъ, не была разумной, то часть ея — человѣкъ, существо разумное, имѣлъ бы преимущество передъ ней (§§ 31—32). Сверхъ того бытіе боговъ доказывается и тѣмъ, что въ мірѣ существа слѣдуютъ одно за другимъ по совершенству своей природы: животное, обладая способностью чувствовать и двигаться, возвышается надъ растительнымъ міромъ, который только питается и растетъ, а разумный человѣкъ — надъ животнымъ. И надъ животнымъ, обладающимъ далеко не совершеннымъ разумомъ, должна быть высшая ступень, обладающая разумомъ совершеннымъ. Эта ступень и есть божество, т. е. вселенная, совершенство которой полно и не встрѣчаетъ ни препятствій, ни задержекъ (§§ 33—36). Вселенная, обладающая совершенствомъ, все собою обнимающая, не можетъ имѣть недостатка въ томъ, что лучше всего въ мірѣ, въ разумѣ, должна быть совершенна во всѣхъ отношеніяхъ; значить, должна быть разумной и божественной (§§ 37—39).

Затѣмъ доказывается, что и звѣзды божественны, потому что онѣ состоятъ изъ тончайшаго эѳира, т. е. огненной матеріи, и, стало быть, должны быть живыми, чувствующими и мыслящими существами. Прежде всего это

*) Три вида ея: 1) *ardor caelestis, qui aether vel caelum nominatur* (§ 41). 2) *ignis corporeus* (§ 41) или *hic noster calor, quo haec, quae nota nobis sunt, retinentur et vigent* (§ 30). 3) видимый огонь, *confectior consumptorque omnium* (§ 41).

относится къ солнцу (§§ 40—41), а затѣмъ и къ остальнымъ звѣздамъ (§ 42). Это же можно заключить по порядку и правильности ихъ движеній, которыя должны быть признаны добровольными и разсчитанными по разумному плану и должны также служить доказательствомъ ихъ божественности (§§ 43—44).

Вторая часть разсматриваетъ вопросъ о природѣ боговъ. И въ первомъ отдѣлѣ данъ уже отчасти отвѣтъ на этотъ вопросъ. Сознвая, что божество должно быть живымъ, а затѣмъ самымъ совершеннымъ существомъ въ мірѣ, мы, по необходимости, должны признать таковымъ вселенную (§ 45). Слѣдуетъ полемическое замѣчаніе противъ эпикурейцевъ, которые смѣялись надъ шаровиднымъ богомъ и сомнѣвались въ шаровидности вселенной (§§ 46—53). При этомъ повторяется изъ предыдущаго доказательство божественности звѣздъ, основанное на правильности ихъ движеній (§§ 54—56). Въ связи съ этимъ повтореніемъ Бальбъ приводитъ опредѣленіе природы божества со словъ стоика Зенона. Божество (= natura § 57) есть творческій огонь, дѣйствующій разумно и цѣлесообразно. Его можно назвать, по дѣятельности во вселенной, міровой душою или провидѣніемъ, потому что это разумная сила, всюду заботящаяся о цѣлесообразности, устойчивости и красотѣ (§§ 57—58). Кромѣ міра и свѣтилъ умные мужи приняли еще и другихъ боговъ. Многіе полезные предметы, дары боговъ, называются божескими именами, напр. вино Либеромъ, хлѣбъ Церерой. Также и отношенія, въ которыхъ видно особенное вліяніе божества, какъ Доблесть, Вѣрность, Разумъ, Честь, Согласіе и др.; наконецъ, и выдающіеся люди обоготворены за свои заслуги (§§ 59—62). Сверхъ того олицетворены силы природы: естественныя явленія облечены въ аллегоріи, отчего произошло большое число боговъ и миѳовъ (§§ 63—70). Неразумно понимать все это буквально, и просвѣщенный человѣкъ будетъ набожно поклоняться всѣмъ этимъ богамъ, какъ божеству, дѣйствующему въ различныхъ частяхъ вселенной (§§ 71—72).

Въ третьей части доказывается, что міромъ управляетъ божественное провидѣніе. Послѣ краткаго замѣчанія противъ эпикурейцевъ и противъ насмѣшки Веллея, назвавшаго (1, 18) провидѣніе вѣщей старухой (§§ 73—75), Бальбъ приводитъ три доказательства своего тезиса.

Во первыхъ, если допустить существованіе боговъ, и если они обладаютъ той совершенной природой, какъ было сказано выше, то для ихъ дѣятельности нѣтъ болѣе достойнаго поприща, какъ управленіе міромъ (§§ 76—80). Второе доказательство исходитъ изъ созерцанія міровой гармоніи и порядка. Всѣ отдѣльные предметы и части міра подчинены природѣ и управляются разумной и сознательной силой, дѣйствующей съ величайшимъ искусствомъ и мудростью. Стало быть, и цѣлая вселенная подчинена той же силѣ (§§ 81—86). Всякій человѣкъ, созерцающій устройство вселенной, вынужденъ признать, что міромъ управляетъ разумная, божественная сила (§§ 87—90). Третье доказательство: удивительный порядокъ, цѣлесообразность и красота вселенной приводятъ къ тому же заключенію. Бальбъ нападаетъ на эпикурейцевъ, объясняющихъ чудо творенія случайнымъ соединеніемъ атомовъ, и прибавляетъ, что привычка къ окружающей

человѣка картинѣ лишаетъ его возможности сознательно видѣть величіе природы (§§ 91—97). Земля и вся ея природа (§§ 98—101), небо и звѣзды (§§ 102—115), гармоническое соединеніе всѣхъ частей вселенной для поддержки цѣлаго (§§ 116—119) ясно доказываютъ господство божественнаго провидѣнія. То же доказываютъ чудеса растительной и животной жизни (§§ 120—129) и полная цѣлесообразность во всей природѣ, которая, очевидно, имѣетъ въ виду выгоду человѣка (§§ 130—133).

Четвертая часть (§§ 133—167) говоритъ объ особенной заботливости боговъ о человѣкѣ, которая прежде всего видна въ искусномъ построеніи тѣла и, въ особенности, въ превосходствѣ человѣка надъ другими земными созданіями, благодаря умственнымъ дарованіямъ, разуму, который дѣлаетъ его способнымъ созерцать небо и познавать боговъ. Отсюда благочестіе и всѣ другія добродѣтели, которыя дѣлаютъ людей настолько подобными богамъ, что послѣднимъ остается чуть ли не одно преимущество передъ людьми — безсмертіе (§§ 133—153). Все въ мірѣ создано ради людей (§§ 154—161). Также и различные способы проявленія воли божества посредствомъ дивинаціи, служившіе раньше (§§ 7—12) доказательствомъ бытія боговъ, доказываютъ заботу послѣднихъ о людяхъ (§§ 162—163). Боги заботятся не только о всемъ человѣчествѣ, но и о частяхъ его и объ отдѣльныхъ людяхъ. Ни одинъ изъ великихъ людей не былъ бы таковымъ безъ божіей помощи (§§ 164—167). Бальбъ оканчиваетъ свою рѣчь обращеніемъ къ Коттѣ, чтобы послѣдній употребилъ свою діалектическую ловкость и краснорѣчіе лучше на защиту этихъ взглядовъ, чѣмъ на разсужденіе противъ вѣры въ боговъ (§ 168).

Содержаніе 3-й книги составляетъ критика ученія стоиковъ, сдѣланная послѣдователемъ новой академіи Коттою. Прежде чѣмъ приступить къ разбору положеній Бальба, Котта заранѣе отклоняетъ возможное подозрѣніе, что онъ не раздѣляетъ вѣры предковъ. Онъ всецѣло ей преданъ, но для него религія дѣло вѣры, не науки. Поэтому всѣ его возраженія будутъ направлены противъ опыта стоиковъ — превратить вѣру доводами разсудка въ знаніе. Доводамъ Бальба онъ не приписываетъ никакой доказательной силы (§§ 1—5). Сначала онъ обращается къ доказательствамъ стоиковъ бытія боговъ, напоминаетъ, что Бальбъ, начиная говорить объ этомъ (2, 24), сказалъ, что это положеніе не пуждается въ доказательствахъ, но всетаки приводилъ разныя доказательства и этимъ могъ только возбудить сомнѣніе; очевидность не пуждается въ доводахъ. Бальбъ ссылается на вѣру народовъ, но въ это доказательство онъ и самъ не вѣритъ и оно не научно (§§ 6—10). Примѣры мнимыхъ явленій боговъ и сказанное о проявленіи воли божества посредствомъ дивинаціи также не могутъ имѣть притязанія на достовѣрность и доказательную силу (§§ 11—15). Это соображеніе устраняетъ первое основаніе Клеанѳа, опирающееся также на дивинаціи. Другое его доказательство, основанное на впечатлѣніи отъ величественныхъ и грозныхъ явленій природы, тоже несостоятельно. Правда, народъ смотритъ на эти явленія, какъ на дѣйствія силы боговъ, но изъ этого не слѣдуетъ,

чтобы такъ было и въ дѣйствительности (§§ 16—17). Разсмотрѣніе двухъ другихъ положеній Клеанѳа откладывается до времени разсмотрѣнія вопроса о божественномъ провидѣніи, но часть третьей книги, заключающая въ себѣ разсужденіе объ этомъ, затеряна. Въ эту же затерянную часть отложено и разсмотрѣніе вопроса о міровой душѣ (§ 18). Разсужденія Бальба о природѣ боговъ могутъ только склонить къ сомнѣнію въ существованіи послѣднихъ. По его словамъ, вселенная есть богъ, потому что нѣтъ ничего совершеннѣе ея; но, если послѣднее правда, то всетаки изъ совершенства міра вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ воодушевленъ, разуменъ и, стало быть, богомъ (§§ 20—23). Также и въ правильности движеній звѣздъ нельзя видѣть признака ихъ божественности; не менѣе правильности наблюдается въ наступленіи прилива и отлива, даже въ приступахъ перемежающейся лихорадки (§ 24). Заключеніе Хризиппа, что, если вселенная не могла быть создана человѣческимъ разумомъ, должны быть высшія существа — боги, произвольно и основано на смѣшеніи разума и силы природы (§§ 25—26). Человѣческая душа не отъ міровой души, но созданіе природы, равнымъ образомъ какъ и гармоническая связь вселенной (§§ 27—28). Затѣмъ слѣдуетъ доказательство Карнеада: никакое существо, обладающее тѣломъ, живущее и чувствующее, не можетъ быть вѣчнымъ и безсмертнымъ (§§ 29—34), и огонь, или теплота, которую стоики разсматриваютъ какъ живое существо и источникъ всей жизни, не можетъ быть непреходящимъ, потому что, по ихъ взгляду, нуждается въ пищѣ (§§ 35—37). Понятіе о добродѣтели, которая имѣетъ мѣсто только въ человѣческихъ отношеніяхъ, не примѣнимо къ божеству; съ другой стороны, нельзя себѣ представить божества безъ добродѣтели (§§ 38—39).

Если и допустить, что вселенная есть богъ, неразумно допускать множество боговъ, какъ это дѣлаютъ стоики. Въ длинномъ отступленіи Котта говоритъ о безпредѣльномъ числѣ боговъ народныхъ и созданныхъ мифологическими баснями (§§ 40—50). Если признавать звѣзды богами, то нѣтъ основанія не признавать боговъ въ радугѣ, облакахъ, вѣтрахъ и другихъ явленійхъ; если видѣть боговъ въ землѣ и морѣ, то и всѣ части ихъ — рѣки, ручья и пр. суть также боги (§§ 51—52). Нѣкоторые ученые думаютъ, что главные народные боги — это люди сѣдой старины, которыхъ народъ обоготворилъ по своему неразумію. Въ интересѣ религіи должно бороться съ этимъ утвержденіемъ, но стоики, видя въ этихъ богахъ и мифахъ о нихъ аллегоріи, толкуютъ ихъ и этимъ придаютъ еще большее значеніе этимъ утвержденіямъ (§§ 53—60). Не трудно опровергнуть ихъ взгляды. Эти боги или неодушевленные предметы, свойства и отношенія, или силы природы (§§ 61—64).

Съ § 65 начинается критика ученія стоиковъ о провидѣніи и управленіи имъ вселенною. Весь этотъ отдѣлъ не дошелъ до насъ, равнымъ образомъ и начало четвертой части, заключающей въ себѣ разборъ мнѣнія стоиковъ объ особой заботливости боговъ о людяхъ.

Разумъ, который Бальбъ называетъ лучшимъ даромъ божества (2, с. 61), благо весьма сомнительнаго качества; онъ скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ для людей, употребляющихъ его часто во зло (§§ 66—78). Если бы боги желали добра людямъ, то сдѣлали бы ихъ добрыми и мудрыми или, по крайней мѣрѣ, заботились бы о благополучіи добрыхъ и мудрыхъ людей (§§ 79—80). На дѣлѣ этого не бываетъ, опытъ не указываетъ на справедливость боговъ, и, если бы не совѣсть, руководящая жизнью, то въ такомъ положеніи дѣла находилось бы прямо псбужденіе къ дурному (§§ 81—85). Въ виду этого, не можетъ быть рѣчи объ особой заботливости боговъ о людяхъ (§§ 86—93).

Въ заключеніе Котта говорить, что вся его рѣчь вовсе не имѣла въ виду отрицать боговъ, но только доказать, какъ трудно достигнуть яснаго пониманія природы боговъ. Цицеронъ же прибавляетъ, что ему правдоподобнѣе показались мнѣнія Бальбы, Веллею же мнѣнія Котты (§ 94).

О ПРИРОДѢ БОГОВЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I. (1) Любезный Брутъ. Какъ вообще въ философіи много вещей, недостаточно истолкованныхъ, такъ въ особенности труденъ и темень, о чемъ ты и самъ отлично знаешь, вопросъ о природѣ боговъ. Разъясненіе же этого вопроса, съ одной стороны, прекрасно для самопознанія духа¹⁾, съ другой, необходимо для правильного устройства богопочитанія. Мнѣнія ученыхъ столь разнообразны и столь противорѣчивы, что это должно служить сильнымъ доказательствомъ того, что причина и источникъ философіи есть «незнаніе»²⁾, и что академики поступали благоразумно, не давая своего заключенія въ спорныхъ предметахъ³⁾. Вѣдь, есть ли что нибудь предосудительнѣе легкомысленнаго сужденія? и есть ли что нибудь столь легкомысленное, столь недостойное твердости и постоянства мудраго, какъ имѣть ложныя представленія или же, нисколько не колеблясь, защищать то, что воспринято и узнано недостаточно надежно?

(2) Такъ, напримѣръ, въ нашемъ вопросѣ большинство утвер-

¹⁾ Познаніе бога ведетъ въ сознанію божественности человѣческаго духа. Ср. Tusc. 5, 25, 70.

²⁾ Философія, т. е. стремленіе къ знанію, вызывающее всестороннее изслѣдованіе вопроса, имѣетъ своимъ основаніемъ незнаніе.

³⁾ По мнѣнію академиковъ, въ рѣшеніи всякаго вопроса можно достигнуть не достовѣрности, а только правдоподобія. Сократъ говорилъ, что знаетъ лишь то, что ничего не знаетъ. Аркесилай отвергалъ и это (Cic. Acad. 1, 75).

ждало, — что и наиболѣе правдоподобно и къ чему мы всѣ приходимъ по указанію природы, — что боги существуютъ. Протагоръ¹⁾ сомнѣвается въ этомъ, а Діагоръ²⁾ милійскій и Θεодоръ³⁾ киренейскій полагали, что совершенно нѣтъ никакихъ боговъ. Да и тѣ, которые признали существованіе боговъ, находятся въ такомъ разнорѣчии и несогласіи, что весьма трудно перечислить ихъ мнѣнія. Именно, много говорится о видѣ боговъ, объ ихъ мѣстожительствѣ и дѣятельности, и объ этихъ вопросахъ идетъ споръ между философами при величайшемъ разногласіи; а что всего болѣе касается сущности вопроса, пребываютъ ли они въ праздности, ничего не дѣлая, и нисколько не пекутся и не руководятъ міромъ, или, наоборотъ, ими и притомъ съ самага начала все сотворено и устроено, и на вѣчное время они всѣмъ управляютъ и все приводятъ въ движеніе, — объ этомъ въ особенности велико разногласіе. Если это не разсудить обстоятельно, то, по необходимости, люди должны находиться въ величайшемъ заблужденіи и въ крайнемъ невѣдѣніи о величайшихъ вещахъ.

II. (3) Есть философы, и прежде были такіе, которые полагаютъ, что боги не имѣютъ совершенно никакого попеченія о человѣческихъ дѣлахъ⁴⁾. Если ихъ мнѣніе справедливо, то какое можетъ быть благочестіе, набожность, какое почитаніе боговъ? Вѣдь все это тогда лишь должно воздавать богамъ чистымъ сердцемъ и съ благоговѣніемъ, если это ими примѣчается и если безсмертные боги удѣляютъ что-нибудь человѣческому роду. А если боги и помочь намъ не могутъ или не хотятъ, и, вообще, не заботятся и не замѣчаютъ, что мы дѣлаемъ,

1) Протагоръ родился въ Абдерѣ (на южн. берегу Эракии) въ первой половинѣ V в. до Р. Х., одинъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ греческихъ софистовъ. За атеистическое сочиненіе *περί θεῶν* онъ былъ изгнанъ изъ Аѳинъ, а экземпляры его сочиненія сожжены на площади. Онъ утверждалъ, что нѣтъ положительнаго знанія, что наши знанія суть только субъективныя представленія и мысли. Въ этомъ же смыслѣ онъ высказывался въ вопросѣ о вѣрѣ въ боговъ.

2) Diagogas Melius (съ о-ва Melus, одного изъ Цикладскихъ), современникъ Протагора и Сократа, ученикъ атомиста Демокрита. Боясь осужденія за атеизмъ (ниже § 63), онъ бѣжалъ изъ Аѳинъ и умеръ въ Коринѣ.

3) Θεодоръ изъ Кипра, послѣдователь киренейской философіи, основанной Аристиппомъ, отрицалъ существованіе боговъ и утверждалъ, что нравственные законы создались по уговору людей между собой, для сдерживанія массы.

4) Намекъ на эпикурейцевъ.

и ничего отъ нихъ не можетъ истекать въ человѣческую жизнь, то какое же намъ основаніе воздавать безсмертнымъ богамъ почитаніе, приносить жертвы, возсылать молитвы? Подъ видомъ же лицемѣрнаго притворства не можетъ замѣчаться благочестія, а равнымъ образомъ и другихъ добродѣтелей; по необходимости, вмѣстѣ съ нимъ должна уничтожиться набожность и религія, а съ ихъ уничтоженіемъ должно послѣдовать смятеніе въ жизни человѣческой и великое неустройство. (4) Да и врядъ ли съ уничтоженіемъ религіознаго чувства къ богамъ не уничтожилось бы также довѣріе, связь человѣческаго рода и превосходнѣйшая добродѣтель — чувство справедливости.

Есть и иные великіе философы¹⁾, которые полагаютъ, что разумъ и промыслъ боговъ управляютъ и руководятъ всей вселенной, и что сверхъ того боги сильно заботятся о человѣческой жизни. Именно, они думаютъ, что плоды и прочее, что производитъ земля, и состояніе погоды, а также различіе временъ года и перемѣна воздуха, вслѣдствіе чего все, раждаемое землей, вырастаетъ и созрѣваетъ, — что все безсмертные боги удѣлили для пользы рода человѣческаго. Они приводятъ много соображеній, о которыхъ будетъ сказано въ этихъ книгахъ, такого рода, что изъ нихъ становится почти нагляднымъ, что безсмертные боги даровали это для пользованія людямъ. Карнеадъ²⁾ написалъ противъ нихъ много возраженій, такъ что побудилъ къ изслѣдованію истины всѣхъ людей нелѣпнаго ума: (5) ничего, вѣдь, нѣтъ, въ чемъ бы до такой степени не сходились между собой не только неученые, но даже ученые. Такъ какъ мнѣнія ихъ столь различны и столь несогласны между собой, то, конечно, можетъ статься, что всѣ они ложны, но несомнѣнно, что справедливое можетъ быть только одно.

III. Мы можемъ въ этомъ вопросѣ благосклонныхъ порицателей успокоить, а завистливыхъ хулителей опровергнуть, да такъ, что одни раскаются въ своемъ порицаніи, а другіе будутъ радоваться, что научились. Тѣхъ вѣдь, которые дружески наставляютъ, должно про-

¹⁾ Зенонъ и стоики.

²⁾ Карнеадъ, родомъ изъ Кипра, въ полов. 2 в. до Р. Х., основатель третьей академіи. Онъ принималъ участіе, со стоикомъ Діагоромъ и перипатетикомъ Критолаемъ, въ извѣстномъ посольствѣ въ Римъ о сложеніи штрафа съ аѳинянь. Читанія его въ Римѣ дали толчекъ къ занятіямъ философіей, діалектикой и риторикой. Онъ оспаривалъ мнѣнія стоиковъ и главы ихъ Хризиппа.

свѣщать, а тѣхъ, которые нападаютъ враждебно, должно отразить. (6) Вижу я, что о моихъ сочиненіяхъ, большое число которыхъ я издалъ въ короткое время, пошелъ большой разговоръ и разнообразныя сужденія. Одни удивляются, откуда у меня явилось вдругъ это рвеніе заниматься философіею, другіе любопытствуютъ, что о какомъ предметѣ я считаю достовѣрнымъ. Для многихъ также, какъ я слышалъ, кажется удивительнымъ, что мнѣ преимущественно нравится такая философія¹⁾, которая, «отнимая свѣтъ, застилаетъ вещи словно ночью», и что мы приняли на себя неожиданную защиту ученія покинутого и давно уже брошеннаго. Между тѣмъ я и не вдругъ сталъ заниматься философіей и не мало потратилъ труда и заботъ на это занятіе съ начала юности; да и всего больше я занимался философіей въ то время, когда, по видимому, я это дѣлалъ всего менѣе. Это ясно показываютъ какъ мои рѣчи, наполненныя изреченіями философовъ, такъ и близкія связи съ ученѣйшими людьми, которыми всегда домъ нашъ славился, такъ и извѣстные учителя: Діодотъ²⁾, Филонъ³⁾, Антиохъ⁴⁾, Посидоній⁵⁾, у которыхъ я учился. (7) И если всѣ философскія предписанія примѣнять къ жизни, то, полагаю, и въ общественныхъ, и въ частныхъ дѣлахъ я совершилъ то, что предписывало мнѣ систематическое изученіе науки.

IV°. Если же кто нибудь спросить, что за причина побудила насъ столь поздно писать эти философскія разсужденія, то нѣтъ ни-

1) Имѣется въ виду академія. См. гл. I прим. 3.

2) Діодотъ — стоикъ, жившій много лѣтъ въ домѣ Цицерона и оставившій ему въ наслѣдство свое состояніе въ 100000 сестерцій. Acad 2, 115. Tusc. 5, 113. ad Att 2, 20, 6.

3) Филонъ — академикъ, родомъ изъ Лариссы въ Фессаліи, ученикъ Клитомаха и, по его смерти, глава академіи. Вслѣдствіе безпокойствъ, причиняемыхъ войною съ Митридатомъ, онъ переселился въ Римъ, сблизился съ Цицерономъ и сталъ его наставникомъ въ ученіи академіи (не должно его смѣшивать съ Филономъ александрийскимъ, род. ок. 20 г. до Р. Х., основателемъ александрийской философіи).

4) Антиохъ изъ Аскалона, ученикъ Филона, но не послѣдователь его. Онъ былъ въ Аѳинахъ учителемъ Цицерона, Варрона, Пизона. Его эклектическое ученіе составлено изъ ученій Платона, Аристотеля и стоиковъ.

5) Посидоній, самый замѣчательный изъ современныхъ Цицерону стоиковъ, родомъ изъ Арамеа въ Сирии, род. около 135 г. до Р. Х., извѣстенъ подъ названіемъ родосскаго. Цицеронъ слушалъ его въ Родосѣ и впоследствии былъ съ нимъ въ перепискѣ.

чего легче, на что мы могли бы отвѣтить. Меня утомляла бездѣтельность, а положеніе государства было таково, что, по необходимости, имъ долженъ былъ управлять умъ и попеченіе одного человѣка¹⁾. Поэтому я рѣшилъ прежде всего, ради самого государства, изложить философію на пользу своимъ соотечественникамъ, полагая, что для чести и славы государства весьма важно, чтобы и въ латинской литературѣ заключались столь важныя и прекрасныя вещи. (8) Я не сожалѣю о своемъ предпріятіи, тѣмъ болѣе, что легко замѣчаю, сколь многихъ черезъ это побудилъ я не только ревностно учиться, но и писать. Именно, весьма многіе, получившіе образованіе отъ греческихъ учителей, не могли сообщить своимъ согражданамъ того, чему научились, потому что не надѣялись, чтобы можно было выразить по латыни то, что они получили отъ грековъ. Въ этомъ отношеніи я, какъ мнѣ кажется, успѣлъ настолько, что греки не превосходятъ меня даже богатствомъ словъ²⁾. (9) Обратиться къ этимъ занятіямъ побудила меня также душевная скорбь вслѣдствіе великаго и тяжкаго удара судьбы³⁾, и еслибы я могъ найти какое нибудь большее облегченіе въ этомъ несчастіи, то не прибѣгнулъ бы преимущественно къ настоящему. Но и этимъ самымъ средствомъ я никоимъ образомъ не могъ воспользоваться лучше, какъ отдавшись не только чтенію книгъ, но также и обработкѣ всей философіи. Всѣ же ея части и всѣ отдѣлы легче всего узнать тогда, когда цѣлыя изслѣдованія объ отдѣльныхъ вопросахъ⁴⁾ изложены будутъ письменно. Есть, вѣдь, какая то удивительная связь и послѣдовательность въ предметахъ, такъ что, видимо, они взаимно переплетаются и всѣ между собою соединены и связаны.

V. (10) Тѣ же, которые допытываются, что я самъ думаю о какомъ либо предметѣ, поступаютъ съ бѣльшимъ любопытствомъ, чѣмъ необходимо; ибо при изслѣдованіи должно справляться не столько о томъ, кто утверждаетъ, сколько объ убѣдительности доказательства. Даже болѣею частью авторитетъ тѣхъ, которые предлагаютъ свои услуги для обученія, вредитъ желающимъ учиться, потому что они перестаютъ

1) Имѣется въ виду диктатура Цезаря.

2) De fin. I, 10. Latinam linguam non modo non inopem, ut vulgo putant, sed locupletiozem etiam esse quam Graecam.

3) Смерть дочери Тулліи.

4) Въ противоположность афористическому способу высказыванія своихъ мыслей.

примѣнять свое собственное сужденіе и считаютъ за истину мнѣніе одобряемаго ими лица. И, по истинѣ, я не одобряю того, что мы знаемъ о пифагорейцахъ, которые, какъ говорятъ, утверждая что-либо въ бесѣдѣ, на вопросъ «почему?» обыкновенно отвѣчали: «самъ онъ сказалъ», а «самъ» былъ Пифагоръ. Столь велико могло быть предвзятое мнѣніе, что авторитетъ имѣлъ силу даже безъ доказательства! (11) Тѣмъ-же, которые удивляются, что мы послѣдовали преимущественно ученію академіи, мы, кажется, достаточно отвѣтили въ академическихъ книгахъ¹⁾. Да и приняли мы на себя защиту не оставленнаго и не покинутаго ученія, ибо со смертью людей не погибаютъ также и мысли ихъ, но онѣ, быть можетъ, нуждаются только въ освѣщеніи со стороны ихъ представителя. Такъ и этотъ философскій методъ — разсуждать противъ всѣхъ положеній и ни объ одномъ предметѣ не высказывать прямо своего мнѣнія — получилъ начало отъ Сократа, а возобновленный Аркесилаемъ²⁾ и подкрѣпленный Карнеадомъ³⁾, имѣлъ силу вплоть до нашего времени; но теперь, я сознаю это, почти осиротѣлъ въ самой Греціи⁴⁾. Полагаю, что это такъ случилось не по винѣ академіи, но отъ вялости человѣческаго ума. Ибо, если великое дѣло постигнуть отдѣльныя ученія, то насколько большее узнать ихъ всѣ? а это необходимо дѣлать тѣмъ, которые ради отысканія истины положили себѣ говорить, какъ противъ, такъ и за всѣхъ философовъ⁵⁾. (12) Я не утверждаю, что я достигъ совершенства въ этомъ столь великомъ и столь трудномъ дѣлѣ, но откровенно говорю, что я стремился къ нему. При этомъ однако невозможно, чтобы тѣ, которые придерживаются этого философскаго метода, не имѣли ничего, чему бы могли слѣдовать. Вообще, объ этомъ дѣлѣ сказано обстоятельнѣе въ другомъ мѣстѣ⁶⁾; но, такъ какъ нѣкоторымъ людямъ, которые слишкомъ ограничены и непонятливы, требуется, повидимому, частое напоминаніе, то еще разъ объявляю, что мы не изъ тѣхъ, которые полагаютъ, что ничего нѣтъ истиннаго, но изъ тѣхъ, которые утверждаютъ,

¹⁾ Academica, въ началѣ 45 г. до Р. X.

²⁾ Аркесилай изъ Pitane, на мизійскомъ берегу Малой Азіи, въ первой половинѣ III-го в. до Р. X. Ср. Cic. de orat. 3, 67.

³⁾ См. выше прим. къ § 4.

⁴⁾ Со смертью Филона.

⁵⁾ Чтобы изъ разсужденій pro и contra найти, что всего ближе къ истинѣ.

⁶⁾ Въ Academica и off. 2, 2, 7.

что со всякой истиной соединяется нѣчто ложное и съ такимъ подобіемъ правды, что нѣтъ никакого надежнаго критерія для составленія окончательнаго рѣшенія¹⁾.

VI. (13) Но, чтобы освободить себя отъ злословія, пора изложить мнѣнія философовъ о природѣ боговъ. По этому случаю нужно, повидимому, созвать всѣхъ²⁾ разсудить, которое изъ нихъ истинно. Тогда уже академія представится мнѣ упрямою, если всѣ согласятся на одно, или окажется ктонибудь одинъ, который найдетъ, что истинно. Поэтому мнѣ хочется воскликнуть, какъ въ «Синефебахъ»³⁾: «О боги! о всѣ граждане! о всѣ юноши! я кричу, требую, заклинаю, прошу, умоляю, плачу», — и воскликнуть не о маловажномъ дѣлѣ, какъ тотъ жалуется: «въ государствѣ-де совершаются уголовныя преступленія: любимая отъ любящаго не желаетъ ничего брать», — (14) нѣтъ, а о томъ, чтобы явились, изслѣдовали, вникли: что должно полагать о религіи, благочестіи, набожности, обрядахъ, вѣрности, клятвѣ, что о храмахъ, святыняхъ, торжественныхъ жертвоприношеніяхъ, что, наконецъ, о самомъ птицегаданіи, во главѣ котораго я нахожусь теперь⁴⁾. Все, вѣдь, это должно быть отнесено къ нашему вопросу о безсмертныхъ богахъ. Конечно, столь великое разногласіе ученѣйшихъ людей въ дѣлѣ величайшей важности заставитъ сомнѣваться и тѣхъ самихъ, которые считаютъ себя знающими чтонибудь за достовѣрное.

(15) Какъ часто и въ иное время, такъ особенно я замѣтилъ это тогда, когда у друга моего Г. Котты весьма обстоятельно велась бесѣда о безсмертныхъ богахъ. Во время Латинскихъ праздни-

¹⁾ Послѣ этого въ рукописяхъ находятся слѣдующія слова: „Изъ этого слѣдуетъ такое положеніе (подраз.: для насъ, академиковъ), что вѣроятно многое; хотя и не постигается умомъ, однако руководить жизнью мудраго, потому что имѣетъ нѣкоторый ясный и блестящій, привлекательный видъ“. Слова эти составляютъ, повидимому, позднѣйшую глоссу, лишенную, впрочемъ, послѣдовательности и ясности; изъ недостатка критерія слѣдуетъ не то, что многое вѣроятно, но то, что должно довольствоваться только вѣроятностью.

²⁾ Не академиковъ, qui nullam rem aperte indicant (§ 11), а догматиковъ.

³⁾ Συνηθεῖσι (Συνεφεῖσι — товарищи молодости), заглавіе одной комедіи Цецилія Стація (младшаго современника Плавта, во 2 в. до Р. Х.), съ содержаніемъ изъ греческой жизни (fabula palliata).

⁴⁾ Цицеронъ былъ принятъ въ коллегію авгуровъ въ 53 г. до Р. Х. Ему приписываютъ сочиненіе de auguriis, изъ котораго сохранилось нѣсколько отрывковъ.

ковъ¹⁾ я пришелъ къ нему, по его настоящему зову, и засталъ его сидящимъ въ экседрѣ²⁾ и разсуждающимъ съ сенаторомъ Г. Веллеемъ³⁾, которому тогда эпикурейцы отдавали первенство среди прочихъ нашихъ соотечественниковъ. Тамъ былъ также Кв. Луцилій Бальбъ, который сдѣлалъ такіе успѣхи въ стоической философіи, что его можно было сравнить съ выдающимися въ этомъ отношеніи греками. Котта, лишь только увидѣлъ меня, сказалъ: «Ты явился весьма кстати: у меня съ Веллеемъ поднимается оживленный споръ о важномъ предметѣ, и твое присутствіе, въ виду твоей любимой склонности, весьма кстати».

VI. (16) Я отвѣчалъ: — Да и по моему, пришелъ я, какъ ты говоришь, кстати, потому что васъ здѣсь три главы трехъ философскихъ школъ⁴⁾. Еслибы еще былъ здѣсь М. Пизонъ⁵⁾, то ни одна философская школа, изъ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, которыя теперь въ почетѣ, не осталась бы безъ своего представителя.

На это Котта сказалъ: «Если сочиненіе нашего Антиоха⁶⁾, которое онъ недавно посвятилъ присутствующему здѣсь Бальбу, говоритъ правду, то тебѣ нѣтъ никакого основанія сожалѣть объ отсутствіи друга Пизона. По взгляду Антиоха, стоики съ перипатетиками въ сущности согласны и разнятся только въ словахъ⁷⁾. Желалъ бы я знать, Бальбъ, что ты думаешь объ этомъ сочиненіи?»

— Что я думаю? сказалъ Бальбъ. Я удивляюсь, что Антиохъ, человѣкъ особенно проницательный, не замѣтилъ весьма большой разницы

¹⁾ Feriae Latinae, праздникъ союза латинскихъ городовъ въ честь Юпитера Latiaris, съ жертвоприношеніемъ на Албанской горѣ. Когда союзъ прекратилъ свое существованіе, праздникъ всетаки бывалъ ежегодно (во время Цицерона въ теченіе 4 дней), причемъ срокъ его каждый годъ опредѣлялся консулами, и ежегодно римскіе консулы отправлялись на албанскую гору для принесенія жертвы.

²⁾ Exedra въ частныхъ домахъ — гостиная, доступная солнцу и широко открытая въ перистиль, съ каменными сидѣніями у стѣнъ.

³⁾ Velleius, народный трибунъ въ 90 г., другъ Л. Красса, эпикуреецъ. De orat. 4, 78.; ниже § 58.

⁴⁾ Эпикурейской (Г. Веллей), стоической (Кв. Луцилій Бальбъ) и академической (Котта).

⁵⁾ М. Pupius Piso Calpurnianus, горячій приверженецъ и знатокъ философіи перипатетиковъ.

⁶⁾ Гл. 3, прим. 4.

⁷⁾ De legg. 1, 55.

между стояками, которые различаютъ нравственно хорошее отъ полезнаго не только по названію, но и по цѣлому роду, и между перипатетиками, которые смѣшиваютъ нравственно хорошее съ полезнымъ настолько, что различаютъ ихъ величиною и какъ бы степенями, а не по роду. Это, вѣдь, не маленькое разногласіе въ словахъ, но очень большое въ существенномъ. (17) Но объ этомъ въ иное время, а теперь, если угодно, приступимъ къ тому, что начали.

— Я то же думаю, сказалъ Котта, и, взглянувъ на меня, прибавилъ: — Но, чтобы онъ, пришедшій во время разговора, зналъ, о чемъ идетъ рѣчь, — мы разсуждали о природѣ боговъ; и такъ какъ этотъ вопросъ казался мнѣ, какъ и всегда кажется, весьма темнымъ, то я хотѣлъ узнать у Веллея мнѣніе Эпикура объ этомъ. Поэтому, любезный Веллей, если тебѣ не трудно, повтори, что ты началъ!

— Хорошо, я повторю, хотя онъ пришелъ помощникомъ не мнѣ, а тебѣ. Оба, вѣдь, вы, сказалъ онъ улыбаясь, у того же Филона научились «ничего не знать»¹⁾.

Я сказалъ на это: — О томъ, чему мы научились, будетъ вѣдать Котта, а про меня, пожалуста, думай, что я пришелъ не въ качествѣ помощника ему, а въ качествѣ слушателя и притомъ справедливаго и безпристрастнаго, не связаннаго никакой необходимостью такого рода, чтобы мнѣ, хотя нехотя, должно было защищать какое нибудь опредѣленное мнѣніе.

VIII. (18) Тогда сталъ говорить Веллей, очень самоувѣренно, какъ эти люди²⁾ имѣютъ обыкновеніе, ничего столь не опасаясь, какъ чтобы не показалось, что онъ въ чемъ либо сомнѣвается, словно онъ сейчасъ сошелъ изъ собранія боговъ, изъ эпикурова междумірового пространства³⁾. — Слушайте же, сказалъ онъ: слушайте не невѣрныя и вымышленныя мнѣнія, не о художникѣ и строителѣ міра — платоновомъ богѣ отъ Тимея⁴⁾, и не о вѣщей старухѣ — *прѳονοια* стоекѣ⁵⁾, что по-

¹⁾ Ср. § 1 — *principium philosophiae esse incitiam*. — Seneca epist. 88: *Academici novam induxerunt scientiam — nihil scire*. — Lactant. 3, 14: (*Academica*) *nihil docet, nisi ut scias te nihil scire*.

²⁾ Эпикурейцы.

³⁾ Междуміровое пространство (*intermundia*, переводъ греч. τὰ μετακόσμου) у Эпикура — пространство между безпредѣльными по числу мірами и землею. Въ немъ живутъ боги.

⁴⁾ Тимей, пиеагорейскій философъ, родомъ изъ Южн. Италіи, современникъ Сократа. По Циц. de rep. 1, 16 Платонъ чрезъ него познакомился съ системой Пиеагора и по его имени назвалъ діалогъ о мірозданіи.

⁵⁾ Опроверженіе Веллея, неправильно и съ насмѣшкою приписавшаго стонкамъ не раздѣляемое ими мнѣніе, въ 2 кн. § 73 и слѣд.

латыни можно назвать *providentia* (провидѣніе), да и не о томъ, что сама вселенная, одаренная душою и чувствами, есть круглое, горящее и кружащееся божество — диковинные вымыслы бредящихъ, а не основательно разсуждающихъ философовъ. (19) Ибо какими духовными глазами¹⁾ вашъ Платонъ могъ созерцать мастерство столь великаго дѣла, посредствомъ котораго богъ, какъ онъ изображаетъ, составляетъ и устраиваетъ этотъ міръ? Какое усиліе, какія желѣзные орудія, какіе рычаги, какія машины, какіе, наконецъ, помощники при такомъ великомъ сооруженіи? И какимъ образомъ воздухъ, огонь, вода и земля могли слушаться и повиноваться волѣ зодчаго? А откуда произошли тѣ пять элементовъ, изъ которыхъ образуется остальное и которые удачно приспособляются для дѣйствія на душу и созданія ощущений²⁾. Слишкомъ было бы долго возражать на все это, что, какъ кажется, скорѣе желаемо³⁾, чѣмъ открыто. (20) Но вотъ что достойно награды: онъ (Платонъ), введшій положеніе, что вселенная не только родилась, но почти сдѣлана рукою, онъ же утверждалъ, что что нибудь происшедшее можетъ быть вѣчнымъ. Подумаешь-ли, что онъ хоть, такъ сказать, губами трогалъ физическую науку, то есть науку о природѣ? Ибо какое соединеніе неразруσιμο и какой такой предметъ, у котораго что нибудь не составляетъ конца? И если ваша *прѳоиза*, любезный Луцилій, такова же, какъ богъ Платона, то я опять спрашиваю, о чемъ немного раньше спрашивалъ, о помощникахъ, о машинахъ, обо всемъ устроеніи и приготовленіи всего труда; если же она иная, то почему создала міръ преходящимъ, а не вѣчнымъ, какъ богъ Платона?

IX. (21) Но у обоихъ васъ⁴⁾ спрашиваю: почему строители міра явились вдругъ, проспавъ несчетное число столѣтій? Вѣдь, если міра вовсе не было, столѣтія всетаки были. Я здѣсь разумѣю не тѣ столѣтія, которыя отъ теченія годовъ образуются числомъ дней и ночей, ибо сознаю, что они не могли составляться безъ вращенія міра; но отъ безпредѣльнаго времени была нѣкоторая вѣчность, которую не измѣрляло никакое очертаніе времени, а какова она была пространственно и понять

1) Веллей предупреждаетъ возраженіе, что созданіе міра можетъ быть созерцаемо только духовнымъ взоромъ.

2) Платонъ (Тим. р. 64 А 68 с.) говоритъ о томъ, какъ разнообразныя соединенія элементовъ дѣйствуютъ на органы чувствъ, а черезъ нихъ на душу и вызываютъ ощущенія.

3) Подр. для утверждающихъ это.

4) Люцилій и Платонъ.

невозможно, потому что и въ мысли даже не вмѣщается, чтобы было какое нибудь время, когда никакого времени не было. (22) И вотъ, любезный Бальбъ, я спрашиваю, почему ваша *пробова* ничего не дѣлала въ это столь неизмѣримое время? Труда ли она избѣгала? Но, вѣдь, богъ и непричастенъ никакому труду и никакого труда не было, когда божьему могуществу повиновались всѣ стихіи, небо, огонь, земля, море. Что же за причина была, что богъ, словно эдил¹⁾, пожелалъ украсить міръ блестящими звѣздами? Если для того, чтобы самому лучше жить, то прежде, зная, безпредѣльное время обиталъ онъ во мракѣ, словно въ лачугѣ! А внослѣдствіи, полагаемъ, онъ наслаждался разнообразіемъ, которымъ, какъ видимъ, изукрашено небо и земля? Какимъ это можетъ быть увеселеніемъ для бога? а если бы было таковымъ, то онъ не могъ бы столь долго не имѣть его. (23) Или можетъ быть богъ, какъ вы обыкновенно говорите, устроилъ это ради людей? ради мудрыхъ? Въ такомъ случаѣ столь великое движеніе вселенной создано ради немногихъ. Или можетъ быть ради глупцовъ? Но вѣдь, во-первыхъ, не было основанія оказывать услуги дурнымъ²⁾; затѣмъ, чего же онъ достигъ? всѣ глупцы несомнѣнно самые несчастные, преимущественно потому, что они глупы (ибо что можно назвать большимъ несчастіемъ, какъ глупость?); потомъ, хотя въ жизни много невзгодъ, но мудрые смягчаютъ ихъ, вознаграждая себя выгодами, глупцы же не могутъ ни избѣгать грядущихъ, ни перенести настоящихъ золъ.

X. Тѣ же, которые утверждали, что сама вселенная воодушевлена и мудра, тѣ вовсе не уразумѣли, въ какой видъ можетъ воплотиться естество и разумъ духа; но объ этомъ скажу немного позднѣе, (24) а теперь я только выражу свое удивленіе тупости тѣхъ людей, которые утверждаютъ, что существо воодушевленное, безсмертное и къ тому же блаженное, кругло, потому что Платонъ говоритъ, что нѣтъ никакой болѣе красивой формы³⁾. На мой же взглядъ, напротивъ, форма цилиндра, квадрата, конуса или пирамиды красивѣе. Да и какую жизнь при-

¹⁾ Въ праздничныхъ случаяхъ римскіе эдилы были обязаны заботиться объ украшеніи общественныхъ мѣстъ и объ ихъ освѣщеніи.

²⁾ Глупцы (*stulti*) названы дурными (*improbi*), потому что *improbitas* происходитъ отъ *stultitia* или *insipientia*, т. е. отъ недостатка здраваго сужденія или, иначе, отъ незнанія, что хорошо, что дурно.

³⁾ *Timaeus* p. 33 B. Таково же было мнѣніе Пиеагора, по *Diog. Laert.* VIII, 105.

писываютъ этому круглому богу? Онъ, именно, вращается съ такой быстротой, что равной быстроты и въ мысли даже нельзя себѣ представить¹⁾. Я не вижу, гдѣ именно, при этой быстротѣ, можетъ имѣть опору твердый умъ и блаженство? И почему бы того, что было бы тягостно нашему тѣлу, если бы послѣднее въ малѣйшей степени имъ было надѣлено, не считать тягостнымъ по отношенію къ богу? Земля, вѣдь, составляя часть вселенной, есть, конечно, также часть божества. Однако же мы видимъ, что громаднѣйшія области земли неудобны къ обитанію и невоздѣланы, потому что часть ихъ раскалена вслѣдствіе вліянія солнца, а часть окоченѣла отъ снѣга и инея вслѣдствіе дальняго отстоянія солнца. Такъ какъ эти области суть части міра, то, если міръ есть богъ, должно сказать, что нѣкоторые члены его раскалены, а нѣкоторые окоченѣлые.

(25) Вотъ, любезный Луцилій, вашъ взглядъ, а каковы другіе, я изложу, начавъ съ самаго перваго изъ прежнихъ философовъ. Именно, Фалесъ изъ Милета, первый, дѣлавшій изслѣдованія объ этихъ предметахъ, утверждалъ, что вода есть начало всего, а богъ есть тотъ разумъ, который образовалъ все изъ воды²⁾. Если боги могутъ быть безъ чувства и безъ разума, то зачѣмъ онъ соединилъ съ водою (разумъ, а къ разуму зачѣмъ присоединилъ воду)³⁾, если самъ разумъ можетъ существовать и безъ матеріи⁴⁾? Мнѣніе же Анаксимандра⁵⁾ то, что боги

¹⁾ По представленію древнихъ, около неподвижной земли весь остальной міръ совершаетъ суточное движеніе.

²⁾ Не вполне точно. Фалесъ принималъ за начало всего существующаго воду [ὕδωρ], но видѣлъ въ ней не безжизненную матерію (какъ Анаксагоръ, принимавшій безжизненную матерію и высшій разумъ, см. гл. XI), но одушевленную, которой присуща *δύναμις κινήσεως*. — Фалесъ былъ современникомъ Солона и Креза.

³⁾ Слова, заключенныя въ скобки, — вставка Schoemann-а и Baier-а — дополняютъ существующій въ этомъ мѣстѣ пробѣлъ.

⁴⁾ Слова Веллея направлены не на взглядъ, приписанный Фалесу самимъ Веллемъ, но на тѣсное соединеніе духа или силы и матеріи въ первоначальномъ существѣ. Непослѣдовательность и неясность изложенія искажаютъ смыслъ. Ср. сверхъ того пр. 4-е слѣд. главы.

⁵⁾ Анаксимандръ — землякъ и младшій современникъ Фалеса. Началомъ всего онъ признавалъ „безконечное“ (*τὸ ἄπειρον*), изъ котораго все происходитъ, въ силу присущей безконечному жизненной силѣ, и въ которое все обращается. Подъ безконечнымъ А., вѣроятно, надо понимать первоначальную матерію; само названіе — болѣе философскій терминъ для понятія хаоса, который и качественно неопредѣлимъ и количественно безконеченъ.

имѣютъ начало, раждаясь и умирая въ долгіе промежутки и что они суть безчисленные міры. Но какъ мы можемъ представить себѣ бога, если онъ не вѣченъ? — (26) За нимъ Анаксименъ¹⁾ рѣшилъ, что воздухъ есть богъ, что онъ раждается²⁾, неизмѣримъ, безконеченъ и всегда въ движеніи, какъ будто или воздухъ, безо всякаго вида, можетъ быть богомъ, тѣмъ болѣе, что богу подобаешь имѣть не только какой нибудь, но и прекраснѣйшій видъ, или какъ будто бы смертность постигается не все родившееся.

XI. Затѣмъ Анаксагоръ³⁾, учившійся у Анаксимена⁴⁾, первый утверждалъ, что распредѣленіе и движеніе всей вселенной опредѣляется и совершается силою и прозорливостью безконечнаго разума⁵⁾. При этомъ онъ не замѣтилъ, что безконечное не можетъ имѣть никакой непрерывной движущей силы, соединенной съ сознаниемъ, ни вообще сознанія, посредствомъ котораго оно бы чувствовало, не будучи побуждаемо къ этому самой своей природой⁶⁾. Затѣмъ, если онъ утверждаетъ, что этотъ разумъ есть какъ бы какое-то одушевленное существо, то будетъ внутри нѣчто, отчего существо получить свое имя⁷⁾. Но что внутреннее разума? Слѣдовательно, онъ долженъ быть окруженъ внѣшнимъ тѣломъ. (27) Такъ какъ это Анаксагору не угодно, то непокрытый и простой разумъ, не соединенный ни съ чѣмъ, посредствомъ чего могъ бы ощущать, ускользаетъ, по моему, отъ способности

1) Анаксименъ, родомъ изъ Милета, какъ и оба предыдущіе; по преданію, ученикъ Анаксимандра. Началомъ вселенной А. считалъ воздухъ, который сгущеніемъ (вода, земля, камень) или разжиженіемъ (огонь) образовалъ все существующее.

2) Приписаніе Анаксимену взгляда о раждаемости первоначальнаго, по его мнѣнію, существа, составляетъ непонятную ошибку Веллея.

3) Анаксагоръ изъ Клазоменъ (одинъ изъ 12 городовъ іонянъ въ Малой Азіи, на южн. берегу Смирнскаго залива) родился около 500 г. до Р. Х.

4) Врядъ-ли это вѣрно (Schoemann).

5) Νοῦς.

6) По мнѣнію Эпикура, только матерія можетъ вліять на матерію и производить такимъ образомъ ощущенія. Стало быть, разумъ (Νοῦς), духъ, богъ Анаксагора, вопреки его мнѣнію, не можетъ производить движенія, не можетъ также имѣть ощущенія и сознанія, потому что ощущеніе немислимо безъ импульса извнѣ (*ipsa natura non pulsa*), который можетъ ощущать только матерія, а богъ Анаксагора нематеріаленъ.

7) Сущность понятія animal для эпикурейцевъ состояла въ необходимости двухъ составныхъ частей: души (внутреннее) и тѣла (внѣшнее). Иначе, на ихъ взглядъ, немислимо бытіе.

пониманія нашего ума. — Алкмеонъ изъ Кротона¹⁾ приписалъ солнцу, лунѣ и остальнымъ звѣздамъ, сверхъ того и душѣ божественность, а того не замѣтилъ, что онъ смертнымъ предметамъ придаетъ безсмертіе. И Пифагоръ²⁾, который полагалъ, что есть душа, охватывающая и проникающая всю природу вселенной³⁾, и что отъ нея отдѣляются наши души, не замѣтилъ, что черезъ отдѣленіе человѣческихъ душъ разрывается и разрушается божество и, что, когда души несчастны, чтò выпадаетъ на долю весьма многихъ, несчастна часть божества; а этого быть не можетъ.

(28) Да и почему человѣческая душа не знала бы чего нибудь, если бы она была богомъ? А далѣе, какимъ способомъ этотъ богъ, если онъ только духъ⁴⁾, былъ бы вложенъ или влитъ въ міръ? — Затѣмъ Ксенофанъ⁵⁾, который утверждалъ, что вселенная, обладая разумомъ, кромѣ того, что безконечна, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и богъ, въ разсужденіи самаго разума опровергается также, какъ и прочіе⁶⁾, въ разсужденіи же безконечности еще сильнѣе, такъ какъ въ ней не можетъ быть ничего ни чувствующаго, ни соединеннаго⁷⁾. Парменидъ⁸⁾ со-

1) Алкмеонъ изъ Кротона, младшій современникъ Пифагора. Нѣкоторые считаютъ его ученикомъ послѣдняго. Взгляды его мало извѣстны.

2) Пифагоръ, изъ Самоса, жилъ и училъ въ Великой Греціи, умеръ въ глубокой старости въ Кротонѣ въ 497 г. до Р. X.

3) Матеріальная душа, изъ тончайшаго огненнаго эѳира. Изъ связи надо дополнить при словѣ душа — божественная.

4) Такъ какъ эта душа, по ученію Пифагора, не есть nihil nisi animus, т. е. она матеріальна, то вопросъ Веллея, съ эпикурейской точки зрѣнія, не имѣетъ основанія.

5) Ксенофанъ, изъ Колофона, изгнанный изъ родного города, особенно много времени провелъ въ Нижней Италиі; современникъ персидскихъ войнъ, основатель философской школы элеатовъ.

6) Фалесъ (§ 25) и Анаксагоръ (§ 26).

7) Потому что безконечное не можетъ ни граничить съ чѣмъ нибудь, иначе оно перестанетъ быть безконечнымъ, ни соединяться съ чѣмъ либо, такъ какъ кромѣ безконечнаго ничего быть не можетъ. Мнѣніе, приписанное Цицерономъ Ксенофану, несогласно съ тѣмъ, что намъ извѣстно объ этомъ изъ другихъ источниковъ. По Ксенофану, богъ есть существо единое, вѣчное, неизмѣняющееся, совершенное, лежащее въ основѣ всего существующаго, но выше всего, вмѣстѣ съ тѣмъ обладающее чувствомъ и разумомъ. Его ученіе было направлено противъ антропоморфизма.

8) Парменидъ изъ Элеи, ученикъ Ксенофана, разошедшійся съ нимъ

здаетъ нѣчто вымышленное, похожее на вѣнокъ; онъ называетъ στεφάνη¹⁾ блестящій съ безпрерывнымъ жаромъ кругъ, который окружаетъ небо. Онъ называетъ его богомъ, но въ немъ никто и подозрѣвать не можетъ ни божьяго образа, ни чувства. Много еще у него другихъ въ этомъ же родѣ чудовищныхъ мифій: такъ онъ приписываетъ божеству и войну, и раздоръ, и страсть, и прочее въ томъ родѣ²⁾, что уничтожается или болѣзнию, или сномъ, или забвеніемъ, или давностью. То же говоритъ онъ о звѣздахъ, что, какъ опровергнутое въ иномъ мѣстѣ³⁾, здѣсь можетъ быть опущено.

XII. (29) А Эмпедоклъ⁴⁾, дѣлающій погрѣшности во многомъ другомъ, позорнѣйшимъ образомъ ошибается въ мифіи о богахъ. Онъ, вѣдь, утверждаетъ, что четыре элемента, изъ которыхъ, по его мнѣнію, все составляется, божественны; но вѣдь очевидно, что они имѣютъ начало и конецъ и не имѣютъ никакого чувства. — Да и Протагоръ⁵⁾, который утверждаетъ, что у него нѣтъ совершенно никакого яснаго представленія въ вопросѣ о богахъ, есть ли они, нѣтъ ли, и каковы они, повидимому, ничего не предполагалъ о природѣ боговъ. — Что сказать о Демокритѣ⁶⁾? Развѣ онъ не находится въ величайшемъ заблужденіи, причисляя къ числу боговъ то разгуливающіе кругомъ образы, то ту природу, которая изливаетъ и посылаетъ тѣ образы⁷⁾, то наше

въ томъ отношеніи, что различалъ понятіе о первоначальномъ существѣ отъ понятія о божествѣ созидающемъ, которое имѣетъ начало.

1) Въ происшедшемъ отъ первоначальнаго міра Парменидъ принималъ много концентрическихъ сферъ вокругъ земли, имѣвшихъ у него названіе στεφάναι. Говоря о крайней сферѣ, Веллей смѣшиваетъ взглядъ Парменида съ мнѣніемъ стоиковъ, о которомъ см. § 37.

2) Въ своемъ поэтическомъ языкѣ для выраженія отталкивающихъ и притягательныхъ силъ природы Парменидъ употреблялъ выраженія — πόλεμος, νεῖκος, στάσις, ἔρως и т. п.

3) Тамъ, гдѣ говорится объ Алкмеонѣ, — § 27.

4) Эмпедоклъ изъ Агригента (въ Сициліи), около половины V столѣтія, изложилъ свое ученіе, какъ и Ксенофанъ и Парменидъ, въ стихотворномъ произведеніи, въ которомъ онъ олицетворилъ такъ называемые четыре элемента и назвалъ ихъ именами мифологическихъ боговъ, что составляетъ у него поэтическій способъ выраженія. Веллей, очевидно, принимаетъ это за дѣйствительное обоготвореніе.

5) См. выше гл. I, прим. 4. Ср. § 63.

6) Демокритъ изъ Абдеры, младшій современникъ Протагора. См. § 120.

7) § 120.

знаніе и умъ? Онъ же, утверждая, что совершенно нѣтъ ничего вѣчнаго, такъ какъ ничто не остается постоянно въ своемъ положеніи, развѣ не уничтожаетъ совершенно божества, такъ что не оставляетъ никакого представленія о немъ? Ну, а какое можетъ имѣть чувство и какой образъ божій воздухъ, который Діогенъ изъ Аполлоніи¹⁾ считаетъ богомъ?

(30) Слишкомъ было бы долго говорить о непослѣдовательности Платона, который въ «Тимей» отрицаетъ возможность назвать отца нашего міра²⁾, а въ книгахъ «Законовъ» полагаетъ, что не должно изслѣдовать, что такое вообще богъ³⁾. А что онъ утверждаетъ, что богъ не имѣетъ никакого тѣла (*ἀσφρατος*, какъ говорятъ греки), то нельзя понять, какое это можетъ быть существо; ибо въ такомъ случаѣ оно, по необходимости, лишено чувства, лишено также благоразумія⁴⁾, лишено удовольствія, а все это мы соединяемъ вмѣстѣ съ понятіемъ о богахъ. Онъ же и въ «Тимей», и въ «Законахъ» называетъ богомъ и вселенную⁵⁾, и небо, и звѣзды, и землю⁶⁾, и души⁷⁾, и признаетъ и тѣхъ боговъ, которыхъ мы получили по учрежденіямъ предковъ⁸⁾. Эти мнѣнія, какъ очевидно, и сами по себѣ ложны и сильно противорѣчатъ другъ другу.

(31) Также Ксенофонтъ въ меньшемъ количествѣ словъ дѣлаетъ

¹⁾ Діогенъ изъ Аполлоніи, современникъ Анаксагора. Воздухообразное первоначальное существо, которое онъ признавалъ вмѣстѣ съ Анаксименомъ (гл. 10, 26), обладало, по его мнѣнію, не только жизненною силою, но было также *compos divinae rationis* (Augustin. de civ. D. 8, 2).

²⁾ Plat. Tim. p. 28 C.

³⁾ *Νόμοι* 7, p. 821. Упрекъ въ непослѣдовательности относится къ тому, что Платонъ, по словамъ Веллея, отрицая возможность назвать и изслѣдовать сущность божества, въ то же время высказывается въ положительномъ смыслѣ, что божество не имѣетъ тѣла. Впрочемъ, мнѣніе Платона, намѣренно или по ошибкѣ, передано неправильно.

⁴⁾ Насколько благоразуміе есть результатъ опыта, а опытъ, въ свою очередь, — чувственнаго воспріятія, которое немислимо у существа нематеріальнаго.

⁵⁾ Tim. p. 34 B; 68 E; 92 C. Богъ есть міровая душа, вложенная въ міръ, вслѣдствіе чего и самъ міръ называется богомъ.

⁶⁾ *Νόμοι* 7, 22, p. 821 и 10, 8, p. 896. Они божественныя существа, потому что и въ нихъ божественная міровая душа.

⁷⁾ Душу Платонъ называетъ не богомъ, а божественною, потому что и въ ней есть частица міровой души.

⁸⁾ Tim. p. 40 D. сл. Народныхъ боговъ Платонъ называетъ созданіями и случаями верховнаго божества.

Изданія журнала „Гимназія“

Ф. Экштейнъ.

Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ

перев. подъ ред. **Г. Янчевецкаго.**

Ч. I. Лат. преподаваніе. А. *Исторія*. Гл. I. Преподаваніе у римлянъ. Гл. II. Въ средніе вѣка. Гл. III. Съ XV вѣка. Гл. IV. Съ XVI—XVIII вѣка. Гл. V. *Исторія преподаванія въ гимназіяхъ*. — Б. *Методъ*. Гл. I. Грамматика. Гл. II. Писатели. Гл. III. Письменныя работы. — Ч. II. Греч. преподаваніе. I—IV. Общія замѣчанія. А. *Исторія*. Преподаваніе со временъ реформациі. Б. *Методъ*. Гл. I. Грамматика. Гл. II. Писатели. Гл. III. Письменныя работы.
Ц. 3 р.

◀ Для подписчиковъ „Гимназіи“ ц. 1 руб. 50 коп. ▶

К. Негельсбахъ. Гимназическая педагогика. Перев. съ 3 изданія Н. Коралева. I. Учитель. II. Дисциплина. III. Дидактика. — Ц. 1 р.

◀ Для подписчиковъ „Гимназіи“ ц. 50 коп. ▶

Г. Бржоска. Необходимость педагог. семинарій при университетахъ. Перев. подъ ред. **Г. Янчевецкаго** (нѣтъ въ продажѣ).

І. Винкельманъ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА ДРЕВНОСТИ.

Перев. **С. Шаровой**, подъ ред. **Г. Янчевецкаго.** Ц. 3 р.

◀ Для подписчиковъ „Гимназіи“ ц. 1 р. 50 к. ▶

Ч. I. Исслѣдованіе искусства по его сущности. Гл. I. Происхожденіе искусства. Гл. II. Искусство у египтянъ, финикянъ и персовъ. Гл. III. Искусство этрусковъ. Гл. IV. Искусство у грековъ. Гл. V. Искусство у римлянъ.
Ч. II. Искусство въ связи съ обстоятельствами времени. Гл. I. Искусство до Фидія. Гл. II. Отъ Фидія до Александра В. Гл. III. Послѣ Александра. Упадокъ искусства. Гл. IV. Греческое искусство въ Римѣ. Гл. V. Упадокъ при Септиміи Северѣ. — Мелкія статьи.

Павсанія. Описаніе Еллады, или Путешествіе по Греціи во II в. по Р. X., перев. **Г. Янчевецкаго.** Ц. 5 р. — Содержаніе: Введеніе. Кн. I. Атика. Кн. II. Коринѣика. Кн. III. Лаконика. Кн. IV. Мессинія. Кн. V. Илида А. Кн. VI. Илида Б. Кн. VII. Ахаія. Кн. VIII. Аргадія. Кн. IX. Віотія. Кн. X. Фокида.

◀ Для подписчиковъ „Гимназіи“ ц. 2 руб. 50 коп. ▶

Ксенофонтъ. Полное собраніе сочиненій, перев. **Г. Янчевецкаго** въ 5 частяхъ. Ц. 7 р. Ч. I. Анабазисъ. 1 р. 25 к. Ч. II. Воспоминанія о Сократѣ. 80 к. Ч. III. Кинопедія. 1 р. 50 к. Ч. IV. *Исторія Греціи*. 1 р. 50 к. Ч. V. Мелкія статьи. II. 2 р.

Содержаніе Мелкихъ Статей (Scripta Minora): I. Пиръ. II. Апологія Сократа. III. Лакед. государство. IV. Аѳинское государство. V. О хозяйствѣ. VI. Геронъ. VII. Агисилай. VIII. Доходы города Аѳинъ. IX. Гиппархъ. X. О конницѣ. XI. Охота.

V годъ.

V годъ.

Г И М Н А З І Я

ЖУРНАЛЪ ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГІИ

въ 1892 г.

V ГОДЪ ИЗДАНІЯ

выходитъ

ЕЖЕМЪСЯЧНО

Кромѣ статей прежняго характера, въ текущемъ году при „Гимназіи“ будутъ печататься въ русскомъ переводѣ

ТВОРЕНІЯ ДРЕВНИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Между прочими произведеніями древней литературы, предназначенными къ печати, на страницахъ „Гимназіи“ начнутся печатаніемъ, въ переводѣ Г. Янчевецкаго

ТВОРЕНІЯ ГОМЕРА

[Одиссея. Илиада. Гимны. Эпиграммы и пр.]

вмѣстѣ съ дополненіемъ къ Гомеру: „Продолженіе Илиады“ Квинта Смирнскаго.

Цѣна за 12 книгъ 8 руб. въ годъ.

Подписка принимается въ Ревелѣ и у всѣхъ книгопродавцевъ. Гг. преподавателямъ допускается разсрочка по ихъ усмотрѣнію.

Адресъ сост.-издателя:

Ревель. Гимназія Импер. Николая I. Директору Григ. Андр. Янчевецкому.

Всѣ изданія „Гимназіи“ и „Описаніе Еллады“ Павсаниі могутъ быть приобрѣтаемы Гг. подписчиками за

полцѣны.